Д.О
Ю.703
Проверено 1964 г.

№ 2 Годъ XXIII

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

9.1 5000 шл 53

ФЕВРАЛЬ

1891

ТОМЪ VII

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1891

БИБЛИОТЕКА

Содержаніе февральской книги.

Стран.

I. ДЖЕМСЪ СОРОЛЬДЪ РОДЖЕРСЪ (некрологъ). **И. В. Лучицкаго** . 171

II. ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ РЕФОРМА ГРАФА Е. Ф. КАНКРИНА **В. Т. Судейкина** 186

III. ТВОРЧЕСКАЯ СИЛА ОБЫЧАЯ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ. Л. С. **Бѣлогрицъ-Котляревскаго** 210

IV. РУССКАЯ КНИГА О ЛОРЕНЦѢ ФОНЪ ШТЕЙНѢ. *Н. Чижовъ*, профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета: *Право и его содержаніе по ученію Лоренца фонъ Штейна*. Очеркъ современной юридической литературы. Одесса 1890 г. **В. М. Нечаева** и **Н. Ланге**. 236

V. О ПОСТАНОВКѢ ВОПРОСОВЪ ПРИСЯЖНЫМЪ ЗАСѢДАТЕЛЯМЪ ПРИ РАЗДѢЛЕНІИ СОВОКУПНАГО ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ (СТ. 754 УСТ. УГ. СУД.). **А. К. Вульферта** 251

VI. О ВАКУФАХЪ ВЪ САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ. **И. П. Петрова** 266

VII. СЕНАТСКАЯ ПРАКТИКА ПО УГОЛОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ ВАРШАВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ. **А. В. Кочубея** 275

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ. *Letourneau*. Lévolution juridique dans les diverses races humaines. Paris. 1891. **В. Гольцева**.—*Emmanuel le Barbier*. Le Credit agricole en Allemagne. Paris. 1890.—Архивъ юго-западной Россіи. Часть V, т. II, вып. 1 и 2: Переписи еврейскаго населенія въ юго-Западномъ краѣ въ 1765—1791 гг. Кіевъ. 1890 г. **М. В.**—Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга седьмая. М. 1890, стр. XII, 213 и 426, in. 8. Ц. 3. руб. **В. С** 297

IX. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. Страховыя учрежденія въ Россіи.—Противозаконное сожитіе (какъ дополненіе замѣтки, помѣщенной въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1890 годъ, №№ 7 и 8, т. V). **В. Харламова** 312

МАЙ 2008

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1891

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

Томъ VII

КНИГА ВТОРАЯ

(Февраль)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер. № 5.
1891

2984/2 Спр. отд. 15000 экз.
С.-Петербургский государственный университет БИБЛИОТЕКА ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Лен. Гос. Университет НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М. Горького

Ex libris

ДЖЕМСЪ СОРОЛЬДЪ РОДЖЕРСЪ.

(Некрологъ) *).

Крупную и безвременную утрату понесла историческая и экономическая наука, и не одна только англійская наука, въ лицѣ Джемса Сорольда Роджерса. Я говорю—безвременная утрата, потому что Роджерсъ сошелъ въ могилу въ полномъ разцвѣтѣ силъ, на 67 году жизни (умеръ 12 октября н. ст. 1890 года—родился въ 1823 г.), когда наука вправѣ и могла ожидать отъ него новыхъ капитальныхъ трудовъ, о которыхъ онъ говорилъ своимъ друзьямъ. Для многихъ слова эти покажутся странными. Мы не привыкли смотрѣть на возрастъ, въ которомъ умеръ Роджерсъ, какъ на возрастъ еще не глубокой старости, и при нашей склонности считать чуть не однимъ десятилѣтіемъ смѣну поколѣній, намъ кажутся неожиданными такія выраженія, какъ то, которымъ покойный М. Е. Салтыковъ охарактеризовалъ, напримѣръ, возрастъ въ 40 лѣтъ. Но кто близко знакомъ съ условіями европейской жизни, съ біографіями выдающихся европейскихъ дѣятелей текущаго столѣтія, кому извѣстны жизнь и дѣятельность лорда Брума, старшаго Распайля и т. п., кто слѣдилъ за разнообразною дѣятельностью Гладстона или, подобно пишущему эти строки, имѣлъ возможность близко видѣть такихъ ветерановъ науки, какъ Гизо или Литтре въ послѣдніе годы ихъ болѣе, чѣмъ 70—80-лѣтней жизни, видѣть почти юношескую живость, съ какой относились они къ затрогиваемымъ въ разговорахъ вопросамъ науки, политики или религіи, глубокій интересъ къ историческимъ изслѣдованіямъ, сохранившійся у нихъ въ послѣднія минуты ихъ дѣятельности,—не сочтетъ лишь пустой или банальной фразой, сказанное о Роджерсѣ. И эта без-

*) Читано въ историческомъ Обществѣ Нестора въ Кіевѣ, 9 декабря 1890 г.

временность кончины Роджерса тѣмъ болѣе чувствительна, что своими трудами, въ особенности же тѣмъ, который англичане совершенно справедливо называютъ его *magnum opus*, онъ крупными чертами отмѣчаетъ собою начало новаго направленія въ развитіи исторической науки. Я разумѣю то направленіе, которое получало болѣе широкіе размѣры лишь въ послѣднія 10—15 лѣтъ какъ въ Англіи, такъ особенно въ Германіи, гдѣ въ лицѣ Шмоллера, Лампрехта, Инамы-Стернега, Конрада, Шанца и цѣлой массы ихъ послѣдователей и учениковъ, выступившихъ на арену дѣятельности уже послѣ появленія первыхъ трудовъ Роджерса, оно сдѣлалось одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ научной жизни и дѣятельности и обѣщаетъ въ близкомъ будущемъ радикально измѣнить то, что называютъ научной исторіей, научной политической экономіей. Движеніе, созданное ими въ наукѣ, впервые придало бо̀льшую осмысленность спутаннымъ фразамъ: «изученіе народа, народной жизни». Благодаря ему, на первый планъ выдвинуто изученіе важнѣйшаго изъ факторовъ жизни: экономическаго фактора, и вполнѣ ясно поставлено, какъ главная задача изученія, выясненіе во всѣхъ деталяхъ процесса экономическихъ измѣненій, происходившихъ въ жизни какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и всей Европы, но процесса не самого лишь въ себѣ (какъ то было раньше), а въ связи съ остальными явленіями и факторами жизни. Какое вліяніе оказывали экономическія явленія на ходъ событій, какое взаимодѣйствіе существовало между экономическими факторами и тѣмъ колейдоскопомъ событій и фактовъ, который составляетъ содержаніе того, что называютъ обыкновенно исторіей,—вотъ въ чемъ дѣятели этого новаго движенія въ историко-экономической наукѣ видятъ главное условіе для созданія научной исторіи.

Въ этомъ движеніи исторической науки Роджерсу принадлежитъ, безспорно, одно изъ первыхъ и самыхъ видныхъ мѣстъ, какъ крупному его иниціатору. Не даромъ нѣмецкіе историки, обыкновенно крайне скупые въ ссылкахъ на чужеземные авторитеты, весьма часто обращаются къ трудамъ Роджерса, называютъ его (какъ, напримѣръ, Шанцъ) «rühmlichst bekannte Forscher»: имъ данъ сильный толчекъ въ смыслѣ широкаго изученія экономическихъ факторовъ; онъ яснѣе и шире, чѣмъ кто либо до него, опредѣлилъ задачи и цѣли историческаго изученія экономической жизни, роль ея въ исторіи. Въ своихъ трудахъ, въ теченіе двадцатипятилѣтней ученой дѣятельности, начавшейся, строго говоря, лишь съ изданія имъ первыхъ двухъ томовъ его капитальнаго сочиненія: «a history of agriculture and prices in England» (1866), не переставалъ онъ разъяснять значеніе новаго

метода, и въ только что упомянутомъ трудѣ, и въ курсѣ политической экономіи (1868) и въ позднѣйшихъ трудахъ, кончая однимъ изъ послѣднихъ, изданныхъ имъ: «The economic interpretation of history» (1888), съ особенною энергіей настаивалъ онъ на томъ, что пониманіе историческихъ событій, выясненіе ихъ связи находится въ прямомъ отношеніи къ выясненію и пониманію экономическихъ явленій. «Трудъ, подобный предпринятому мною, писалъ онъ 25 апрѣля 1866 года, существенно необходимъ для экономическаго выясненія исторіи, выясненія, которое,—я смѣло берусь утверждать это,—имѣетъ первостепенное значеніе для пониманія прошедшаго, все равно идетъ ли рѣчь объ юридическихъ древностяхъ, дипломатическихъ интригахъ или военныхъ походахъ. Немного можно насчитать такихъ событій въ исторіи, на которыя не былъ бы пролитъ яркій свѣтъ съ помощью фактовъ, составляющихъ предметъ изученія лишь однихъ экономистовъ». Но, прибавляетъ онъ,—и въ данномъ случаѣ слова его вполнѣ оправдываются исторіей науки,—«мы можемъ принять, какъ правило, что трудъ, необходимый для достаточнаго ознакомленія съ фактами этого рода (т. е. экономическими), ни разу не былъ задуманъ, если же и пытались предпринять его, то то, что дѣлали, носило отпечатокъ крайней поспѣшности, да и составлялось какъ бы мимоходомъ. Если существуетъ, какъ нѣсколько сильно утверждаютъ нѣкоторые писатели, наука исторіи, т. е. такой методъ изслѣдованія фактовъ, съ помощью котораго можетъ быть предсказано будущее или вполнѣ выяснено прошедшее, то, безъ сомнѣнія, она можетъ быть создана лишь путемъ изученія той части анналовъ, которая включаетъ въ себѣ данныя экономической жизни». «Англійская нація, иллюстрируетъ онъ свою мысль, вылилась въ современную ея форму не въ силу ея конституціи и ея законовъ, ибо ни въ той, ни въ другихъ не было постояннаго, непрерывнаго движенія впередъ, и оба они являлись лишь результатомъ той или иной примы энергіи, вытекавшей изъ экономическихъ причинъ или видоизмѣняемой ими. Я не могу приписать смѣлость парламента при Генрихѣ IV лишь одному факту малой популярности его или тому, что онъ узурпировалъ власть, а исключительно приписываю ее сильному развитію въ то время богатаго и смѣлаго земледѣльческаго класса. Не могу я также усмотрѣть причинъ могущества королевской власти при Генрихѣ VIII въ личныхъ способностяхъ Генриха VIII, въ его самолюбіи и энергіи; я вижу ихъ въ томъ фактѣ разложенія общества, которое вызвано было экономическими слѣдствіями войнъ алой и бѣлой розы» (предисловіе къ исторіи цѣнъ, т. I). Почти двадцать пять лѣтъ спустя, во вступительной лекціи къ

курсу, прочитанному имъ въ Оксфордѣ, онъ вновь и еще рельефнѣе, съ свойственною ему оригинальностью и рѣзкостью, высказывалъ тѣ же мысли, ту же программу разработки исторіи. «Во всѣхъ почти исторіяхъ и во всѣхъ трактатахъ по политической экономіи, говорилъ онъ въ своей вступительной лекціи, собраніе и интерпретація экономическихъ фактовъ,—подъ чѣмъ я разумѣю такое изложеніе фактовъ, которое иллюстрируетъ какъ общественную жизнь, такъ и распредѣленіе богатствъ въ различныя эпохи человѣчества,—оставлялись обыкновенно въ пренебреженіи. Но это пренебреженіе дѣлаетъ исторію неточною или, по меньшей мѣрѣ, несовершенною, а политическую экономію—чисто умозрительною наукой и, быть можетъ, иногда и вредною иллюзіей. Почти каждый историкъ станетъ увѣрять, что та исторія, которая не дастъ объясненія движенію данной рассы впередъ, не можетъ быть названа исторіей, имѣющей цѣну. То же и съ политико-экономомъ. Тотъ изъ нихъ, кто, въ своей оцѣнкѣ современныхъ ему агентовъ или силъ, не приметъ во вниманіе тѣхъ условій, которыя создавали или видоизмѣняли эти силы, только развѣ въ силу одного чуда не съиграетъ въ слѣпую. Исторія, отказывающаяся отъ стремленія и опредѣлить относительное значеніе и цѣнность фактовъ, и показать, какъ и какимъ образомъ серія данныхъ фактовъ можетъ быть выяснена, неизбѣжно превратится въ безпорядочный и негодный словарь, а политическая экономія, съ пренебреженіемъ относящаяся къ коррективамъ очевидности,—въ безтолковую метафизику, искусственно и лживо освѣщающую современную жизнь». Онъ не отвергаетъ успѣховъ, сдѣланныхъ въ послѣдніе годы исторической наукой. «Я признаю всецѣло, говоритъ онъ, что солидное изученіе исторіи достигло значительныхъ размѣровъ. Изложеніе у историковъ не ограничивается уже разсказами о войнѣ и мирѣ, генеалогіей, или пересказомъ такого рода анналовъ, о которыхъ сложилась поговорка, что счастливъ тотъ народъ, у котораго нѣтъ исторіи. Историки начали включать въ свои труды изученіе и конституціонныхъ учрежденій, и развитіе права и юриспруденціи, хотя рѣдкій изъ нихъ обращалъ вниманіе на экономическія условія, создавшія прогрессъ права или учрежденій». Самое важное, однако, не было сдѣлано, по мнѣнію Роджерса. «Лишь слегка, очень слегка, говоритъ онъ, затронута была соціальная исторія, слегка касались состоянія народа, судебъ землевладѣнія и труда, обстоятельствъ и условій, въ силу которыхъ возникала, натурализовалась и развивалась та или иная промышленность!

И у Роджерса все это, всѣ эти опредѣленія задачъ и цѣлей изслѣдованія, не являлись лишь простою формулировкою дезидератъ

науки. И по складу ума, и въ силу широкаго пониманія состоянія исторической науки въ его время, онъ не былъ склоненъ заниматься лишь наматываніемъ и разматываніемъ клубка философскихъ теоретическихъ идей. Онъ стремился прежде всего создать прочную почву, почву, которой до него не было, для постройки будущаго научнаго зданія. И въ этомъ созданіи почвы и заключается главная и наиболѣе крупная его заслуга. Она выразилась въ главномъ и капитальнѣйшемъ изъ его трудовъ, въ его исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи (History of agriculture and prices in England from 1259 to 1793, т. I—VI, 1866—1888).

Въ некрологѣ, какой я даю теперь, выяснять значеніе и цѣнность того громаднаго ряда объясненій, иногда въ высокой степени оригинальныхъ, которыя щедрою рукою разсыпаны Роджерсомъ въ его трудахъ, было бы совершенно невозможно. Моя цѣль—указать на крупныя лишь заслуги писателя, и въ этомъ отношеніи достаточно будетъ дать одни общія указанія. И нужно замѣтить, что далеко не всѣ его объясненія могутъ быть признаны научными, не вездѣ и не всегда они представляются строго обоснованными, не всѣ, несомнѣнно, будутъ приняты наукой. Но какъ бы незначительно ни было количество безусловно вѣрныхъ выводовъ Роджерса, какъ бы ни съузилась въ будущемъ роль его въ этомъ отношеніи, за нимъ останется навсегда одна безспорная заслуга,—заслуга историка, впервые и въ широкихъ размѣрахъ утилизовавшаго груды фактовъ, обыкновенно оставляемыхъ въ сторонѣ такъ называемыми историками. А его главный трудъ не есть только изложеніе его личныхъ выводовъ и мнѣній. Почти на половину—это систематизированное собраніе громаднѣйшаго статистическаго и экономическаго матеріала, впервые и въ обширныхъ размѣрахъ сведеннаго въ одно стройное цѣлое. За семь съ половиною вѣковъ собраны имъ для Англіи данныя цѣнъ по всѣмъ отраслямъ земледѣльческаго хозяйства во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ. Почти съ 1260 по 1793 годъ онъ даетъ намъ безконечную серію цифръ въ таблицахъ, показывающихъ не только цѣны труда и хлѣба, но и скота, шерсти, кожъ, сыра, масла, яицъ, фруктовъ, сала, сѣна и т. п., а затѣмъ и цѣны орудій земледѣлія, матеріаловъ для выработки этихъ орудій. Изучающему соціальную жизнь данной страны предоставленъ весь матеріалъ для характеристики и яснаго пониманія этой жизни, жизни чрезвычайно простой и, какъ думаютъ, тривіальной, но именно той, безъ знакомства съ которой открытіе законовъ развитія ея всегда будетъ лишено прочности.

Но такихъ работъ, какова та, которую сдѣлалъ и въ такихъ ши-

рокихъ размѣрахъ Роджерсъ, не существовало и не существуетъ *ни въ одной* европейской литературѣ, и честь первой мысли и первой попытки осуществленія ея составляетъ неотъемлемую заслугу Роджерса. Могутъ сказать,—и это и было высказываемо,—что задача, предпринятая Роджерсомъ, была въ значительной степени облегчена какъ богатствомъ имѣющагося въ Англіи рукописнаго матеріала для экономической исторіи, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что условія развитія Англіи были болѣе однообразны, чѣмъ въ другихъ странахъ, и что вслѣдствіе этого, даже не полныя данныя, данныя одной области, могутъ служить основаніемъ,—и весьма прочнымъ,—для обобщенія выводовъ изъ нихъ на всю страну. Въ этомъ есть доля справедливости. Было бы не мыслимо данныя какой нибудь одной, напримѣръ, полосы Франціи или одной группы поселеній лѣвобережной Украйны распространять на всю страну, уже въ силу разнообразія условій развитія отдѣльныхъ мѣстностей этихъ странъ. Но богатство матеріала, которымъ въ своихъ многочисленныхъ архивахъ обладаетъ Франція, едва ли уступаетъ тому, которымъ могъ распоряжаться Роджерсъ. Рядъ залъ почти въ каждомъ французскомъ архивѣ, залъ, набитыхъ грудами рукописей, касающихся экономической жизни страны, рукописей, заключающихъ въ себѣ и такъ называемыя assiettes за рядъ столѣтій, и denombrements, и livres de terrier, и declarations и т. п., ясно свидѣтельствуетъ, даже при поверхностномъ обзорѣ ихъ, какую массу матеріала для исторіи экономической жизни заключаютъ они въ себѣ. Между тѣмъ они остаются совершенно нетронутыми, ихъ разработка даже и въ настоящее время не начата французскими историками, а столь же богатый матеріалъ въ Германіи только въ послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ сталъ привлекать вниманіе историковъ, да и то въ слабой сравнительно степени.

Такимъ образомъ, говоря словами одного изъ біографовъ Роджерса, Джиббинса, приходится признать, что «Роджерсъ своимъ трудомъ далъ первое прочное основаніе, почву для разработки и историкамъ, и экономистамъ, ибо, до послѣдняго времени, и экономистъ и историкъ, оба находились въ одномъ же положеніи. У перваго были теоріи, но безъ фактовъ, у втораго—факты, но безъ теоріи». Отчасти послѣднее, и въ громадной степени первое и даны Роджерсомъ, разумѣется, пока еще для одной Англіи, даже преимущественно для одной стороны ея экономической жизни, главнымъ образомъ, земледѣльческой жизни.

Много лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ выдающихся французскихъ ученыхъ, бывшій директоръ école des chartes, Кишери, характеризуя въ частной бесѣдѣ условія, наиболѣе благопріятствующія развитію и успѣ-

хамъ историческаго знанія, открыто высказалъ свое убѣжденіе, что школа и ферула школы, какъ она, эта школа, понимается и практикуется во Франціи и Германіи, далеко не находятся въ прямомъ отношеніи съ успѣхами историческихъ работъ, что отсутствіе школы, или лишь слабое ея проявленіе нерѣдко создаютъ болѣе выдающихся дѣятелей въ наукѣ, дѣятелей, оставляющихъ въ ней глубокій слѣдъ, чѣмъ тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, хотя школа и предотвращаетъ отъ ошибокъ, колебаній и т. п., но сдавливаетъ и стѣсняетъ смѣлость и отвагу мысли.

Роджерсъ является, несомнѣнно, лучшей иллюстраціей этого мнѣнія Кишери. Англійскіе историки, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, и въ отличіе отъ собратій своихъ на континентѣ, или не были создателями школы, какъ ее понимаютъ на континентѣ, или не являлись вовсе результатомъ какой либо установившейся школы. Единственной школой для нихъ была сама жизнь Англіи, ея общественныя и политическія условія, вліяніе которыхъ создавало историковъ, опредѣляло ихъ характеръ и направленіе. Въ большинствѣ случаевъ вліяніе этихъ условій съ одной стороны, личныя качества историка съ другой и были опредѣляющими моментами созданія крупной научной силы, обыкновенно и иногда долгое время искавшей выхода, переходившей отъ одного направленія къ другому, переживавшій рядъ колебаній и ошибокъ, нерѣдко тратившей массу ихъ прежде, чѣмъ выйти на торную дорогу. У немногихъ это сказалось съ такой силой, какъ на Роджерсѣ.

Девятый сынъ небогатой семьи, жившей въ небольшой деревенькѣ, Уэстъ-Меонъ, въ Гемпширѣ, Джемсъ Сорольдъ Роджерсъ родился въ 1823 г. Семья, видимо, выдавалась даровитостью ея членовъ. Одинъ изъ братьевъ Джемса Роджерса, Іосифъ, пользовался извѣстностью, какъ выдающійся врачъ при одномъ рабочемъ домѣ, и воспоминанія его, изданныя въ прошломъ году Джемсомъ Роджерсомъ, обратили на себя вниманіе спеціалистовъ. Но, несомнѣнно, самымъ даровитымъ, наиболѣе талантливымъ былъ Джемсъ Роджерсъ. Воспитанный сначала въ соутъ-эмптонской школѣ, а затѣмъ въ королевской коллегіи въ Лондонѣ, онъ на 20 году жизни поступаетъ въ оксфордскій университетъ, и три года спустя, въ годъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ (1846 г.), блистательно, однимъ изъ первыхъ, оканчиваетъ курсъ, пріобрѣтаетъ славу и извѣстность, какъ хорошій и выдающійся классикъ, какъ комментаторъ греческихъ классиковъ: Аристотеля (Этика), Эврипида (Вакха), Горація, Ювенала и т. д. Это даетъ ему возможность уже на первыхъ порахъ пріобрѣсть въ 1849 году высшую ученую степень, а позже званіе экзаменатора въ одной изъ классическихъ школъ. Онъ

представитель лишь школьной оксфордской ферулы, но его индивидуальныя черты не сказываются въ его работахъ. Не выдѣляется онъ своими трудами изъ ряда классиковъ и коментаторовъ своего времени. Печать школы все еще лежитъ на немъ, и только его богатая, энергическая натура спасаетъ его отъ той узости взглядовъ, которая сопутствуетъ первые шаги его ученой дѣятельности.

Условія общей англійской общественной жизни, среди которыхъ ему пришлось развиваться, создаютъ для него то, чего не давала и не могла дать школа, изъ которой онъ вышелъ съ громадными познаніями въ спеціальной области, но съ полнымъ почти отсутствіемъ опредѣленныхъ убѣжденій. Окружающимъ его вліяніямъ онъ даетъ лишь богатую почву, и отсюда рядъ увлеченій и колебаній, которыми отмѣчены первые годы его дѣятельности. Время, въ которое онъ развивался, было однимъ изъ наиболѣе живыхъ въ англійской исторіи. То было время возникновенія цѣлаго ряда захватывавшихъ движеній въ англійскомъ обществѣ, время трактаріанскаго движенія и пюзеизма, время энергической борьбы за реформу, сильнаго чартистскаго движенія и борьбы, начатой Кобденомъ на почвѣ вопроса о хлѣбныхъ законахъ и о роли крупнаго землевладѣнія. Все это, всѣ эти движенія и вопросы, всецѣло овладѣли умами, составляли предметъ постоянныхъ бесѣдъ во всемъ англійскомъ обществѣ. Самъ Роджерсъ, много лѣтъ спустя, въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Оксфордѣ въ 1887—88 гг., съ особеннымъ чувствомъ вспоминаетъ объ этой порѣ, когда ему на всѣхъ перекресткахъ, въ гостиныхъ и кабинетахъ, приходилось слышать рядъ горячихъ споровъ то по тому, то по иному вопросу, споровъ, живо представлявшихся ему на склонѣ его лѣтъ. Оксфордъ еще въ тридцатыхъ годахъ сдѣлался центромъ крупнаго движенія, возникшаго въ средѣ англиканскаго высшаго духовенства, направленнаго къ реформѣ церкви и обнаружившаго уже въ первыхъ моментахъ своего возникновенія совершенно ясное стремленіе къ сближенію съ католицизмомъ или пюзеизмомъ.

То было такъ называемое тракторіанское движеніе. Рядъ работъ по церковнымъ вопросамъ, знаменитые tracts for the teines, былъ выпущенъ въ Оксфордѣ, съ цѣлью доказать необходимость возврата къ строго католическому ученію, къ доктринамъ и обрядамъ католическимъ, и въ моментъ пребыванія Роджерса въ университетѣ, sommités движенія, Ньюманъ, Пюзей, Уордъ и др., уже открыто присоединились къ католической церкви, превратились, какъ Ньюманъ, изъ англиканскихъ епископовъ въ кардиналовъ римской церкви. Консервативной партіи въ Оксфордѣ удалось, правда, выжить изъ Оксфорда этихъ опас-

ныхъ для англиканской церкви дѣятелей, но впечатлѣніе, производимое ими на умы, было громадно, и молодое поколѣніе студентовъ Оксфорда было всецѣло увлечено проповѣдями Пюзея и др. Извѣстные впослѣдствіи ученые, какъ Конгревъ и Лесли Стифенъ, отдались вполнѣ новому ученію. Вполнѣ и всецѣло, со всею страстностью своей даровитой натуры отдался ему и Роджерсъ. Онъ бросилъ все для служенія новому дѣлу, открыто присоединился къ нему и принялъ санъ священника (въ деревнѣ Heodington Quarry подлѣ Оксфорда). Но его не удовлетворила новая дѣятельность. Рвеніе и искренняя вѣра въ идеи трактаріанизма быстро смѣнились равнодушіемъ къ нимъ. Новые вопросы привлекли его вниманіе, вопросы политическіе, волновавшіе тогда умы, и мы видимъ, что онъ бросаетъ свой приходъ, слагаетъ съ себя санъ и вступаетъ въ бракъ. Разрывъ съ прошлымъ былъ полный, но такъ же какъ и прежде, и съ такимъ же увлеченіемъ, отдается онъ новому теченію жизни, созданному такими дѣятелями, какъ Кобденъ и Брайтъ. Уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ всецѣло подчинился вліянію Кобдена, сдѣлался личнымъ другомъ его, а затѣмъ и Брайта, и подъ ихъ вліяніемъ сталъ усердно работать надъ изученіемъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ, продолжая въ то же время преподавательскую свою дѣятельность въ качествѣ частнаго учителя классическихъ языковъ. То были первые шаги, сдѣланные Роджерсомъ, въ его будущей научной дѣятельности, опредѣлившіе направленіе его работы. Но въ ту пору, почти до половины шестидесятыхъ годовъ, онъ по отношенію къ новому движенію, увлекшему его, стоялъ такъ же, какъ и къ прежнему, религіозному. Онъ являлся лишь не болѣе какъ даровитымъ, но далеко не самостоятельнымъ ученикомъ. Его литературная дѣятельность въ то время была очень незначительна и не носила отпечатка самостоятельности мысли. Небольшая брошюрка «Law of settlement», затѣмъ книжка педагогическаго характера; «Education at Oxford»,—вотъ все то, что было напечатано имъ за это время. Экономическія воззрѣнія Кобдена и затѣмъ Милля, оказавшаго на формированіе убѣжденій Роджерса не малое вліяніе, сдѣлались всецѣло и его воззрѣніями, и онъ являлся лишь простымъ послѣдователемъ ученія Манчестерской школы, отъ нѣкоторыхъ изъ мнѣній которой, особенно въ области политики, онъ не отказывался до послѣдней минуты. Но тогда уже, подъ вліяніемъ Кобдена и въ особенности подъ вліяніемъ личнаго примѣра Кобдена, онъ сталъ изучать земледѣліе и агрономическіе вопросы и изучать практически, путемъ непосредственнаго наблюденія и изученія на мѣстѣ и системъ земледѣлія, и формъ и порядковъ землевладѣнія. Какъ и Кобденъ и, видимо, по совѣту его,

онъ сталъ ѣздить по Англіи, затѣмъ отправился въ Америку, потомъ во Францію и другія страны, гдѣ онъ и пріобрѣлъ тѣ глубокія познанія и вопросовъ поземельной политики и поземельныхъ отношеній, которыя дали ему возможность шире, чѣмъ кто либо до него, поставить вопросъ объ историческомъ изученіи земледѣлія и земельныхъ отношеній въ Англіи. Уже къ концу пятидесятыхъ годовъ онъ пріобрѣлъ извѣстность не только какъ хорошій классикъ, но и какъ знатокъ политической экономіи, а затѣмъ, съ начала шестидесятыхъ годовъ, какъ человѣкъ, спеціально отдавшійся изслѣдованію экономическихъ явленій въ ихъ историческомъ развитій.

Это изученіе въ связи съ практическими познаніями, пріобрѣтенными имъ во время его путешествій, и послужило почвой для дальнѣйшей, уже вполнѣ самостоятельной научной его дѣятельности, для выработки тѣхъ оригинальныхъ воззрѣній на многіе вопросы политической экономіи (наприм., вопросъ о рентѣ), которыми онъ рѣзко отдалился отъ ученія и воззрѣній своихъ прежнихъ учителей, Кобдена и Милля. Онъ самъ описываетъ намъ тотъ процессъ, благодаря которому онъ сталъ, наконецъ, на собственную самостоятельную почву. «Меня побудили заняться тою отраслью теоріи, которая имѣетъ дѣло съ экономическими явленіями, пренія, происходившія на международномъ статистическомъ конгрессѣ 1860 года и выяснявшія важность изслѣдованій по вопросамъ о цѣнахъ въ прежнія времена, объ отношеніяхъ между цѣнами на трудъ и на пищу. Вынужденный оставаться долгое время въ Англіи, я сталъ рыться въ Бодлеянской библіотекѣ и нашелъ не мало данныхъ по этимъ вопросамъ для XVI в., и лишь очень немногое для XIV ст. Въ виду того я задумалъ было вначалѣ ограничиться лишь изслѣдованіемъ измѣненій цѣнъ въ XVI в.». Но, занявшись розысканіемъ матеріала въ архивахъ (Оксфордскомъ, Мертонскомъ, затѣмъ и Public Record Office), онъ собралъ настолько богатый матеріалъ, что могъ значительно расширить рамки своего будущаго труда. «Я, говоритъ онъ, рѣшился тогда приступить къ дѣлу возможно скорѣе, и, такимъ-то образомъ, совершенно случайно сталъ антикваріемъ». Результаты его занятій не замедлили появленіемъ на свѣтъ, и уже въ 1866 году онъ выпустилъ два первыхъ тома извѣстнаго намъ капитальнѣйшаго труда по теоріи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи, труда, создавшаго ему репутацію выдающагося ученаго. Они же, эти его изслѣдованія въ области историко-экономической привели его къ выработкѣ совершенно самостоятельныхъ и оригинальныхъ, хотя и оспариваемыхъ, выводовъ въ политической экономіи, къ рѣзкой критикѣ существующихъ политико-экономическихъ ученій и док-

тришъ, къ созданію своеобразной политической экономіи. Чѣмъ болѣе погружался онъ въ изученіи прошлаго, тѣмъ все болѣе и болѣе уклонялся онъ отъ прежнихъ своихъ мнѣній. «Уже много лѣтъ тому назадъ, писалъ онъ въ 1888 г., я сталъ подозрѣвать, что многое въ политической экономіи, признаваемое обыкновенно безусловно вѣрнымъ, есть не иное что, какъ собраніе логомахій, имѣющихъ лишь весьма отдаленное отношеніе къ явленіямъ соціальной жизни. Случайныя обстоятельства и привели меня къ изученію этихъ фактовъ общественной жизни нашихъ предковъ, фактовъ, о существованіи которыхъ никто и не подозрѣвалъ. Я началъ собирать матеріалы... постепенно расширялъ поле изслѣдованія, включилъ въ него все то, что можетъ дать понятіе объ условіяхъ общественной жизни англичанъ за шесть вѣковъ до настоящаго времени и вплоть до новаго времени, и, постепенно, я понялъ, какъ жили англичане въ теченіе этихъ вѣковъ, узналъ,—хотя врядъ я когда либо во всей полнотѣ буду въ состояніи разсказать это,—послѣдовательную теорію общественной жизни Англіи до нашихъ дней. Благодаря этому изученію, я постепенно сталъ открывать, что многое изъ того, что популярные экономисты считаютъ естественнымъ,—чисто искусственнаго происхожденія; что то, что они называютъ законами, весьма часто являются поспѣшными, необдуманными и неточными обобщеніями, и что многое, на что они взираютъ какъ на нѣчто вполнѣ неопровержимое — безспорно ложно». Въ выпущенномъ имъ въ 1868 году руководствѣ политической экономіи (Manual of political Economy) онъ уже совершенно ясно отдѣлился отъ своихъ предшественниковъ, и какъ въ своемъ ученіи о рентѣ, такъ и по другимъ вопросамъ, обнаруживъ стремленіе не только мыслить вполнѣ самостоятельно, но и подорвать въ самомъ корнѣ и помощью данныхъ исторіи то, что считалось истиной, и въ чемъ онъ все болѣе и болѣе усматривалъ одно заблужденіе. Если здѣсь, какъ и во многихъ другихъ его произведеніяхъ, обнаружилась нѣкоторая слабость его теоретическихъ выводовъ, вызвавшихъ сильныя нападки на него, то, несомнѣнно, его критика являлась разрушительной для многихъ экономическихъ теоремъ и вызывала настойчиво потребность въ ихъ тщательномъ пересмотрѣ.

Эти первые труды его выпущены были имъ уже въ то время, когда онъ былъ профессоромъ политической экономіи въ Оксфордѣ. Еще въ 1862 г., послѣ смерти Чарльза Нита (Charles Neate), Роджерсу, совершенно неизвѣстному еще въ политико-экономической литературѣ, была предложена вакантная каѳедра, и онъ избранъ былъ на нее, на 5 лѣтъ. Его выборъ, выборъ человѣка, неизвѣстнаго въ публикѣ

своими трудами, вызвалъ не малое удивленіе. Но члены Оксфордскаго университета знали о начатой имъ работѣ, и то, что было сдѣлано имъ во время его университетской карьеры, вполнѣ оправдало предпочтеніе, оказанное ему Оксфордомъ. Но онъ не долго удержался на каѳедрѣ. При новыхъ выборахъ онъ не получилъ большинства: ему предпочли Bonamy Price'a, и онъ вынужденъ былъ на долгое время разстаться съ научною преподавательскою дѣятельностью. Въ теченіе короткаго времени пребыванія въ Оксфордѣ, въ качествѣ профессора, онъ создалъ въ средѣ консервативныхъ профессоровъ сильныхъ враговъ, которые не затруднились при первомъ удобномъ случаѣ отдѣлаться отъ неспокойнаго товарища. Человѣкъ открытаго характера, привыкшій, благодаря отчасти и тѣмъ колебаніямъ, которыя онъ пережилъ, свободно и открыто высказывать свои мнѣнія, обширно образованный и въ то же время ѣдкій юмористъ, умѣвшій ловко пользоваться богатымъ запасомъ анекдотовъ, эпитетовъ и т. п., которыми онъ щедро уснащалъ свои бесѣды, лекціи и рѣчи, оригинальный экономистъ, всецѣло проникнутый идеями Кобдена и ушедшій далеко впередъ сравнительно съ своимъ учителемъ, онъ не могъ не возбудить противъ себя реакціи. Его нападки, совершенно откровенныя, на порядки, царившія въ университетѣ, его радикальный образъ мыслей, несдержанная и рѣзкая рѣчь его создали ему ярыхъ враговъ и навлекли на него кличку, которая долго тяготѣла надъ нимъ, кличку, ненавистную ему, коммуниста. Много лѣтъ спустя, когда онъ былъ уже членомъ парламента, лордъ Iddesleigh возобновилъ въ памяти парламента эту старую кличку и вызвалъ рѣзкій протестъ со стороны Роджерса. Онъ потребовалъ отъ достопочтеннаго лорда, чтобы тотъ привелъ хотя бы одно мѣсто изъ его трудовъ, которое подтверждало бы ссылку, и заставилъ его принести публичное извиненіе. Въ предисловіи къ своей книгѣ «Economic interpretation of history», вспоминая этотъ фактъ, Роджерсъ писалъ: «я всегда замѣчалъ, что люди, лишенные чувства общественной и политической справедливости, склонны всегда обвинять своихъ противниковъ въ враждебныхъ замыслахъ противъ порядка и собственности». Сцена въ парламентѣ вполнѣ соотвѣтствовала и тону его рѣчей, и чтеній, и книгъ. Мы видѣли нѣкоторые изъ образцовъ этого. Позволю себѣ привести другой, объясняющій ту вражду, какую онъ создалъ въ средѣ оксфордскихъ профессоровъ. Въ лекціи о протекціонизмѣ, характеризуя протекціонизмъ, онъ говоритъ: «то, что я желаю выяснить, есть слѣдующее, а именно, что для общества, взятаго въ широкомъ смыслѣ, политика протекціонизма не можетъ быть благодѣтельной. Она не ока-

зывала и не можетъ оказать благодѣтельнаго вліянія на промышленность, если понимать подъ словомъ промышленность тѣхъ лицъ, трудомъ которыхъ живетъ и существуетъ общество. Я не желаю этимъ сказать, чтобы нѣкоторыя лица не получали временной выгоды отъ протекціонизма. Похититель временно получаетъ выгоду, укравши часы, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы признаваемо было легальнымъ подобное занятіе». А обращаясь къ одному изъ крупныхъ защитниковъ и дѣятелей протекціонизма 1846 г., Гоуарду Винсенту, бывшему члену суда, онъ жестоко осмѣиваетъ его. «Въ Соединенныхъ Штатахъ, замѣчаетъ онъ, распространено мнѣніе, что фритредеръ есть caput lupinum, т. е. человѣкъ, котораго Гоуардъ Винсентъ, въ силу свой старой профессіи, долженъ бы былъ взять подъ свою охрану. Но въ ранніе дни, какъ извѣстно, въ Америкѣ господствовалъ такой же ужасъ, какъ теперь при видѣ фритредера, при видѣ квакеровъ и вѣдьмъ, и человѣкъ, который осмѣлился бы усумниться въ существованіи зловредности вѣдьмъ, рисковалъ жестоко поплатиться за свой скептицизмъ» (стр. 367, 366). Оторванный отъ едва начатой университетской дѣятельности Роджерсъ всю силу своей энергіи направилъ въ область литературы и науки. Неутомимая дѣятельность его здѣсь была просто изумительна. Рядомъ съ постоянной и непрерывной работой по собиранію и изученію новаго матеріала по главному вопросу его изслѣдованій, матеріала, который стали присылать ему съ разныхъ концовъ Англіи, изъ частныхъ архивовъ, онъ сталъ выпускать одну книгу за другой, по самымъ разнообразнымъ сюжетамъ. Въ 1869—1870 г. онъ печатаетъ свои любопытныя и талантливо написанныя историческіе очерки (Historical Meanings, 2 series). Это — рядъ біографій различныхъ англійскихъ дѣятелей съ XIV по XIX в., подобранныхъ съ цѣлью освѣтить послѣдовательное развитіе англійской жизни, какъ оно проявляется въ обстановкѣ, среди которой приходилось дѣйствовать героямъ его очерковъ. Тутъ фигурируютъ и Викледсъ, и Лодъ, и Вилькръ, и Уольполь, и Коббетъ, тутъ же біографія Тука, Адама Смита. Постоянные намеки на современную жизнь, современныхъ дѣятелей, остроумная экскурсія въ исторію сосѣднихъ странъ, особенно Францію и время Людовика XIV и французской революціи, придаютъ особенно живой и рельефный характеръ изложенію.

Въ томъ же 1870 году онъ совмѣстно съ Брайтомъ подготовляетъ и тогда же издаетъ Сборникъ рѣчей своего друга Кобдена, и три года спустя, въ 1873 г., посвящаетъ его памяти книгу, впрочемъ, одну изъ болѣе слабыхъ его работъ: «Cobden and public opinion». Для кипучей и дѣятельной натуры Роджерса оказалось, однако, недостаточ-

нымъ лишь одна литературная и ученая дѣятельность. Въ 1874 году мы видимъ его принимающимъ дѣятельное участіе въ избирательной агитаціи: онъ ставитъ свою кандидатуру въ парламентъ въ Лондонѣ въ Soutwarkѣ хотя и неудачно. Въ слѣдующемъ 1875 г. онъ вновь возвращается къ литературѣ и выступаетъ съ большимъ и важнымъ изданіемъ протестовъ лордовъ (the protests of the lords, 3 тома) съ 1624 по 1874 годъ, съ обширнымъ введеніемъ, и съ спеціальною цѣлью охарактеризовать роль англійской знати въ исторіи законодательства.

Послѣ этого изданія наступаетъ временный перерывъ въ его работахъ. Лишь однажды въ 1876 г. онъ печатаетъ небольшую книгу, дань воспоминаніямъ о своей оксфордской юности и классическимъ занятіямъ. Это — его *epistles*, *satires and epigrams*, переводы и подражанія Ювеналу, Горацію и др., какъ и всѣ его произведенія и здѣсь проявляется въ новой и широкой мѣрѣ его остроуміе и ѣдкость, и хотя стихъ его плохъ, но въ юморѣ нѣтъ недостатка, и чопорная англійская критика невольно признаетъ книгу талантливой, но лишенной всякой мѣры.

За то съ 1880 года и до самой смерти онъ не бросаетъ болѣе пера, со всѣмъ пыломъ предается политической дѣятельности, выступая вновь и въ этотъ разъ съ успѣхомъ кандидатомъ въ парламентъ. Одинъ трудъ смѣняетъ другой, и нужно замѣтить, что здѣсь, въ этихъ произведеніяхъ его талантъ достигаетъ апогея развитія. Въ 1880 году онъ издастъ Адама Смита съ подробными комментаріями, затѣмъ въ 1882 году выпускаетъ третій и четвертый томы своей исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи, и издаетъ рѣчи своего друга, Брайта; въ 1884 году въ видахъ популяризаціи своего главнаго труда печатаетъ Six centuries of work and Wages, въ 2 томахъ, въ 1887 году — пятый и шестой томы исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи (XVIII в.), и небольшую, но въ высшей степени цѣнную и по содержанію и по таблицамъ обмѣна между Лондономъ и Амстердамомъ (съ 1695 по 1703), книгу: *The first nine years of the Bank of England*, въ 1888 г.—*The economic interpretation of the history* лекціи, читанныя въ 1888 г. въ Оксфордѣ), въ 1890 г.—выпускаетъ сокращеніе своего труда для сборника соціальныхъ наукъ (social series), подъ заглавіемъ: *Labour and wages*, и тогда же для сборника по исторіи націй прекрасно написанную исторію Голландіи. Я не говорю уже о массѣ журнальныхъ и газетныхъ статей по разнымъ экономическимъ и политическимъ вопросамъ, написанныхъ имъ.

Выдающаяся ученая репутація Роджерса, громкое имя, пріобрѣтен-

ное имъ какъ въ Англіи, такъ и въ остальной Европѣ, повели за собой полную реабилитацію его въ томъ самомъ университетѣ, который былъ свидѣтелемъ его первыхъ серьезныхъ трудовъ. Его преемникъ по каѳедрѣ, Бонами Прайсъ, умеръ, и въ 1888 г. Роджерса избрали единогласно на вакантную каѳедру, какъ единственнаго въ Англіи, по словамъ его политическаго противника, Гошена, человѣка, который можетъ и въ правѣ занять эту каѳедру.

Занятія въ университетѣ, засѣданія въ парламентѣ, собираніе новыхъ матеріаловъ для исторіи промышленной исторіи поглощали теперь все его время; вся эта непрерывная кипучая дѣятельность, въ особенности же ночныя засѣданія въ парламентѣ, все это подрывало силы Роджерса. Уже съ 1887 г. было замѣтно, какъ подался онъ подъ бременемъ чрезмѣрныхъ и неустанныхъ работъ. Но онъ все еще сохранялъ прежнюю живость и бодрость духа. «Еще въ августѣ 1890 г., пишетъ его другъ Джиббинсъ, онъ безпрерывно говорилъ мнѣ о своихъ любимыхъ занятіяхъ, сила его рѣчи осталась неизмѣнною, его умъ и память были также ясны и свѣтлы, какъ всегда». Но къ октябрю положеніе дѣлъ измѣнилось къ худшему, и 12 уже его не стало. «Его друзья увѣрены, пишетъ Джиббинсъ, что не будь онъ членомъ парламента, не проводи онъ въ немъ рядъ ночныхъ часовъ въ тяжелой атмосферѣ, и онъ могъ бы еще остаться между ними».

Но для такихъ людей, какъ Роджерсъ, участіе въ живой, активной дѣятельности было необходимо, неизбѣжно. Отказаться отъ участія въ парламентѣ онъ не могъ. Онъ смотрѣлъ на это участіе не только какъ на обязанность его, какъ гражданина страны, но и какъ на регуляторъ въ высокой степени важной его научной дѣятельности. Онъ ясно и опредѣленно выразилъ значеніе участія въ парламентѣ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ въ рѣчи, съ которой онъ обратился къ одному ученому статистическому обществу. «Я не знаю ничего, что въ такой степени, какъ участіе въ парламентской работѣ, въ состояніи было бы исправлять наши мнѣнія и наши абстрактныя идеи. Работа эта тяжела и часто неблагодарна, но въ высокой степени поучительна. А такъ какъ я не чувствую любви къ Рахили, то никакой Лабанъ не въ силахъ оторвать меня отъ нея. Въ качествѣ экономиста, я не могу не поблагодарить искренно и глубоко моихъ соутуоркскихъ избирателей за ту науку, ту опытность, которую я пріобрѣлъ благодаря имъ».

И. Лучицкій.

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ РЕФОРМА ГРАФА Е. Ф. КАНКРИНА (1839—1843 Г.) *).

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, послѣ продолжительнаго господства неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, у насъ было возстановлено въ народномъ обращеніи металлическое обращеніе и «серебряный рубль настоящаго достоинства былъ признанъ монетною единицею», ассигнаціи же «вспомогательнымъ знакомъ цѣнности». Достиженіемъ такого блестящаго результата гр. Канкринъ почти что завершилъ свою служебную дѣятельность и увѣковѣчилъ свое имя въ экономической исторіи Россіи,—удѣлъ весьма немногихъ нашихъ государственныхъ дѣятелей.

*) Этотъ очеркъ составляетъ часть предпринятой нами работы объ экономической и финансовой дѣятельности извѣстнаго министра финансовъ гр. Канкрина. До сихъ поръ въ нашей экономической литературѣ почти нѣтъ сочиненій для выясненія дѣятельности этого государственнаго человѣка за исключеніемъ небольшихъ журнальныхъ статей Муравьева, Шипова и др., въ ряду которыхъ выдается прекрасная статья Н. Х. Бунге. Между тѣмъ эпоха, въ которую дѣйствовалъ гр. Канкринъ и самая его дѣятельность по вліянію на послѣдующее направленіе финансовой и экономической политики представляетъ большой интересъ. Благодаря же отсутствію работъ въ этой области фигура гр. Канкрина заслоняетъ собою другихъ крупныхъ государственныхъ дѣятелей, по разработкѣ финансовыхъ вопросовъ въ нашемъ отечествѣ. Изучая дѣятельность гр. Канкрина по возстановленію металлическаго обращенія въ Россіи, мы главнымъ образомъ пользовались дѣлами, находящимися въ Архивѣ государственнаго совѣта и Особенной канцеляріи по кредитной части, поэтому считаемъ долгомъ принести благодарность господину государственному секретарю А. А. Половцеву и бывшему директору Особенной канцеляріи по кредитной части (нынѣ товарищу главноуправляющаго Вѣдомствомъ Императрицы Маріи) В. В. Верховскому за разрѣшеніе доступа къ матеріаламъ, касающимся такихъ вопросовъ первостепенной государственной важности, какъ возстановленіе металлическаго обращенія.

Такой крупный фактъ, какъ возстановленіе металлическаго обращенія въ странѣ, гдѣ въ теченіи продолжительнаго времени обращались неразмѣнныя бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ, всегда будетъ вызывать вопросъ: какимъ способомъ былъ достигнутъ подобный результатъ, и гдѣ искать причинъ подобнаго явленія? заключается ли онъ въ какихъ либо особыхъ экономическихъ условіяхъ страны, или тутъ дѣйствуютъ своевременно принятыя законодателемъ мѣры или же совокупность тѣхъ и другихъ? Выясненіе подобнаго вопроса, имѣя важное теоретическое значеніе, получаетъ практическій интересъ, такъ какъ предоставляетъ изслѣдователю возможность, путемъ его изученія, выяснить условія осуществленія такого крупнаго факта, какъ возстановленіе металлическаго обращенія. При изслѣдованіи канкринской денежно-кредитной реформы необходимо различать двѣ стороны: самое возстановленіе металлическаго обращенія и тѣ предварительныя мѣры, которыя могутъ содѣйствовать ему, т. е. водворить металлъ въ обращеніи и дальнѣйшее упроченіе обращенія металлическихъ денегъ въ народномъ хозяйствѣ. Недостаточно возстановить металлическое обращеніе — надо его еще упрочить умѣлой организаціей. Послѣднее обстоятельство представляетъ особую важность ужъ потому, что едва ли существуетъ другой вопросъ экономической политики, который бы такъ близко касался всѣхъ и каждаго, какъ прочность денежной системы. Въ противномъ случаѣ гражданскіе и торговые обороты дѣлаются непрочными, и въ установленіи цѣнъ на товары является произволъ; при такихъ условіяхъ нѣкоторые совершенно неповинно несутъ крупныя потери, другіе же наживаются. Хотя наука и опытъ западно-европейскихъ странъ представляютъ нѣкоторую возможность правильнаго рѣшенія вопроса о возстановленіи металлическаго обращенія, тѣмъ не менѣе мы предпочитаемъ основывать выводы и предположенія на фактахъ нашей предшествующей исторіи. Помимо глубокаго историческаго интереса, изученіе условій возстановленія металлическаго обращенія поможетъ опредѣленнѣе выяснить способы современнаго рѣшенія вопроса. Только путемъ анализа фактовъ экономической жизни будетъ возможно отвѣтить, при наличности какихъ условій можетъ быть достигнуто возстановленіе и упроченіе металлическаго обращенія въ странѣ. Несомнѣнно, для насъ особенно необходимъ такой анализъ, такъ какъ только такимъ путемъ можно будетъ избѣгнуть ошибокъ, въ которыя впали предшественники. Подобное изслѣдованіе съ тѣмъ большимъ правомъ можетъ остановить наше вниманіе, что металлическое обращеніе у насъ было возстановлено безъ тяжелыхъ послѣдствій для частныхъ лицъ и не потребовало отъ казны осо-

быхъ жертвъ въ формѣ заключенія дорого-стоющихъ займовъ для составленія размѣннаго фонда и изъятія излишка ассигнацій изъ обращенія, какъ это практикуется, гдѣ только начинаютъ возстановлять металлическое обращеніе. Само по себѣ послѣднее обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ интересъ къ реформѣ денежно-кредитнаго обращенія Канкрина. Однако, ея значеніе въ значительной степени какъ бы умаляется тѣмъ, что ассигнаціи не были подняты до al pari, какъ, напримѣръ, неразмѣнныя бумажныя деньги при реформѣ 1819 г. въ Англіи. Но обстоятельство это въ дѣйствительности не умаляетъ значенія реформы, такъ какъ для каждаго разумнаго человѣка очевидно, что было бы крайне несправедливо стремиться къ поднятію ассигнацій до ихъ номинальной цѣны, когда онѣ упали до четверти своей первоначальной стоимости, при чемъ соотвѣтственно такому паденію успѣли за четверть вѣка установиться цѣны. Разумѣется, трудно допустить мысль, что то, что было возможно почти полстолѣтія назадъ, легко достижимо теперь, когда условія экономической и общественной жизни осязательно измѣнились не только у насъ, но во всемъ мірѣ.

I.

Неразмѣнныя бумажныя деньги, благодаря сопряженнымъ съ ними послѣдствіямъ, составляютъ крупное зло. Экономисты, изучавшіе народныя хозяйства, въ которыхъ господствуютъ бумажныя деньги, не находили достаточныхъ эпитетовъ для ихъ обозначенія. Такъ, напримѣръ, извѣстный ученый Ad. Wagner утверждаетъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ для финансовыхъ цѣлей есть «несправедливость, самый худшій налогъ, а отчасти и захватъ» («Русскія бумажныя деньги», пер. Н. Х. Бунге, 14 стр.). Такимъ образомъ, бумажныя деньги представляютъ собою тотъ ядъ, который понемногу отравляетъ весь народно-хозяйственный организмъ, подрывая въ то же время политическое могущество государства. Въ то же время нѣтъ ничего легче, какъ, «вводить ассигнаціи, но тяжело выводить ихъ. Задача сія есть труднѣйшая изъ всѣхъ задачъ управленія» [1]). Зломъ, приносимымъ всему народному хозяйству бумажными деньгами, объясняется упорная борьба, направленная къ изъятію ихъ вездѣ, гдѣ онѣ только обращаются. Но если среди экономистовъ замѣчается единодушное осужденіе господства обращенія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, за то среди нихъ вызываютъ крупныя разногласія *способы и мѣры, предлагаемые для возстановленія металлическаго обращенія.*

Само собою разумѣется, съ возстановленіемъ металлической валюты

нарушаются крупные интересы разныхъ классовъ населенія, успѣвшіе уже установиться, подъ вліяніемъ продолжительнаго обращенія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, и затѣмъ самое возстановленіе металлическаго обращенія въ большинствѣ случаевъ налагаетъ на правительство крупныя жертвы, побуждая его къ заключенію дорого стоющихъ займовъ для уменьшенія количества бумажныхъ денегъ, находящихся въ народномъ обращеніи. Хотя государство, преслѣдуя достиженіе общественныхъ цѣлей, обыкновенно относится весьма осторожно къ осуществленію подобной задачи, тѣмъ не менѣе тутъ приходится вести такую ожесточенную борьбу съ заинтересованными лицами, что самые выдающіеся государственные люди отступаютъ отъ основательно задуманныхъ мѣръ подъ напоромъ ожесточеннаго невѣжества и корыстолюбія.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію постепеннаго хода денежно-кредитной реформы у насъ и тѣхъ обстоятельствъ, которыя сдѣлали возможнымъ возстановленіе металлическаго обращенія, мы вкратцѣ коснемся исторіи обращенія ассигнацій. Но такъ какъ выясненіе причинъ появленія и быстраго увеличенія количества неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ (ассигнацій) въ обращеніи отвлекло бы насъ отъ выполненія намѣченной задачи, то мы начнемъ съ того времени, когда онѣ упали почти до четверти первоначальной стоимости, именно съ 1810 года. Въ эту пору правительство сочло себя вынужденнымъ въ силу соображеній общественной пользы, возвратиться къ металлическимъ деньгамъ. Хотя и раньше съ 1774 г. неоднократно предпринимались попытки подобнаго рода, тѣмъ не менѣе рѣшительный шагъ къ этому былъ сдѣланъ манифестомъ 20 іюня 1810 г., которымъ было объявлено: «главною непремѣняемою и законною мѣрою (монетною единицею) всѣхъ монетъ, обращающихся въ государствѣ, устанавливается серебряный рубль настоящаго достоинства, а именно, вѣсомъ во ста рубляхъ пять фунтовъ и шесть золотниковъ лигатурнаго серебра 83½ пробы». (П. С. 3, § 1 Маниф.). Такимъ образомъ была сдѣлана попытка не только установить монетную единицу, но и сдѣлать ее счетною. Для болѣе успѣшнаго достиженія намѣченной цѣли былъ выработанъ особый финансовый планъ въ которомъ были указаны мѣры, клонившіяся къ возстановленію равновѣсія въ доходахъ и расходахъ, а слѣдовательно и къ уничтоженію главнѣйшей причины дальнѣйшаго увеличенія количества ассигнацій въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. Этотъ планъ, составленный знаменитымъ нашимъ государственнымъ человѣкомъ М. М. Сперанскимъ при участіи людей науки, представляетъ выдающееся явленіе въ области нашей исторіи финан-

совъ (см. нашъ отзывъ о немъ въ 4 книжкѣ Юрид. Вѣстн. за 1886 г.). Здѣсь впервые были разсмотрѣны основныя начала господствовавшей у насъ финансовой системы и указаны тѣ измѣненія и мѣры, при помощи которыхъ предполагалось достигнуть намѣченныхъ цѣлей—уравновѣшеніе доходовъ съ расходами и возстановленіе металлическаго обращенія.

Къ сожалѣнію, это время для проведенія подобной реформы представлялось крайне неудобнымъ, и поэтому предположенныя мѣры не могли имѣть успѣха, не будучи согласованы ни съ силами населенія, ни со средствами государственнаго казначейства, ни, наконецъ, съ политическимъ положеніемъ Европы. Обстоятельства вскорѣ сложились такъ, что для спасенія падающаго кредита государственныхъ ассигнацій правительство нашлось вынужденнымъ издать законъ 9 апрѣля 1812 г., съ опубликованіемъ котораго всѣ счеты и платежи какъ между частными лицами, такъ и въ казну обязательно должны быть совершаемы на ассигнаціи за исключеніемъ немногихъ, особо поименованныхъ сдѣлокъ между частными лицами (§ 4—7), въ которыхъ можно было уплачивать серебромъ и ассигнаціями по курсу, а именно: «контракты, закладныя, купчія крѣпости, векселя, заемныя письма и всякія другаго рода обязательства и сдѣлки между частными лицами предоставляется на волю ихъ заключать или писать на ассигнаціи или серебро, по добровольному согласію. Но платежъ по онымъ *не можетъ быть отринутъ ассигнаціями, по промѣну на серебро, въ день платежа*» (§ 13). Такой рѣзкій поворотъ въ обратную сторону отъ закона 2 іюня 1810 года долженъ былъ найти себѣ объясненіе въ какихъ либо особыхъ условіяхъ тогдашней экономической жизни. И дѣйствительно, министръ финансовъ мотивировалъ свое представленіе въ государственный совѣтъ тѣмъ, что кругъ ассигнацій былъ значительно суженъ, благодаря исключительному обращенію ихъ внутри Россіи; шесть же западныхъ промышленныхъ губерній, съ густымъ населеніемъ, ассигнацій не знало: тамъ исключительно обращались металлическія деньги; поэтому для поднятія падающаго курса ассигнацій казалось необходимымъ ввести обязательный пріемъ ассигнацій въ сдѣлкахъ повсемѣстно. Такимъ образомъ, этимъ закономъ, впервые со времени появленія у насъ ассигнацій въ обращеніи въ 1768 г. имъ былъ придан *принудительный курсъ*, коего прежде они не имѣли. Вскорѣ послѣ опубликованія закона началась Отечественная война, потребовавшая массу людей, расходовъ и отвлекшая вниманіе правительства отъ всѣхъ предположеній по улучшенію системы денежнаго обращенія. Къ тому же М. М. Сперанскій, главнѣйшій руководитель въ это время всѣхъ

начинаній въ области финансовъ, былъ сосланъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, на долгое время прекратились всякія попытки къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ въ этой области, и только, начиная съ 1817 г. началось приведеніе въ дѣйствіе финансоваго плана, выработаннаго въ 1815 г. (представлявшаго собою повтореніе плана 1810 г.), при чемъ тогдашній министръ финансовъ графъ Гурьевъ сдѣлалъ попытку достигнуть поднятія цѣнности упавшаго ассигнаціоннаго рубля посредствомъ изъятія изъ обращенія избытка ассигнацій. Разумѣется, такая крупная и дорогостоющая мѣра — продолжавшаяся съ 1818 — 1822 годы — должна была вызвать въ обществѣ толки и отзывы, и какъ водится совершенно противоположные: одни осуждали ее, другіе признавали полезной. Въ этомъ случаѣ разногласія между разными лицами вызывала не готовность водворить металлическое обращеніе, а способы для поднятія курса упавшихъ ассигнацій. Какъ оказывается, «съ 1812 по 1818 годъ выпущено было по означенному счету ассигнацій на 254.605,600 руб., а число уничтоженныхъ составляетъ 252.018,210 р., слѣдовательно, почти то число истреблено, что въ послѣднюю войну выпущено» [2]). Благодаря этой мѣрѣ, въ обращеніи осталось 595.776,310 руб. ассигнацій. Такимъ путемъ безсрочный безпроцентный долгъ былъ частью превращенъ въ процентный, при чемъ сумма денежныхъ знаковъ уменьшилась болѣе, чѣмъ на одну четвертую долю: съ 836 милліоновъ рублей уменьшилась до 595 милліоновъ рублей. Проведеніе этой мѣры отразилось слѣдующимъ образомъ: курсовая стоимость ассигнацій поднялась на $2^1/_2{}^0/_0$. На первый взглядъ достигнутый результатъ оказывается ничтожнымъ, между тѣмъ не надо упускать изъ виду *психическаго вліянія* указанной мѣры: она утвердила въ обществѣ мысль о твердой рѣшимости правительства возстановить металлическое обращеніе, вслѣдствіе чего въ народномъ обращеніи въ это время появились суррогаты ассигнацій, которыми въ этомъ случаѣ явились металлическія деньги. Начиная съ этого времени, въ народномъ обращеніи появилось большое количество металлическихъ денегъ. Вѣроятно, ихъ находилось не мало въ рукахъ населенія, особенно живущаго на окраинахъ. Но такъ какъ, по закону 1812 года, ихъ не принимали въ уплату налоговъ и пользовались только въ частныхъ сдѣлкахъ, то вслѣдствіе этого, начиная съ 1818 г., когда правительство приступило къ изъятію бумажныхъ денегъ (ассигнацій) изъ обращенія, былъ возбужденъ цѣлый родъ ходатайствъ къ министру финансовъ о пріемѣ серебра въ казенные платежи, но министерствомъ были отклоняемы [3]), за исключеніемъ нѣкоторыхъ ранѣе дозволенныхъ слу-

чаевъ, въ которыхъ это было отчасти разрѣшено прежде, а отчасти было принято въ это время. Число такихъ случаевъ, гдѣ принималось въ казенные платежи серебро, сравнительно невелико, именно: 1) вѣсовой сборъ, установленный въ литовскихъ губерніяхъ (1803) и Курляндской (1807); 2) страховой сборъ взимается тою монетою, которая отправляется; 3) прогонный сборъ въ Бѣлорусской губерніи и Грузіи; 4) портовый сборъ за иностранную корреспонденцію. Независимо отъ этихъ случаевъ, были и другія отступленія отъ закона 1812 г.; напримѣръ, въ силу стараго указа 1720 г. взимали золотомъ за напечатанные паспорта 25 коп. сер., да съ паспорта, по опредѣленію коммерцъ-коллегіи (1719 г.), червонецъ. Далѣе, по указу правительствующаго сената 1770 г., «за производимую въ биржевомъ собраніи купцами ссору и брань по 5, а за драку по 10 червонцевъ съ виноватаго» [4]). Такимъ образомъ, въ силу разныхъ соображеній, были оставлены незначительныя отступленія отъ закона 1812 года. Однако, вскорѣ пришлось постепенно распространить кругъ ихъ примѣненія, подъ вліяніемъ новыхъ запросовъ жизни, такъ какъ правительству приходилось выдерживать борьбу противъ дальнѣйшаго вторженія серебра въ народное обращеніе изъ опасенія понизить цѣнность ассигнацій. Судя по многочисленнымъ даннымъ, встрѣчаемымъ въ дѣлахъ того времени, населеніе пыталось *сбывать въ казначейство серебро въ уплату налоговъ* и, какъ кажется, казеннымъ палатамъ приходилось принимать серебряную монету на свой страхъ Подчасъ имъ и нельзя было поступать иначе [5]), такъ какъ положеніе дѣлъ въ это время было таково, что металлическія деньги обращались въ значительныхъ количествахъ не только въ западныхъ губерніяхъ, но на югѣ и, наконецъ, въ центральныхъ губерніяхъ, какъ утверждаютъ офиціальныя данныя. Такъ доносили, напримѣръ, изъ Тамбовской губерніи, что ассигнацій въ обращеніи тамъ не было, а только серебро: «на ассигнаціи же у крестьянъ никто не покупаетъ за неимѣніемъ оныхъ, и что сборщики податей, привезя изъ округа въ городъ серебро и не найдя на оное ассигнацій, *уѣзжаютъ въ свои селенія безъ платежа недоимокъ*» [6]). Вѣроятно, въ зависимости отъ послѣдняго обстоятельства считали необходимымъ допустить пріемъ серебра въ уплату налоговъ, и нѣкоторыя палаты, принимая его, отступали отъ закона, вслѣдствіе чего министерство финансовъ было вынуждено 8 мая 1817 г. разослать по казеннымъ палатамъ циркуляръ, въ которомъ было выражено слѣдующее: «дабы онѣ по всѣмъ вообще статьямъ доходовъ требовали и получали однѣ токмо государственныя ассигнаціи или мѣдную монету; серебра же или золота ни въ какомъ

случаѣ ни отъ кого не принимали» [7]). Повидимому, все было противъ водворенія металлическихъ денегъ въ обращеніи, и законъ 1812 г., и финансовая администрація. Не смотря, однако, на такія обстоятельства подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ условій пришлось прибѣгнуть къ постепеннымъ отступленіямъ отъ установленнаго закона, разрѣшая въ уплату пріемъ серебра по курсу отъ откупщиковъ (въ это время былъ винный откупъ). Столь крупное отступленіе было вызвано, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что у нихъ скоплялись серебряныя деньги отъ простаго народа, сбытъ которыхъ въ виду существующаго законодательства, по отсутствію мѣстныхъ мѣняльныхъ лавокъ и кредитныхъ учрежденій, представлялъ значительныя затрудненія. Въ виду этого министръ финансовъ вошелъ съ представленіемъ въ государственный совѣтъ о частичномъ измѣненіи закона, предлагая разрѣшить пріемъ серебряной монеты отъ откупщиковъ по ежегодно установляемому курсу, согласованному съ существующимъ на нее курсомъ на биржѣ. Государственный совѣтъ почему-то его представленія не разсмотрѣлъ; между тѣмъ ужъ 13 декабря 1818 г. министръ финансовъ предписалъ мѣстнымъ финансовымъ учрежденіямъ принимать при покупкѣ винопрадавцами вина серебряную монету, счетомъ рубль за 3 руб. 60 коп. [8]). Проведеніемъ этой мѣры было положено начало для будущихъ измѣненій. Въ такомъ положеніи была наша денежная система къ началу двадцатыхъ годовъ: наравнѣ съ ассигнаціями въ уплату налоговъ стали принимать серебряную монету по опредѣленному курсу въ вышеуказанныхъ случаяхъ. Дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи въ продолженіе управленія министерствомъ финансовъ гр. Гурьева предпринимаемо не было.

Приведенные факты указываютъ на постепенное проникновеніе металлическихъ денегъ въ обращеніе къ концу двадцатыхъ годовъ текущаго вѣка. Несомнѣнно ранѣе они находились въ рукахъ народа въ бездѣятельномъ положеніи. Начавшееся же изъятіе ассигнацій усилило потребность въ денежныхъ знакахъ, а это вызвало появленіе серебряныхъ денегъ въ народномъ обращеніи. Но такъ какъ по закону 1812 г. пріемъ ихъ въ уплату налоговъ былъ прекращенъ, то вслѣдствіе этого стало несть потери населеніе, почему и были направляемы ходатайства о допущеніи пріема серебра въ уплату налоговъ. Наконецъ, какъ было указано выше, вслѣдствіе этого закона начало терять само государственное казначейство. Благодаря такимъ фактамъ оно вошло въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о разрѣшеніи пріема серебряныхъ денегъ отъ откупщиковъ и, наконецъ, само разрѣшило пріемъ серебряныхъ денегъ въ уплату за вино.

II.

Сказаннымъ вполнѣ исчерпываются предпринятыя мѣры къ водворенію серебряной монеты въ народномъ обращеніи въ министерство гр. Гурьева. Въ 1823 г. его замѣстилъ Е. Ф. Канкринъ, бывшій въ 1812 — 1815 гг. генералъ-интендантомъ. До назначенія министромъ финансовъ онъ выступилъ рѣзкимъ критикомъ мѣръ своего предшественника, въ небольшемъ сочиненіи Weltreichthum, Nationalreichtum und Staatswirthschaft (см. 65 стр.). По его мнѣнію, при данныхъ условіяхъ главная задача министра финансовъ должна заключаться не столько въ стремленіи возстановить металлическое обращеніе путемъ изъятія ассигнацій посредствомъ заключенія займовъ, такъ какъ трудно предполагать, чтобы результатомъ этого было возстановленіе металлическаго обращенія, чѣмъ были бы нарушены интересы многочисленнаго класса населенія, а *фиксація ихъ* курса (ibid. 64 стр.). Для характеристики его воззрѣній на этотъ предметъ мы представимъ выдержку изъ его представленія въ гос. совѣтъ: «одною изъ моихъ важнѣйшихъ обязанностей, было обратить всевозможное вниманіе на положеніе нашихъ кредитныхъ учрежденій, войти въ разсмотрѣніе настоящей денежной системы» [9])... «Мѣра предпринятая раньше, по словамъ гр. Канкрина, непригодна потому, что погашеніе ассигнацій, производимое «и не рѣдко весьма огромными массами, доселѣ не было увѣнчано желаннымъ успѣхомъ, ибо не имѣло никакого ощутительнаго вліянія на промѣнъ серебра», а между тѣмъ, обременяло государственное казначейство долгами, требующими «знатныхъ суммъ» на погашеніе процентовъ» [10]). Поэтому необходимо его прекратить: оно безполезно; если продолжать ихъ выкупъ и жечь, то на народъ произведетъ невыгодное впечатлѣніе, «которое истребленіе ассигнацій производило въ ономъ въ прошедшіе годы»; иностранные же капиталисты нисколько этимъ не интересуются, для нихъ важно непрерывное полученіе процентовъ по займамъ и увѣренность, что количество ассигнацій не будетъ увеличено. Если Канкринъ выражался такимъ образомъ о значеніи мѣръ своего предшественника въ оффиціальныхъ бумагахъ, будучи министромъ финансовъ, то несравненно рѣзче осуждалъ дѣйствія гр. Гурьева въ цитированномъ выше сочиненіи—онъ называетъ ихъ «дикими». «Nichts kann wilder sein als die Papiermasse durch Anleihen, oder auch Fundation im grossen—vermindern zu wollen» (ibid 65 стр.).

Въ этомъ огульномъ осужденіи Канкринымъ мѣръ предшественника за-

ключается нѣкоторое заблужденіе: онъ упустилъ изъ виду, что уменьшеніемъ количества денежныхъ знаковъ болѣе, чѣмъ на четверть, были достигнуты два результата: во первыхъ, фиксація курса ассигнацій, съ нѣкоторой тенденціей къ повышенію, что оправдалось впослѣдствіи, такъ какъ, не смотря на войны: турецкую и польское возстаніе 1831 г. неурожаи и холеру, ихъ курсъ ни внутренній, ни внѣшній не подвергался рѣзкимъ колебаніямъ. Съ другой стороны, уменьшеніе въ народномъ обращеніи количества ассигнацій, при отсутствіи кредитныхъ учрежденій, а также всякихъ способовъ къ лучшей экономизаціи орудій обращенія, плохихъ путяхъ сообщенія и медленности ихъ повліяло на увеличеніе появленія металлическихъ денегъ въ обращеніи. Самъ Канкринъ, съ вступленіемъ въ управленіе министерствомъ финансовъ, никакихъ мѣръ къ поднятію цѣнности упавшихъ ассигнацій не предпринималъ, обративъ исключительное вниманіе на упорядоченіе бюджета; между тѣмъ обстоятельства слагались такъ, что металлическія деньги, вызванныя изъ бездѣятельнаго положенія, начали искать себѣ выхода въ народномъ обращеніи.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію вопроса о принятыхъ въ управленіе министерствомъ финансовъ Канкрина правительствомъ мѣрахъ, относительно подготовительныхъ мѣръ къ возстановленію металлическаго обращенія, мы сдѣлаемъ попытку выяснить на чьихъ интересахъ отражалось и отражается господство неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ.

III.

Общій строй экономической жизни разбираемой нами эпохи отличался натуральнымъ характеромъ: предметы потребленія массы населенія были домашняго производства, почему для домашняго обихода покупалось весьма не многое. Деньги, какъ орудіе обращенія такъ не требовались какъ теперь.

Рабочій классъ, чиновничество и вообще лица либеральныхъ профессій, живущіе опредѣленнымъ жалованьемъ, еще не играли въ тогдашнемъ обществѣ такой важной роли какъ теперь. Очевидно при такомъ строѣ народнаго хозяйства зло бумажно-денежнаго обращенія съ постоянно колеблющимся курсомъ денежной единицы переносится гораздо легче: съ одной стороны отъ него страдали меньше—съ другой—оно не затрогивало такъ много лицъ, какъ въ хозяйствахъ съ развитымъ обмѣномъ. Не смотря, однако, на это—неудовлетворительное положеніе системы денежнаго обращенія оказывало вредное вліяніе на всѣ классы населенія. Такъ какъ сдѣлать точную оцѣнку понесенныхъ

потерь невозможно, то мы попытаемся сдѣлать приблизительный анализъ потерь, которыя могъ нести каждый классъ населенія. Но прежде, чѣмъ приступить къ нему, представимъ нѣсколько теоретическихъ соображеній о вліяніи бумажно-денежнаго обращеніе вообще.

Необходимыя для нашего потребленія предметы пріобрѣтаются въ большинствѣ случаевъ посредствомъ обмѣна. Обмѣнъ совершается правильно въ такомъ случаѣ, когда денежная единица отличается устойчивостью будь она золотая, серебряная или же бумажная. Безусловно устойчивой денежной единицы нѣтъ; наибольшей устойчивостью отличаются металлическія деньги. Поэтому, во всемъ мірѣ съ доисторическихъ временъ, они признаны наиболѣе совершеннымъ средствомъ для совершенія обмѣна: до сихъ поръ другихъ лучшихъ орудій нѣтъ. А такъ какъ въ мѣновомъ хозяйствѣ въ зависимости отъ денежной единицы находится установленіе цѣнъ и дохода изъ какихъ бы источниковъ онъ ни происходилъ, то всякія колебанія денежной единицы отражаются весьма вредно на интересахъ разныхъ классовъ населенія. Единовременныя колебанія стоимости металлической единицы денегъ не превышаютъ 1—2%, въ противномъ случаѣ металлъ войдетъ въ страну изъ сосѣднихъ мѣстностей; при бумажныхъ же неразмѣнныхъ деньгахъ курсъ ихъ колеблется иногда до 10% и выше. При такомъ сильномъ размахѣ колебанія въ краткіе промежутки времени крайне затруднительно вести правильные коммерческіе и всякіе другіе разсчеты. Какъ извѣстно, стоимость продуктовъ и товаровъ опредѣляется въ зависимости отъ количества затраченнаго на нихъ труда при нормальныхъ условіяхъ общественнаго производства. Эта та стоимость, ниже которой не могутъ быть продаваемы производимые продукты. При поступленіи товаровъ на рынокъ цѣна ихъ колеблется въ зависимости отъ спроса и предложенія. Когда же денежная единица, на которую оцѣниваются всѣ товары, отличается неустойчивостью, то въ такомъ случаѣ она, являясь новымъ факторомъ, вліяющимъ на образованіе цѣнъ, отражается на вздорожаніи или пониженіи стоимости заработной платы и всѣхъ товаровъ. Устанавливаемыя при такихъ условіяхъ цѣны сплошь и рядомъ заключаютъ въ себѣ страховую премію на случай дальнѣйшихъ колебаній денежной единицы. Такимъ образомъ въ увеличеніи цѣнъ на товары потребители уплачиваютъ купцамъ мелкими долями за безпорядокъ денежнаго обращенія. Въ этомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: въ чемъ же заключается потеря общества при колеблющейся денежной единицѣ? Для отвѣта мы должны коснуться вопроса о процессѣ установленія цѣнъ при продажѣ товаровъ оптомъ и въ розницу. Наиболѣе рѣз-

кихъ колебаній достигаютъ цѣны товаровъ въ оптовой торговлѣ: здѣсь наиболѣе ощущается вліяніе спроса и предложенія. Если же денежная единица отличается неустойчивостью, то колебанія цѣнъ усиливаются еще болѣе. Совсѣмъ иной характеръ носитъ образованіе цѣнъ въ торговлѣ мелочной и розничной. Здѣсь въ сильной степени управляетъ образованіемъ цѣнъ *обычай*, понемногу входящій въ общее сознаніе. Поэтому обыкновенно происходитъ такъ: допустимъ, цѣна на продукты установилась подъ вліяніемъ пониженія курса; первое время повышеніе цѣнъ вызвало въ обществѣ неудовольствіе, но затѣмъ въ силу прирожденныхъ намъ свойствъ свыкаться со всякимъ положеніемъ, мы начинаемъ примиряться съ установившимся порядкомъ вещей даже въ томъ случаѣ, когда курсъ денегъ вновь поднялся, а цѣны остались прежнія. При этомъ большинство разсуждаетъ такимъ образомъ: стоитъ ли волноваться изъ за переплаты копеекъ за разные продукты потребленія и товары. Но разсуждающіе такъ упускаютъ изъ виду, что эта переплата длится изо дня въ день цѣлый рядъ лѣтъ; между тѣмъ если въ каждомъ бюджетѣ семьи подвести итогъ подобнаго рода ежедневнымъ копеечнымъ переплатамъ—то составятся сотни, тысячи рублей, незамѣтно уплачиваемые каждымъ гражданиномъ государства за безпорядокъ денежнаго обращенія. Благодаря этому, у огромнаго большинства населенія отнимается возможность улучшенія ихъ жизненной обстановки, и оно не въ состояніи дѣлать какія бы то ни было сбереженія. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы попытаемся отвѣтить на поставленный выше вопросъ о лицахъ, теряющихъ при колебаніяхъ денежной единицы.

IV.

Кто наиболѣе теряетъ отъ колебанія цѣнности нашей бумажно-денежной единицы—кредитнаго рубля? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы разобьемъ наше общество на двѣ группы: къ первой относятся лица, непосредственно сталкивающіяся съ иностранцами; ко второй относятся наши внутренніе обыватели, помѣщики-землевладѣльцы и т. п.

Первая категорія лицъ можетъ быть разбита для ясности на нѣсколько группъ. Сюда относятся: 1) импортеры и всѣ лица, ввозящія и выписывающія иностранные товары. Этотъ классъ лицъ весьма значителенъ: по статистическимъ даннымъ оказывается, что мы ввозимъ цѣлую массу предметовъ, на сумму свыше 400—500 мил. руб. Не затрогивая вопроса о желательности или нежелательности подобнаго явленія, можно съ очевидностью утверждать, что каждое колебаніе

вексельнаго курса отражается на интересахъ импортеровъ. Если опредѣлить среднее годовое колебаніе въ 4—10%, то въ итогѣ оно влечетъ ежегодную потерю отъ 20 до 50 мил. руб. Такъ какъ предугадать подобныя колебанія при господствѣ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ трудно, то частнымъ лицамъ приходится нести на курсѣ значительныя потери. Намъ нерѣдко приходилось встрѣчать фабрикантовъ и другихъ лицъ промышленнаго класса, которыя понесли въ 1888 г., когда курсъ сталъ сильно понижаться, потери въ 30—40 и больше т. р. Въ извѣстной мѣрѣ этихъ потерь можно избѣгнуть, заключая договоры при покупкѣ иностранныхъ товаровъ на кредитные рубли, какъ дѣлаютъ нѣкоторые наши коммерсанты, но трудно предполагать, чтобы иностранные купцы легко соглашались на подобныя сдѣлки, такъ какъ они сами далеко не гарантированы отъ потерь. При такихъ условіяхъ торговли, очевидно, лица, выписывающія предметы изъ-за-границы, употребятъ всѣ усилія для переложенія этой суммы на потребителей, взимая съ нихъ дороже плату за продаваемые ими товары. Если они своевременно не успѣваютъ этого сдѣлать, то несутъ потери сами. Тутъ является вопросъ: могутъ ли фабриканты переложить получаемыя потери отъ паденія цѣнности рублей на потребителей, привыкшихъ къ опредѣленнымъ цѣнамъ? Разумѣется, это удается имъ не сразу, а постепенно, но тѣмъ не менѣе не остается безъ вліянія на установленіе цѣнъ. Слѣдовательно, зло бумажно-денежнаго хозяйства заключается въ томъ, что цѣна на товаръ колеблется не только подъ вліяніемъ спроса и предложенія, но и вслѣдствіе колебанія стоимости денежной единицы. Между тѣмъ, разъ установилась въ розничной торговлѣ цѣна на товары, то хотя бы и не дѣйствовали причины, первоначально вызвавшія удорожаніе продуктовъ, тѣмъ не менѣе цѣна на нихъ остается прежняя. Слѣдовательно, потери несетъ тотъ же потребитель.

2) Далѣе, вслѣдствіе колебаній цѣнности рубля несетъ крупныя потери казна. Эти потери двоякаго рода: она теряетъ въ качествѣ заказчика на поставку товаровъ, благодаря недовѣрію, существующему ко всѣмъ странамъ, имѣющимъ бумажную валюту и поэтому ей приходится переплачиваться на казенныхъ подрядахъ и поставкахъ (уголь, свинецъ и вообще на всемъ, что относится къ вооруженію), и, во-вторыхъ, на ежегодно уплачиваемыхъ процентахъ по займамъ. А такъ какъ намъ приходится уплачивать процентовъ свыше 263 м. кредитныхъ р., изъ коихъ 63 м. р. приходится уплачивать золотомъ, то каждое ничтожное колебаніе хотя бы на 1% (а оно еще достигаетъ болѣе крупныхъ размѣровъ при томъ размахѣ колебаній паденія, ко-

торый доходитъ въ годъ до 4 — 10%), ведетъ къ необходимости для покрытія уже вслѣдствіе этого являющагося дефицита или увеличивать налоги или заключать новые займы; черезъ все это вносится элементъ случайности въ финансовое хозяйство.

Кромѣ казны, несутъ подобныя потери желѣзно-дорожныя общества, за что опять-таки уплачиваетъ казна, и частныя лица, ѣдущія почему бы то ни было за-границу. Опредѣлить съ точностью количество подобнаго рода потерь частныхъ обществъ и частныхъ лицъ довольно затруднительно, но во всякомъ случаѣ есть основаніе думать, что оно достигаетъ крупныхъ размѣровъ.

3) Всякое колебаніе цѣнности кредитнаго рубля отражается на интересахъ владѣльцевъ фондовъ, которые колеблются въ зависимости отъ курса. Напр., на нашихъ глазахъ Восточный заемъ и другіе фонды въ 1889 г. стали подвергаться довольно значительнымъ колебаніямъ чисто вслѣдствіе неустойчивости курса. На это могутъ возразить, что фонды держатъ люди, которые получаютъ проценты и слѣдовательно для нихъ безразлично какой курсъ стоитъ на ихъ бумаги. Но въ томъ то и дѣло, что это далеко не безразлично, когда приходится реализировать бумаги съ потерею 3 — 4%. Подобные факты подрываютъ довѣріе къ государственному кредиту. Если взять, напр., владѣльца восточнаго займа—онъ разсчитываетъ на одну сумму, а можетъ при реализаціи получить меньше, черезъ что приходится терять часть капитала. Такое обстоятельство даетъ поводъ спекулировать на русскіе фонды, а это вліяетъ на уменьшеніе ихъ стоимости.

Такимъ образомъ вотъ тѣ группы лицъ, на интересахъ которыхъ сразу отражается паденіе цѣнности кредитныхъ билетовъ. Потери эти чувствительны не только для нихъ, но для всего народнаго и государственнаго хозяйства. Какъ извѣстно на внѣшнихъ рынкахъ нерѣдко происходитъ колебаніе рубля съ тенденціей къ дальнѣйшему пониженію; но это ведетъ лишь къ тому, что наши товары пріобрѣтаются иностранцами по болѣе дешевой цѣнѣ, такъ какъ извѣстно, что между паденіемъ цѣнности кредитныхъ рублей на внѣшнемъ и внутреннемъ рынкѣ точнаго соотвѣтстія нѣтъ (иными словами между повышеніемъ или пониженіемъ кредитныхъ рублей и лажа). Если при подобныхъ условіяхъ теряютъ обозначенныя нами группы лицъ, то уравновѣшиваются ли полученныя ими потери выигрышемъ внутреннихъ производителей землевладѣльцевъ? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Въ нашемъ обществѣ весьма распространено мнѣніе, будто наши сельскіе хозяева выигрываютъ отъ паденія цѣнности кредитныхъ рублей. Наоборотъ, на каждое повышеніе цѣнности ихъ или же на воз-

становленіе металлическаго обращенія принято смотрѣть, какъ на явленіе, вредное для интересовъ сельско-хозяйственной промышленности. Этотъ взглядъ весьма популяренъ именно въ настоящее время. Вращаясь въ обществѣ, онъ часто принимается на вѣру безъ достаточныхъ основаній. Между тѣмъ, находя нѣкоторую опору во вліятельныхъ кругахъ, онъ оказываетъ рѣшительное вліяніе на направленіе финансовой политики. Подобное мнѣніе о выгодности для землевладѣльцевъ паденія курса бумажныхъ рублей основывается на нѣкоторой кажущейся связи, замѣчаемой между паденіемъ цѣнности кредитныхъ знаковъ и повышеніемъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты—хлѣба. Въ этихъ случаяхъ разсуждаютъ такъ: курсъ денегъ понизился—хлѣбъ идетъ въ лучшей цѣнѣ, такъ какъ для иностранцевъ представляется болѣе выгоднымъ совершать покупки въ это время, ибо за одну и ту же монету въ такіе періоды онъ получаетъ большее количество бумажныхъ рублей, а слѣдовательно увеличивается его покупательная сила на *русскомъ* рынкѣ. Пояснимъ сказанное примѣромъ: положимъ марка стоитъ 50 копѣекъ, затѣмъ курсъ рубля падаетъ на 10%; значитъ за марку приходится уплачивать 55 коп., а за 2 — 1 руб. 10 коп. Итакъ, иностранный купецъ на каждые 200 марокъ, вслѣдствіе паденія курса, получитъ преміи 20 рублей; такимъ образомъ, его покупательная сила увеличилась на русскомъ рынкѣ, хотя взамѣнъ нашихъ продуктовъ онъ высылаетъ меньшее количество дѣйствительнаго капитала. Русскій же землевладѣлецъ считаетъ себя въ выигрышѣ, потому, что благодаря паденію курса онъ получаетъ за то же количество продуктовъ больше денежныхъ знаковъ, а слѣдовательно видимо увеличивается его покупательная сила. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Подтверждается ли такое мнѣніе фактами? Разсматривая движеніе цѣнъ на хлѣбные продукты, мы подобнаго соотвѣтствія не находимъ. Обратимся для примѣра къ періоду 1881—1887 годовъ. Въ этотъ періодъ стояли слѣдующія цѣны:

	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.
	Средняя цѣна пуда.		
	въ кр. руб.	въ кр. руб.	въ кр. руб.
1881	1.27	1.09	0.74
1882	1.12	0.86	0.63
1883	1.07	0,82	0.63
1884	0.94	0.78	0.66
1885	0.89	0.69	0.62
1886	0.90	0.62	0.62
1887	0.88	0.55	0.49
—	—	0.77	0.64 [11]).

Все разсматриваемое время вексельный курсъ былъ низокъ, а временами понижался еще болѣе, между тѣмъ, не смотря на это цѣна хлѣбовъ въ среднемъ не повышалась, а понижалась. По теоріи землевладѣльцевъ, казалось бы, что цѣна должна была значительно увеличиться, особенно въ 1887 году, когда рубль сильно упалъ въ цѣнѣ. Однако, ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Если же обратиться къ періоду конца шестидесятыхъ и половины семидесятыхъ годовъ, то въ это время, при курсѣ 260 марокъ на Берлинъ, четверть пшеницы въ южныхъ портахъ стоила 10—12 руб. Иными словами: землевладѣльцы получали за четверть 26 марокъ золотомъ, за то, за что потомъ они получали лишь 16 — 20 марокъ! Такимъ образомъ, при среднемъ годовомъ вывозѣ одной пшеницы въ періодъ 1880 — 1886 г. въ 10 милліонахъ четвертей, мы потеряли около 60 милліоновъ марокъ золотомъ. Сколько же потеряно на вывозѣ всѣхъ продуктовъ!

Какъ бы дешевъ хлѣбъ ни былъ, онъ не повысится въ цѣнѣ (за исключеніемъ неурожайныхъ годовъ), если нѣтъ внѣшняго запроса. Въ послѣднемъ случаѣ величина цѣнъ находится въ зависимости отъ условій международнаго запроса на хлѣбномъ рынкѣ. Многолѣтнимъ опытомъ доказано, что запросъ является въ случаѣ недочета урожая на западѣ или въ Америкѣ. Одновременно съ этимъ и вексельный курсъ идетъ вверхъ. Отсюда слѣдуетъ, что пониженіе стоимости денежной единицы на размѣръ спроса вовсе не оказываетъ такого вліянія, какое хотятъ ему навязать. Наоборотъ, наше народное хозяйство несетъ крупныя потери, именно благодаря паденію нашей денежной единицы.

Но вопреки истинѣ допустимъ на время, что такое соотвѣтствіе существуетъ и согласимся съ обычными, въ этомъ случаѣ разсужденіями. Предположимъ, что дѣйствительно кредитный рубль, понижаясь въ международныхъ платежахъ, не теряетъ, въ то же время, своей цѣнности на внутреннемъ рынкѣ, а сохраняетъ ту же покупательную силу, какъ прежде. Положимъ, напримѣръ, что на берлинской биржѣ курсъ рубля упалъ на 10 — 15% и что въ это время совершаются покупки хлѣба, при чемъ для покупателя покупательная сила рубля остается та же. Если выразить эту покупательную силу въ продуктахъ, то за него можно купить столько же ситцу, чаю, кофе, вина (предполагая, что стоимость ихъ не измѣнилась) сколько и прежде. Значитъ, на внутреннемъ рынкѣ бумажный рубль нисколько не понизился. Но если это паденіе продолжается, то черезъ нѣкоторый промежутокъ времени понемногу подымутся цѣны на другіе

товары. Въ итогѣ выходитъ, что землевладѣлецъ, какъ и всякій экспортеръ, какъ будто временно выигралъ.

На томъ началѣ зиждется выгода торговли, что не существуетъ соотвѣтствія между стоимостью рубля на особенно пограничныхъ экспортеровъ, внутреннемъ рынкѣ и колебаніями лажа. Намъ приходилось встрѣчать такихъ, которые считали величайшимъ счастіемъ для Россіи дальнѣйшія пониженія цѣнности кредитнаго рубля, ссылаясь на увеличеніе ихъ капиталовъ, высчитанныхъ на бумажныя деньги. Но вся ошибка ихъ заключается въ томъ, что на одномъ уровнѣ стоимость рубля не останавливается. Она, то повышается, то понижается. Очевидно, значительный поворотъ въ обратную сторону будетъ вредить интересамъ вышеупомянутыхъ лицъ, предусмотрѣть же колебанія цѣнности бумажныхъ денегъ никто не въ состояніи. Неожиданное наступленіе какихъ либо политическихъ или экономическихъ фактовъ можетъ сразу перевернуть вверхъ дномъ всѣ разсчеты. Поэтому ничего не можетъ быть вреднѣе для интересовъ земледѣльческаго класса, какъ подобное положеніе. Можно положительно утверждать, что продуктомъ, наиболѣе трудно поддающимися измѣненіямъ при нормальныхъ условіяхъ производства, и политической жизни, являются сельско-хозяйственные предметы. Тогда какъ всѣ другіе предметы легко повышаются въ цѣнѣ, земледѣльческіе прочно стоятъ на одномъ уровнѣ. При такихъ условіяхъ, землевладѣльцы не имѣютъ средствъ выдерживать длящееся пониженіе стоимости ихъ продуктовъ. Къ тому же новый урожай можетъ еще болѣе понизить цѣны. Такимъ образомъ, при колеблющейся денежной единицѣ, землевладѣльцы подвергаются большимъ потерямъ, чѣмъ всѣ остальные классы населенія.

Такъ какъ эти колебанія не носятъ случайнаго характера, а постоянны, то черезъ нѣкоторое время они неизбѣжно вызовутъ дальнѣйшее повышеніе цѣнъ на товары. Результатомъ этого, въ свою очередь, явится дальнѣйшая неустойчивость бумажныхъ денегъ, вредно вліяющая на доходы землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ имъ приходится получить платежи обезцѣненными бумажными деньгами. Стоя же на ихъ точкѣ зрѣнія и логически разсуждая, мы должны прійти къ слѣдующему выводу: чѣмъ больше будутъ выпускать денежныхъ знаковъ, тѣмъ лучше будетъ положеніе землевладѣльцевъ, а разсуждая такъ, можно дойти до того, что страна, насыщенная ничего нестоющими бумажными деньгами, наиболѣе процвѣтаетъ—очевидный абсурдъ.

Есть, впрочемъ, еще другая болѣе скрытая причина, благодаря

которой мысль о выгодности для землевладѣльцевъ паденія цѣнности бумажныхъ денегъ пользуется особенною популярностью. Многіе склонны думать, что такъ какъ, съ переходомъ къ металлической единицѣ, положеніе землевладѣльцевъ-заемщиковъ ухудшается, то пониженіемъ стоимости денежной единицы можно облегчить положеніе должниковъ. А такъ какъ въ подобномъ положеніи находится значительная доля нашего землевладѣнія, то отсюда является опасеніе крупныхъ потерь. Но, при болѣе внимательномъ изученіи вопроса, и это возраженіе оказывается лишеннымъ основанія. Возстановленіе металлическаго обращенія — дѣло весьма трудное и медленно совершаемое. Поэтому, долги заключаются въ разные фазы господства бумажныхъ денегъ: если сдѣлать заемъ при повышеніи ихъ стоимости, то само собою разумѣется тяжесть будетъ меньше, чѣмъ при выдачѣ ссуды при наибольшемъ паденіи ихъ стоимости.

Въ разобранныхъ двухъ пунктахъ заключается вся суть возраженій со стороны землевладѣльческаго класса противъ возстановленія металлическаго обращенія. Но они не на столько вѣски, чтобы заставить правительство отклониться отъ важнѣйшей его задачи по возстановленію металлическаго обращенія. Государство не можетъ отказаться отъ этой задачи, не рискуя утратить политическое могущество и создать себѣ рядъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненій. Помимо общаго увеличенія бюджета, происходящаго отъ расширенія области государственной дѣятельности, приходится, при господствѣ бумажно - денежной единицы, обращаться къ введенію всегда неохотно встрѣчаемыхъ новыхъ налоговъ или же заключенію займовъ подъ всякими наименованіями, по которымъ рано или поздно придется уплачивать металломъ. Поэтому всюду, гдѣ только обращаются неразмѣнныя бумажныя деньги, употребляютъ всѣ усилія къвозвращенію къ металлической валютѣ, не смотря даже на то, что этотъ трудный процессъ обыкновенно нарушаетъ интересы многихъ и тѣмъ вызываетъ среди разныхъ группъ населенія цѣлую массу нареканій. Вотъ почему, государственные люди, дорожа интересами народнаго хозяйства, преуспѣяніемъ государства и его политическимъ могуществомъ смѣло идутъ навстрѣчу всѣмъ частнымъ неудобствамъ, лишь бы возстановить метал лическое обращеніе въ странѣ.

V.

Мы не безъ намѣренія остановились на изложеніи современнаго положенія вопроса о неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ и вліяніи такого состоянія на характеръ сдѣлокъ. Вообще необходимо имѣть въ виду крупную разницу между настоящимъ и прош-

лымъ. Въ частности, переходя къ разсмотрѣнію положенія землевладѣльцевъ въ разбираемый нами періодъ времени, мы наблюдаемъ въ этомъ случаѣ крупную разницу между нашимъ временемъ и эпохой тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ: очевидно, при небольшой отпускной торговлѣ приходилось по преимуществу вести внутреннюю, а такъ какъ рынокъ, благодаря плохимъ путямъ сообщенія, былъ не великъ, то цѣны на сельско-хозяйственные продукты стояли очень низкія. Не смотря на большую устойчивость курса денежной единицы, крестьяне землевладѣльцы несли крупныя потери, благодаря сначала непріему звонкихъ денегъ въ казначействахъ въ уплату налоговъ, а затѣмъ такъ называемымъ простонароднымъ курсамъ, распространившимся повсемѣстно. А такъ какъ благодаря натуральной формѣ тогдашняго хозяйства денежные обороты приходилось вести съ казной, *то теряла масса населенія при платежѣ налоговъ*, которые въ это время были довольно велики. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему правительство было заинтересовано въ прекращеніи бумажно-денежнаго обращенія, тогдашнее же общество безмолствовало, не имѣя возможности гласно обсуждать эти вопросы.

Чтобы составить болѣе точное представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ затрогивались интересы народнаго и государственнаго хозяйства того времени безпорядками въ области нашего денежнаго обращенія, мы представимъ статистическія данныя о нашей торговлѣ, какъ вывозной, такъ и ввозной:

	Въ тыс. руб.	
	Отпускъ.	Привозъ.
1824—1828	261,561	253,456
1829—1833	302,076	227,725
1834—1838	320,530	284,075
1839—1843	387,159	324,622
Общій итогъ съ 1824—1838	884,167	765.256

Приведенныя цифры указываютъ на превышеніе отпуска надъ ввозомъ. Припоминая сказанное выше о вліяніи колебанія курсовъ на характеръ торговли, а равно и на интересы торгующихъ можно составить теперь приблизительное понятіе о размѣрѣ исходящаго отсюда зла. Точно также неудовлетворительное положеніе денежной единицы должно было оказывать вліяніе на усиленіе податной тягости, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы о положеніи государственныхъ долговъ:

Въ тыс. руб.

	Года.	Срочные. Внѣшнихъ.	Срочные. Внутреннихъ	Безсрочныхъ. Обыкновенныхъ.	Безсрочныхъ. Неприкосновенныхъ.	Итого.
Всего внѣшнихъ долговъ . .	1824	47,600	11,929	143,152	10 м. р.	193,152
	1838	74,827	42,351	166,933	10 м. р.	263,822

Значитъ малѣйшее колебаніе курса ассигнацій оказывало вліяніе на увеличеніе расходовъ казначейства. Что же касается до количества ассигнацій находившихся въ обращеніи и дохода съ нихъ и въ переложеніи на серебро, то они были таковы:

	Жителей.	Ассигнацій.	На серебро.	Приходъ на ассигнаціи по росписи.	На серебро по росписи.	Налогъ на душу.	На душу ассигнацій.
1807. .	36 м.	382 м. р.	258 м. р.	120 м. р.	81 м. р.	3 р. сер.	10 р.
1838. .	48 „	595 „ „	165 „ „	505 „ „	140 „ „	10 р. ассигн.	12 „

Изъ представленной таблицы вытекаетъ, что налоговъ на душу приходилось въ 1807 г. 3 рубля, а въ 1837 г. 10 рублей. Хотя налоги уплачивались ассигнаціями, но, какъ оказывается, они достигали въ это время значительныхъ размѣровъ. Слѣдовательно не пріемъ металлическихъ денегъ въ казну въ уплату налоговъ тяжело ложился на интересы населенія, которое получало плату за трудъ и продукты серебромъ (приведенныя цифры взяты изъ большой записки Друцкаго-Любецкаго, поданной императору Николаю (см. журн. по д-ту госуд. эк., 3 т., 1839 г.).

Приведенныя данныя въ достаточной степени указываютъ намъ, какъ отражался безпорядокъ нашего денежнаго обращенія на интересахъ, какъ народнаго хозяйства, такъ и разныхъ классовъ населенія. Въ описываемый нами періодъ времени всѣ эти невзгоды отъ сложившагося порядка, если и обращали вниманіе финансовой администраціи, то лишь въ силу двоякаго рода соображеній: жалобъ податнаго населенія, а еще больше откупщиковъ на тѣ убытки, которые они несутъ, вслѣдствіе не пріема металлическихъ денегъ въ казну; но едва ли не болѣе, чѣмъ двѣ указанныя причины оказывало вліяніе постоянное накопленіе недоимокъ, въ значительной степени объясняемое тѣмъ, что казначейства отказывались принимать въ уплату налоговъ серебряную монету.

Благодаря этимъ фактамъ, министерство финансовъ, до графа Канкрина и въ первые годы его управленія, весьма осторожно расширило пріемъ серебра въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а именно:

1) дозволено виноторговцамъ при покупкѣ казеннаго вина платить серебряною монетою, при этомъ, по нѣкоторымъ губерніямъ рубль принимался за 3 р. 60 к. и по другимъ въ 3 р. 72 к.; 2) вслѣдствіе мнѣнія государственнаго совѣта Высочайше утвержденнаго въ 1821 г. постановлено при взиманіи пошлинъ въ 1822 г. съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ изъ Россіи въ таможни, какъ по Европейской, такъ и Азіатской торговлѣ, считать серебряный рубль въ 3 р. 60 к. асс. [12]); 3) циркулярнымъ предложеніемъ гр. Гурьева было предложено казеннымъ полатамъ и экспедиціямъ принимать серебряную монету и отъ почтовыхъ мѣстъ по тому курсу, какой назначенъ по таможеннымъ мѣстамъ; 4) разрѣшено казеннымъ палатамъ производить вымѣнъ серебра по таможенному курсу; 5) въ Вятской и Оренбургской губерніяхъ разрѣшено принимать серебряную монету въ уплату за соль.

Въ этомъ случаѣ заслуживаетъ упоминанія тотъ фактъ, что «пошлины таможенныя, исключая взимаемыхъ по цѣнѣ товаровъ, на основаніи закона 1816 г. уплачивались по курсу ассигнаціями» (Wagner Рус. бум. деньги, пер. Н. Х. Бунге, приложенія переводчика 137 стр.). Такимъ образомъ, постепенно разрѣшая пріемъ серебра въ уплату казенныхъ платежей, правительству пришлось примѣняться въ этомъ случаѣ къ ежегодно установляемому таможенному курсу.

Этимъ на нѣкоторый періодъ времени ограничилась дѣятельность министра финансовъ по водворенію серебра въ обращеніи. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что, разрѣшая въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріемъ серебряной монеты, министръ финансовъ дѣлалъ это съ большою неохотою, *опасаясь такимъ путемъ понизить стоимость ассигнацій*. Между тѣмъ количество металла постоянно увеличивалось въ обращеніи, благодаря же ограниченности пріема многимъ приходилось нести потери, какъ это было, напримѣръ, въ Астрахани, «гдѣ количество ассигнацій въ обращеніи такъ уменьшилось, что должники конторы (комерческаго банка) весьма затрудняются во взносѣ ассигнаціями платежей долга, а доставляютъ серебро» [13]).

Какъ оказывается, появленіе серебряной и золотой монеты, какъ своей, такъ и иностранной при отсутствіи мѣстныхъ мѣняльныхъ конторъ и банковъ вредило народнымъ интересамъ потому, что «простой народъ не весьма удобно сбываетъ иначе, какъ при покупкахъ французскую золотую и серебряную монету» [14]).

Постепенно вводимыми отступленіями отъ закона 1812 г., по водворенію серебра въ народномъ обращеніи, выразилась дѣятельность правительства, и министру финансовъ оставалось примѣнять эти мѣры. Мѣстныя власти неоднократно возбуждали объ этомъ ходатайство. Такъ, напр., вскорѣ черниговскій губернаторъ обратился къ министру финансовъ съ ходатайствомъ разрѣшить пріемъ серебра, вопреки коренного закона, въ виду того, что отъ сложившагося порядка теряютъ землевладѣльцы. Когда же ему указывали на то, что пріемъ серебряной монеты долженъ быть распространенъ и на другія губерніи, то онъ отвѣчалъ на это, что «однимъ изъ затрудненій своевременнаго платежа государственныхъ повинностей полагается недостатокъ въ обращеніи ассигнацій» [15]). Мин. фин. въ свою очередь сообщалъ малороссійскому военному губернатору, что если распространить это правило на другія губерніи, то будетъ предстоять опасность, «что звонкая монета совершенно вытѣснитъ изъ обращенія и остальныя ассигнаціи» [16]).

Рядъ приведенныхъ фактовъ вполнѣ обрисовываетъ тогдашнее положеніе дѣлъ: *среди народа находилось много звонкой монеты.* Несомнѣнно, она находилась и раньше, будучи припрятана на черный день, и когда наступило благопріятное время и курсъ пріобрѣлъ устойчивость, то она понемногу стала водворяться въ народномъ обращеніи.

Въ виду наступленія подобныхъ фактовъ пришлось принять дальнѣйшія мѣры по допущенію пріема серебра въ казенные платежи, въ 1827 г. при покупкѣ паспортовъ и гербовой бумаги, когда цѣна не превышаетъ пяти рублей. Очевидно, въ этомъ случаѣ указанная мѣра была сдѣлана исключительно въ интересахъ низшихъ классовъ населенія.

Въ виду раздававшихся со всѣхъ сторонъ заявленій о массѣ металлическихъ денегъ, поступавшихъ въ народное обращеніе [17]), министръ финансовъ внесъ въ государственный совѣтъ замѣчательное предложеніе о дальнѣйшемъ расширеніи обращенія, разрѣшая платежи монетою и во всѣхъ другихъ сборахъ, и предложилъ допустить употребленіе въ расходъ не однихъ ассигнацій, но и звонкой монеты по опредѣленному курсу.

Въ своей запискѣ министръ финансовъ сгруппировалъ всѣ тѣ возраженія, которыя можно было привести противъ предлагаемой имъ мѣры; тѣ же возраженія приходится слышать и теперь, лишь только заходитъ вопросъ о водвореніи металлическаго обращенія.

1) «Принудительный платежъ податей ассигнаціями поддерживалъ и поддерживаетъ достоинство ихъ». По сила приведенаго соображе-

нія уменьшается другимъ, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ кругъ хожденія звонкой монеты, которая уходитъ черезъ это изъ страны.

2) Другое и болѣе уважительное опасеніе противъ разрѣшенія введенія серебра въ обращеніе заключается въ томъ, чтобы казна не получила вдругъ много серебра «*по неподвижности коего* можетъ произойти остановка въ расходахъ». Подобныя опасенія напрасны уже потому, что «разрѣшеніе употреблять серебро въ расходъ во многомъ уже уменьшаетъ сіе опасеніе». Да и вообще по бывшимъ опытомъ трудно ожидать большаго поступленія.

3) Пріемъ въ казну золота представляетъ нѣкоторое неудобство, вслѣдствіе обыкновенной колеблимости курсовъ золота въ сравненіи съ серебромъ. Далѣе, такъ какъ стоимость обусловливается вѣсомъ, то оно требуетъ тщательнаго взвѣшиванія принимаемой золотой монеты.

4) Затѣмъ противъ приданія опредѣленнаго курса серебру представляется еще одно опасеніе, заключающееся въ томъ, что курсы необходимо должны быть назначены нѣсколько ниже биржевыхъ, въ видахъ недопущенія разнаго рода обмановъ; но сіе, по словамъ доклада министра финансовъ, послужитъ казначеямъ лишь только въ собственную пользу, ибо они мало по малу станутъ перемѣнять звонкую монету на ассигнаціи съ нѣкоторою выгодою для себя.

Какъ оказывается изъ приведеннаго, наиболѣе вѣскимъ аргументомъ является первый. Онъ не безъ успѣха выставляется и въ настоящее время противъ введенія той же самой мѣры. Однако, вслѣдствіе того, что въ то время въ обращеніи, благодаря принятымъ мѣрамъ, находилось столько серебра, что упорствовать въ дальнѣйшемъ отказѣ пріема безъ нарушенія важныхъ экономическихъ интересовъ преимущественно сельскаго населенія было невозможно, то министръ финансовъ внесъ вышеуказанное представленіе въ государственный совѣтъ. Въ представленіи министра финансовъ было высказано совершенно справедливое мнѣніе, что принятіе рекомендуемой имъ мѣры уничтожитъ «аліотажъ и избавитъ податной классъ отъ тягостной обязанности покупать ассигнаціи для взноса въ казначейство, которое *менѣе имѣло бы недоимокъ*».

Внесеніе подобнаго представленія указываетъ на появленіе въ области нашего денежнаго обращенія какихъ либо новыхъ фактовъ, настойчиво требовавшихъ принятія мѣръ къ упорядоченію нашей денежной системы. Такими фактами было развитіе простонародныхъ курсовъ на монету и ассигнаціи и обращеніе въ крупныхъ размѣрахъ иностранной золотой и серебряной монеты.

[1]) Гр. М. М. Сперанскій, О законахъ бесѣды съ наслѣдникомъ цесаревичемъ 1835—1837 г. Издано Императорскимъ историческимъ обществомъ.

[2]) Арх. госуд. сов. журналы по деп. госуд. экономіи 17 декабря 1828 года, № 137 объ отчетѣ по исполненію смѣты 1823 г.

[3]) Арх. г. с. жур. деп. г. эк. 1832, № 14. Очень вѣроятно, что сумма серебряной и золотой монеты въ обращеніи увеличилась вслѣдствіе крупнаго вывоза нашихъ произведеній въ 1817 и 1818 годахъ по случаю неурожая заграницей.

[4]) Арх. особ. канц. по кр. ч. I, 1, 3. 1817.

[5]) Арх. особ. к. по кр. ч. 1, I, 3, 1817.

[6]) Арх. особ. кан. по кр. ч. № 1, I, 3, 1817.

[7]) Арх. особ. канц. по кр. ч. 1, 3, I, 1824. Арх. гос. сов. по деп. гос. эк. 1830 г. 9 октября. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и разрѣшали пріемъ металлическихъ денегъ, но лишь серебра „золото вовсе не принималось въ подати“.

[8]) Арх. госуд. сов. по журн. д. г. экон. 1832 г. „въ 1818 г. бывшій министръ финансовъ представилъ о дозволеніи продавать изъ казны вино на серебро, считая рубль въ 3 руб. 60 к. и, хотя предметъ сей не получилъ по государственному совѣту разрѣшенія, но приведенъ былъ министромъ въ дѣйствіе“.

[9]) Арх. особ. канц. по кр. ч. 19, III, 1824.

[10]) Архивъ особенной канцеляріи по кредитной части 19 III. 1824 г. Записка министра финансовъ объ усиленіи капитала долговъ по коммиссіи погашенія.

[11]) Временникъ центральнаго статистическаго комитета М. В. Д. Цѣны на пшеницу, рожь, овесъ и ячмень въ Европейской Россіи въ 1881—1887 годахъ по мѣстнымъ свѣдѣніямъ.

[12]) Арх. особ. канц. по кр. ч. 3, I, 1824. Арх. госуд. сов. жур. деп. гос. экон. 1832 г., № 14. Въ 1824 былъ допущенъ пріемъ серебра въ 16 губер. и Бессарабской области „и то ввидѣ вымѣна по надобности въ звонкой монетѣ, по курсу въ 370 к.“.

[13]) Арх. особ. канц. по кр. ч. I, 2, 1831 г.

[14]) Арх. особ. канц. по кредит. ч. 8, I, 1832 (донесеніе рязанскаго вицъ-губернатора).

[15]) Арх. особ. канц. по кр. ч. 3, I, 1824 предложено было 13 губерніямъ.

[16]) Арх. особ. канц. по кр. ч. ibid.

[17]) Съ исторической точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія какими причинами объясняли вторженіе металлическихъ денегъ въ народное обращеніе. М. ген.-губ. полагаетъ, что главнѣйшая причина „возвышенія курса ассигнацій на монету“ объясняется появленіемъ иностранной золотой монеты, которая вытѣснила русское золото. Предположенія сіи имѣютъ слѣдующія основанія: „промыслы и торгъ Московской столицы большею частью суть внутренніе и производятся всегда почти на монеты“. Обычай сей укоренился отъ установившагося постояннаго курса 27 р. с. или 108 р. монетою за 100 р. ассигнаціи, каковой курсъ, соотвѣтствуя почти курсу, объявленъ правительствомъ для пріема серебряныхъ руб. присутственными мѣстами. Онъ служилъ „регуляторомъ для всѣхъ состояній въ отношеніи цѣнъ“. См. Арх. гос. совѣта.

Вл. Судейкинъ.

ТВОРЧЕСКАЯ СИЛА ОБЫЧАЯ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ.

I.

Образованіе обычнаго права вообще *).

Первоисточникъ права лежитъ въ природѣ человѣка, подчиненной извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ. Существо прогресса состоитъ въ постепенномъ ростѣ сознанія, постепенномъ ростѣ той роли, которая принадлежитъ разсудку въ противоположность инстинктамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что процессъ очищенія сознанія отъ угнетавшихъ его примитивныхъ инстинктовъ, процессъ, такъ сказать, освобожденія разсудка не у всѣхъ людей происходилъ съ равной энергіей; у однихъ онъ шелъ быстрѣе, у другихъ медленнѣе. Поэтому право, какъ сознательное установленіе, не могло быть прежде, какъ не можетъ быть и теперь, твореніемъ всѣхъ членовъ даннаго общественнаго союза, какъ то—рода, общины, племени, государства. Надо думать, что первыми творцами обычнаго права всегда бываютъ болѣе сильные умомъ и волей лица; они первыя вносятъ сознаніе, убѣжденіе въ

*) *Литература: Puchta*, Das Gewonheitsrecht, 2 ч., 1828—1837 г.; *Savigny*, Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, 3 изд. 1840 г., первое изд. въ 1814 г.; *Его же*, System des heutigen Römischen Rechts, 1840 г., 1 томъ; *Іеринъ*, Борьба за право, перев. Волкова 1874 г.; *August Sturm*, Der Kampf des Gesetzes mit der Rechtsgewonheit, 1877 г.; *Его же*, Recht und Rechtsquellen, 1893 г.; *August Thon*, Rechtsnorm und Subjectives Rechts, 1878 г.; *С. Муромцевъ*, Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи, изд. 2, 1886 г.; *Его же*, Творческая сила юриспруденціи, Юрид. Вѣстн., 1887 г., № 9; *В. Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, 1883 г.; *Н. Карѣевъ*, Два взгляда на процессъ правообразованія, Юрид. Вѣстн., 1889 г., к. 3; *П. Карасевичъ*, Гражданское обычное право Франціи, 1875 г.

свою дѣятельность и этой нравственной силой, этимъ психическимъ превосходствомъ, подчиняютъ своему вліянію другихъ. Эти другіе, какъ болѣе слабые умомъ и волей люди, легко увлекаются примѣромъ, образомъ дѣйствія первыхъ, и вотъ мало по малу ихъ личное убѣжденіе, руководящее даннымъ образомъ дѣйствія, становится убѣжденіемъ многихъ и, распространяясь на все бо́льшій и бо́льшій кругъ людей, обезличивается, становится общимъ убѣжденіемъ рода, племени и часто даже цѣлаго народа. Такъ образуются обычныя правила поведенія или образа дѣйствія въ извѣстныхъ однородныхъ случаяхъ, такъ называемыя нормы обычнаго права, принудительная сила которыхъ заключается, во первыхъ, въ согласіи убѣжденія многихъ лицъ въ необходимости поступать именно такимъ образомъ, во вторыхъ, въ инертной силѣ повторенія, присущей человѣку. Не всѣ люди проникаются руководящимъ убѣжденіемъ, одни вслѣдствіе пассивности своего духа, не наклоннаго разсуждать, другіе вслѣдствіе несогласія, возникающаго въ умѣ противорѣчія. Тѣмъ не менѣе, какъ первые, такъ и большинство вторыхъ слѣдуютъ руководящему убѣжденію, разъ оно пріобрѣло реальную силу, т. е. воплотилось въ цѣломъ рядѣ однообразныхъ дѣйствій разныхъ лицъ. Эта реальная сила юридическаго убѣжденія укрѣпляетъ послѣднее въ глазахъ другихъ и заставляетъ ихъ поступать такимъ же образомъ въ однородныхъ случаяхъ, при сходной обстановкѣ.

Изъ сказаннаго видно, что нормы обычнаго права возникаютъ первоначально изъ убѣжденія отдѣльныхъ лицъ, а не изъ народнаго духа, не изъ народнаго сознанія непосредственно, какъ учила историческая школа, возведшая народный духъ на степень какого то самостоятельнаго объективнаго творческаго фактора, дѣйствующаго независимо отъ личнаго сознанія отдѣльныхъ лицъ. По ученію Савиньи и Пухты, первоисточникъ права есть самъ народъ или иначе естественное единство народнаго убѣжденія, которое дѣйствуетъ въ сознаніи отдѣльныхъ членовъ народа и въ ихъ поступкахъ, соотвѣтствующихъ этому убѣжденію. Правовыя убѣжденія, принадлежащія отдѣльнымъ индивидамъ, суть не ихъ исключительно личныя убѣжденія, а убѣжденія всего народа, часть котораго они составляютъ, ибо отдѣльная личность оказывается способною къ правовому убѣжденію не какъ таковая, а какъ членъ народа, а отсюда прямой выводъ тотъ, что источникъ этихъ убѣжденій лежитъ не въ единичномъ, а въ народномъ духѣ. Не было недостатка въ возраженіяхъ противъ этого ученія исторической школы, но изъ нихъ едва ли не самое сильное то, которое утверждаетъ, что единства народнаго духа,

единства народнаго убѣжденія никогда не было; извѣстно, что различныя племена одного и того же народа имѣли и имѣютъ свои особые обычаи, дающіе содержаніе мѣстному, партикулярному обычному праву. Если бы источникомъ обычнаго права былъ единый факторъ, дѣйствующій независимо отъ индивидуальнаго сознанія или убѣжденія, то этого разнообразія правовыхъ воззрѣній, этого разнообразія права быть не могло. Приведенное возраженіе намъ представляется наиболѣе сильнымъ еще и потому, что оно раскрываетъ внутреннюю слабость всего построенія исторической школы. И въ самомъ дѣлѣ, основа обычнаго права, по ученію Пухты, лежитъ въ общемъ убѣжденіи не только всего народа, но и его частей или особыхъ болѣе тѣсныхъ союзовъ, связанныхъ особенными культурными интересами. Въ этихъ болѣе тѣсныхъ соединеніяхъ могутъ возникать особыя юридическія убѣжденія, которыя и составляютъ мѣстное, партикулярное обычное право. Итакъ, источникомъ права, согласно ученію самого Пухты, можетъ быть не только общее народное убѣжденіе, но и убѣжденія отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ, таковыхъ, какъ городъ, село, община, или, говоря иначе, источникомъ права можетъ быть не только общій народный духъ, но и особый духъ общественныхъ союзовъ; значитъ, никакого естественнаго единства народнаго духа нѣтъ, ибо если бы таковое было, то особаго духа общественныхъ союзовъ, какъ источника права, быть не могло. Эта внутренняя слабость ученія Пухты, его внутреннее противорѣчіе выступаетъ также и въ тѣхъ компромиссахъ съ своимъ основнымъ взглядомъ, въ которые онъ впалъ далѣе въ разсужденіяхъ о роли законодателя и юристовъ въ образованіи права Здѣсь онъ хотя и не прямо, а съ оговорками, допускаетъ уже творческое значеніе индивидуальнаго убѣжденія, находя, что, какъ законодателю, такъ и юристу при извѣстныхъ условіяхъ принадлежитъ роль замѣстителей народа при образованіи права.

Теорія происхожденія обычнаго права путемъ повторенія изъ индивидуальнаго убѣжденія, а не изъ общенароднаго сознанія, подтверждается и наблюденіями надъ процессомъ его разрушенія. Этотъ процессъ также идетъ отъ частной воли, а не отъ общей; никогда не бываетъ такъ, чтобы на мѣсто одного общаго убѣжденія, правосознанія непосредственно возникло другое, чтобы послѣднее сразу вытѣснило первое. Напротивъ, обыкновенно бываетъ такъ, что отдѣльныя лица, болѣе сильные умомъ и волей, первыя возстаютъ противъ данной обычной нормы, признаваемой ими несостоятельной, и, поступая инымъ образомъ, нарушая ее, этой реальной силой своего

новаго убѣжденія постепенно завоевываютъ ему довѣріе, которое, распространяясь все на большій и большій кругъ людей, подрываетъ господство обычной нормы, которая съ теченіемъ времени теряетъ свое жизненное значеніе, уступая его другой нормѣ. Но само собою разумѣется, что новое правовое убѣжденіе, новое правовое положеніе только тогда вытѣсняетъ прежнее, только тогда пріобрѣтаетъ общее жизненное господство, когда оно болѣе прежняго отвѣчаетъ даннымъ жизненнымъ потребностямъ. Если потребности и интересы остались тѣ же, не смѣнились новыми, то новое убѣжденіе, какъ чуждое реальной подкладки, останется на степени частнаго убѣжденія, частнаго дѣйствія, неспособнаго, при данныхъ условіяхъ, къ распространенію. Такимъ образомъ, согласіе, совпаденіе правоваго убѣжденія съ данными жизненными интересами и отношеніями есть необходимое условіе его господства, при чемъ, конечно, безразлично, идетъ ли рѣчь о возникновеніи новаго обычая или о сохраненіи силы прежняго.

Подтвержденіе защищаемой теоріи можно найти и въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Извѣстно, что сходные обычаи встрѣчаются не только среди населенія, принадлежащаго къ одной и той же націи, но и среди населенія, принадлежащаго различнымъ націямъ. Очевидно, что такое сходство обычаевъ разныхъ народовъ не находитъ себѣ объясненія въ теоріи Пухты, согласно которой право есть чисто національный институтъ, непосредственное выраженіе духа данной націи; будучи вѣренъ самому себѣ, Пухта не признавалъ обычныхъ нормъ въ сферѣ международнаго права. Напротивъ, съ точки зрѣнія нашей теоріи эта аналогія совершенно понятна. Дѣйствіе сознанія и воли у всѣхъ людей подчинено однимъ и тѣмъ же законамъ; при сходныхъ условіяхъ обстановки и развитія люди думаютъ и поступаютъ аналогичнымъ образомъ; различіе замѣчается въ частностяхъ, но не въ общихъ чертахъ. Понятно поэтому, что у разныхъ народовъ на равныхъ ступеняхъ культуры бываютъ сходные обычаи, какъ вообще бываютъ сходные частные и общественные явленія и институты. Извѣстно также, что обычное право возникаетъ не только въ предѣлахъ большихъ массъ однороднаго населенія, но и среди малыхъ союзовъ людей, связанныхъ общими интересами; оно возникаетъ не только среди цѣлаго населенія областей, городовъ, селъ, но и среди каждой группы людей, связанныхъ общей профессіей, общей задачей. Нѣтъ сомнѣнія, что обычныя нормы среди такихъ группъ, среди такихъ ассоціацій создаются не непосредственнымъ выраженіемъ убѣжденія всѣхъ членовъ послѣднихъ, а творческою дѣятельностью убѣжденія отдѣль-

ныхъ лицъ-вожаковъ. Убѣжденіе болѣе сильныхъ умомъ и волей людей данной профессіи, данной спеціальной ассоціаціи въ необходимости въ извѣстныхъ случаяхъ ихъ общей дѣятельности поступать такъ, а не иначе, путемъ повторенія дѣлается руководящей обычной нормой поведенія всѣхъ членовъ данной ассоціаціи.

Процессъ образованія обычнаго права одинъ и тотъ же въ разныя эпохи общежитія, на разныхъ стадіяхъ культуры. Какъ въ первобытное время, такъ и на высокой степени культуры, когда важнѣйшимъ творцомъ права является государственная власть, издающая законы, обычное право возникаетъ сначала изъ индивидуальнаго убѣжденія, которое постепенно переходитъ въ общее. Конечно, съ утвержденіемъ правильно функціонирующей законодательной власти возникновеніе обычнаго права сильно ограничивается, съуживается, такъ какъ законодатель стремится урегулировать, опредѣлить, по возможности, всѣ правовыя отношенія. Тѣмъ не менѣе образованіе обычнаго права при самой успѣшной законодательной дѣятельности, какъ намъ кажется, несомнѣнно. Право не есть только продуктъ отвлеченной мысли, оно создается на почвѣ жизненныхъ потребностей, отношеній и интересовъ. Сіи же послѣдніе постепенно разнообразятся и мѣняются, ибо жизнь не стоитъ, а, подобно большой рѣкѣ, пребываетъ въ постоянномъ движеніи, и какъ эта послѣдняя постоянно мѣняетъ свои берега, такъ и жизнь мѣняетъ и разнообразитъ потребности, отношенія и интересы. Поэтому, какъ бы успѣшно ни функціонировала законодательная дѣятельность, она не въ состояніи поспѣть за всѣми теченіями жизни, не въ состояніи уловить всѣ ея перемѣны. Совершенно возможно и часто бываетъ, что установленная законодателемъ норма, отвѣчавшая даннымъ жизненнымъ интересамъ, въ скоромъ времени оказывается неумѣстной, несоотвѣствующей новымъ измѣнившимся интересамъ. И вотъ, пока законодатель установитъ болѣе цѣлесообразную норму, правовое убѣжденіе руководящихъ отдѣльныхъ лицъ само выробатываетъ таковую, которая путемъ повторенія постепенно распространяется и вмѣсто закона дѣлается правиломъ поведенія въ данной сферѣ правовыхъ интересовъ. Законодатель, какъ бы онъ ни былъ чутокъ къ запросамъ жизни, не можетъ познать всѣ потребности ея одновременно съ отдѣльными гражданами; руководящіе члены общества обыкновенно раньше познаютъ перемѣны жизни, ея народившіяся потребности, и первые выражаютъ убѣжденіе, способное служить нормой поведенія въ видоизмѣненной сферѣ интересовъ. Законодателю большею частію приходится лишь закрѣплять уже возникшее

правовое убѣжденіе, уже выраженное правоположеніе; конечно, это закрѣпленіе дѣлается сознательно, а не механически, т. е. законодатель, прежде чѣмъ закрѣпить возникшее правоубѣжденіе, продумываетъ, переработываетъ его, но эта переработка сводится болѣе къ частностямъ, къ техникѣ правоположенія, чѣмъ къ исходной мысли, къ общимъ чертамъ. Только въ немногихъ случаяхъ законодатель является иниціаторомъ, непосредственнымъ творцомъ объявляемыхъ имъ правоположеній. Сіи послѣднія, прежде провозглашенія ихъ законодателемъ, обыкновенно уже живутъ въ сознаніи руководящихъ членовъ общества, при чемъ большинство изъ нихъ такъ и остается на степени частныхъ убѣжденій, но нѣкоторая ихъ часть, благодаря болѣе широкому распространенію и повторенію, пріобрѣтаетъ и жизненную, фактически—принудительную силу.

Съ другой стороны, при всемъ совершенствѣ законодательной техники, нѣтъ возможности обнять все разнообразіе жизненныхъ отношеній; законъ всегда объемлетъ лишь болѣе типическія отношенія, опуская менѣе типическія, которыя, однако, часто бываютъ запечатлѣны своими особенными чертами, не совпадающими съ законной нормой. Такъ—какъ примѣненіе сей послѣдней къ особеннымъ отношеніямъ было бы нецѣлесообразно, а между тѣмъ возникающія столкновенія требуютъ разрѣшенія, то правовая жизнь и прибѣгаетъ къ компромиссамъ. Рѣшитель правовыхъ столкновеній—судья, встрѣчаясь съ правоотношеніями, не объемлемыми законной нормой, путемъ принадлежащей ему интерпретаціи, видоизмѣняетъ послѣднюю такъ, чтобы она отвѣчала природѣ даннаго столкновенія. Это видоизмѣненіе есть большею частію развитіе данной законной нормы, но иногда оно равносильно и новому правообразованію. Судьи, какъ непосредственно стоящіе у самаго очага жизни, проводники закона, ранѣе и глубже многихъ другихъ познаютъ особенности правоотношеній, не объемлемыхъ законной нормой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти особенности вызываются жизненными перемѣнами, новыми укладами въ жизни, судья, какъ членъ общества, часто незамѣтно для самого себя является проводникомъ новаго правоваго убѣжденія, установившагося въ сознаніи руководящихъ членовъ общества. Мы говоримъ — незамѣтно для самого себя — потому, что судьи, какъ и всѣ люди, подчинены общему закону развитія сознанія. Новое правоубѣжденіе, распространившееся въ умахъ руководящихъ членовъ общества, уже этой своей моральной силой подчиняетъ себѣ волю судьи; если же къ этому присоединяется, что обыкновенно и бываетъ, реальная сила его примѣненія, жизненнаго повторенія, то совершенно понятно, такъ ска-

зать, инертное его воспринятіе судьей, проведеніе его въ судебныхъ рѣшеніяхъ путемъ компромисса съ законной нормой, достигаемаго толкованіемъ. Творческая дѣятельность судьи въ этихъ случаяхъ самая широкая: она не ограничивается только неважными модификаціями законной нормы или обреченіемъ ея на бездѣйствіе; она иногда приводитъ къ существенной реформѣ данныхъ нормъ, совпадающей лишь съ системой родственныхъ нормъ, съ общей волей ихъ творца. Невѣрно поэтому повторяемое Іерингомъ господствующее ученіе, что всѣ реформы права сводятся къ одному закону, такъ—какъ обычай можетъ только регулировать движеніе по существующимъ путямъ, помогать ему, но онъ не можетъ прорвать плотины, которая препятствуетъ потоку проложить новое направленіе. Напротивъ, не только въ сферѣ гражданскаго права, но и въ сферѣ уголовнаго права обычаю иногда принадлежитъ реформаторская роль. Господствующее ученіе, отрицающее преобразовательную силу обычая вообще, а судебнаго въ частности, покоится въ сущности на софизмѣ. Какъ бы рѣзко ни расходилось судебное правоположеніе съ данной нормой закона, въ немъ всякій разъ видятъ лишь развитіе послѣдней, а не новое правообразованіе; но взглядъ совершенно измѣняется, если то же правоположеніе будетъ объявлено закономъ; его признаютъ новой нормой. Справедливо говоритъ профессоръ Колеръ (Kohler), что нельзя сомнѣваться въ творческой силѣ юриспруденціи, когда она путемъ интерпретаціи превращаетъ законодательныя положенія и на мѣсто стараго права ставитъ новое, по возможности приспособляясь къ словамъ закона; это — дѣятельность разрушительная, но на могилѣ прошедшаго она побѣдоносно водружаетъ знамя новаго времени: въ преобразованіи стараго скрывается сила новаго. Исторія постоянно показываетъ намъ, продолжаетъ онъ, что юриспруденція безсознательно и постепенно уступаетъ духу времени и подкапывается подъ устарѣвшее право, пока оно, наконецъ, не падетъ совершенно; и въ судебной практикѣ духъ времени даетъ себя чувствовать безсознательно и противъ воли судьи; въ судебной практикѣ, которая сама по себѣ назначена дѣйствовать на почвѣ закона, совершается безсознательное отклоненіе права отъ этой почвы [1]).

Менѣе широка дѣятельность судьи тогда, когда особенныя правоотношенія просто не предусмотрѣны законодателемъ; но несомнѣнно, что и здѣсь эта дѣятельность есть творческая, одна изъ формъ образованія права. Противоположное мнѣніе, отрицающее въ этомъ случаѣ творческій характеръ дѣятельности суда, должно по необходимости признать, что эта дѣятельность здѣсь сводится къ одной

логической операціи подведенія даннаго правоотношенія подъ законъ. Но можно ли такъ назвать дѣятельность судьи, принужденнаго видоизмѣнять законную норму путемъ расширенія или ограниченія ея прямаго смысла? Встрѣчаясь съ особеннымъ правоотношеніемъ, не совпадающимъ съ тѣмъ типомъ послѣднихъ, который имѣлъ въ виду законодатель, судья самъ входитъ въ его роль: онъ ставитъ себя на его мѣсто и старается предугадать, какъ бы самъ законодатель нормировалъ данное правоотношеніе. Признавъ, что сіе послѣднее объемлется исходною цѣлью законодателя, руководившею его при разрѣшеніи типическихъ случаевъ, предусмотренныхъ данной законной нормой, судья, въ силу этого обязанный его разрѣшить, очевидно, самъ творитъ право, внося въ законную норму поправку, вызываемую особенной природой даннаго правоотношенія. Поправка здѣсь неизбѣжна потому, что нельзя же допустить, что законодатель, обыкновенно имѣющій въ виду типическія отношенія, можетъ создать норму, способную обнять и всѣ особенныя правоотношенія. Конечно, восполняющая дѣятельность судьи въ этихъ случаяхъ есть второстепенная, субсидіарная, но она есть творческая въ наше время, во время господства логическаго толкованія. Только въ періодъ грамматическаго, буквальнаго толкованія, когда судья не могъ выходить изъ предѣловъ буквальнаго смысла законной нормы, его дѣятельность большею частію лишена была творческаго значенія, только тогда она обыкновенно ограничивалась логической операціей подведенія данныхъ правоотношеній подъ заключенную въ законѣ норму. Лучшимъ доказательствомъ творческаго характера названной судебной дѣятельности служитъ то, что при изданіи новыхъ законовъ, новыхъ кодексовъ соотвѣтственныя судебныя рѣшенія сплошь и рядомъ дѣлаются основаніемъ реформы прежнихъ законныхъ нормъ, источникомъ новыхъ правоположеній. Совершенно правильно замѣчаетъ тотъ же г. Колеръ, что законы даютъ только юридическіе принципы и что дальнѣйшее развитіе юридическихъ нормъ является уже не толкованіемъ, а новообразованіемъ и творчествомъ. Между принципами и тѣмъ, что юриспруденція создаетъ изъ нихъ, существуетъ отнюдь не логическое только отношеніе основанія и вывода; принципы, заключенные въ законахъ, суть органически - догматическія силы, которыя, внесенныя въ человѣческія отношенія, могутъ дѣйствовать созидающимъ образомъ. Дѣло догматика погрузить принципъ въ полноту жизненныхъ отношеній и приблизить къ нему тѣ именно отношенія, въ которыхъ принципъ проявляетъ свои наиболѣе важныя образованія. Изъ двухъ положеній кодекса можетъ образоваться

цѣлая наука; въ этомъ заключается творческая сила юриспруденціи, которая еще выражается и въ томъ, что тѣ же положенія, внесенныя въ измѣнившіяся отношенія, дѣйствуютъ иначе [2]).

Итакъ, сводя наши мысли къ общимъ положеніямъ, мы можемъ сказать, что обычное право есть выраженіе индивидуальнаго убѣжденія, пріобрѣвшаго путемъ распространенія и повторенія принудительную силу. Образованіе обычнаго права неизбѣжно и при господствѣ законодательной дѣятельности; оно вызывается какъ перемѣнами въ жизненномъ укладѣ, такъ и несовершенствами самого закона, выражающаго лишь общія правоположенія, объемлющія типическіе правовые интересы. Возникая обыкновенно незамѣтно въ умахъ и дѣятельности частныхъ лицъ, обычное право по законамъ движенія мысли проникаетъ и въ судебныя рѣшенія, въ которыхъ обрѣтаетъ, такъ сказать, свою оффиціальную силу, свою санкцію; съ другой стороны, и сами судьи, какъ руководящіе члены общества и рѣшители правовыхъ столкновеній, могутъ быть и непосредственными органами правообразованія.

II.

Образованіе и дѣйствіе уголовно-обычнаго права.

Эти общія положенія обычнаго правообразованія мы, конечно, распространяемъ и на уголовное право, ибо право, при всемъ разнообразіи его отраслей, едино и подлежитъ извѣстнымъ общимъ законамъ его развитія. Правда, существенные особенности отдѣльныхъ отраслей права, въ томъ числѣ и уголовнаго, порождаютъ особенности и въ ихъ обычномъ правообразованіи, но сіи послѣднія носятъ частный характеръ, не измѣняющій общей природы правообразованія. Въ полномъ противорѣчіи съ нашимъ ученіемъ, повидимому, стоитъ извѣстное положеніе уголовнаго права—nullum crimen, nulla poena sine lege, а также и выводъ изъ него о недопустимости аналогіи въ судебныхъ рѣшеніяхъ. На самомъ дѣлѣ это противорѣчіе только кажущееся. Приведенному положенію, имѣющему своею цѣлію огражденіе гражданской свободы отъ произвола суда и вообще обезпеченіе правомѣрности въ его дѣятельности, нисколько не мѣшаетъ судебное правообразованіе въ интересахъ лучшаго достиженія послѣдней. Такое правообразованіе, какъ мы видѣли, есть прямое необходимое слѣдствіе несовершенной природы закона, неспособнаго ни уловить всѣ жизненныя перемѣны, ни обнять всѣ индивидуальные жизнен-

ные интересы. Аналогія есть не болѣе, какъ способъ восполненія судомъ названнаго несовершенства закона, какъ одинъ изъ пріемовъ его толкованія. Встрѣчаясь съ правовыми интересами, не совпадающими съ законной нормой или вслѣдствіе испытанныхъ ими превращеній или въ силу присущихъ имъ видовыхъ особенностей, не только гражданскій, но и уголовный судъ обязанъ ихъ разрѣшить, ибо законодатель общій, родовой, такъ сказать, типъ этихъ интересовъ имѣлъ въ виду и дѣйствительно опредѣлилъ. Но разрѣшить эту задачу уголовный судья часто не можетъ иначе, какъ путемъ аналогіи, т. е. посредствомъ сопоставленія даннаго случая съ тѣмъ типомъ правовыхъ интересовъ, который законодатель предусмотрѣлъ въ данной нормѣ или въ цѣлой системѣ родственныхъ нормъ. Это сопоставленіе, такимъ образомъ, предполагаетъ иногда отвлеченіе общихъ правовыхъ положеній изъ цѣлой системы нормъ, а такое отвлеченіе есть одинъ изъ весьма рельефныхъ способовъ того судебнаго толкованія, которое называется аналогіей, способовъ, допускаемыхъ какъ теоріей, такъ и судебной практикой. Аналогія только тогда, согласно принципу—nullum crimen sine lege—не можетъ быть допущена, когда предложенное суду дѣяніе представляется всецѣло новымъ, безусловно расходящимся со всѣми типами жизненныхъ интересовъ, предусмотрѣнныхъ законодателемъ, чуждымъ какихъ либо общихъ съ ними чертъ. Допущеніе аналогіи въ этомъ случаѣ дѣйствительно равносильно было бы раскрытію двери произволу судебнаго усмотрѣнія, небезопаснаго для интересовъ гражданской свободы, а слѣдовательно и правопорядка вообще. Во всѣхъ другихъ названныхъ нами случаяхъ аналогія есть неизбѣжный способъ логическаго толкованія, границы котораго особенно расширились задачами новой кодификаціи, стремящейся къ возможно широкому обобщенію однородныхъ жизненныхъ интересовъ, къ установленію самыхъ широкихъ нормъ, объемлющихъ наиболѣе обобщенные ихъ типы. Понятно, что вмѣстѣ съ тѣмъ расширилась и область нормированныхъ интересовъ, область запрещенныхъ дѣяній, ибо чѣмъ шире правовая норма, тѣмъ большій кругъ интересовъ она объемлетъ. Это расширеніе названной области тѣмъ больше, что, согласно природѣ современной кодификаціи и логическаго толкованія, запрещенными слѣдуетъ признать и такія дѣйствія, которыя объемлются нормой, отвлеченной изъ системы родственныхъ правоположеній. Такъ называемая юридическая конструкція, состоящая въ индуктивномъ отвлеченіи однихъ основныхъ положеній и въ сопоставленіи ихъ съ другими, неизбѣжно приводитъ къ установленію болѣе широкихъ нормъ, возвышающихся надъ отдѣльными частными

правоположеніями. Это установленіе не равносильно извлеченію положенія изъ общаго духа кодекса, изъ его системы; отъ послѣдняго оно существенно отличается тѣмъ, что извлекаетъ изъ выраженныхъ уже нормъ и притомъ родственныхъ, т. е. такихъ, которыя представляютъ тѣсную внутреннюю связь. Подобное извлеченіе есть юридическая конструкція изъ данныхъ правоположеній, а не извлеченіе положенія изъ общаго духа кодекса, изъ всей системы права; поэтому, насколько послѣднее, какъ непосредственное творчество, неумѣстно въ судебной дѣятельности, на столько первое, какъ посредственное, совершенно резонно и необходимо. Необходимость такого рода аналогіи еще яснѣе выступаетъ въ случаяхъ противорѣчій въ законахъ и неполноты, которая можетъ возникнуть не только по недосмотру законодателя, но и умышленно, когда онъ отказывается дать требуемое правоположеніе, предоставляя установленіе его наукѣ и судебной практикѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ справедливо думаютъ Биндингъ, Бернеръ, Шютце, Листъ, Колеръ, Муромцевъ, Коркуновъ и друг., судебная практика не только раскрываетъ, но и творитъ право, создаетъ новую норму [3]). Это творчество и здѣсь не есть непосредственное; оно исходитъ изъ системы данныхъ родственныхъ правоположеній; тѣмъ не менѣе такая посредственная дѣятельность есть несомнѣнно творческая, ибо она совершенно равносильна той дѣятельности законодателя, которая была бы необходима для построенія требуемой нормы.

Случаевъ, о которыхъ идетъ рѣчь, довольно много въ каждомъ уголовномъ кодексѣ; такъ, напримѣръ, какъ въ нашемъ уложеніи, такъ и въ общегерманскомъ нѣтъ положенія о покушеніи надъ негоднымъ объектомъ; это положеніе должна была выработать вмѣстѣ съ доктриной судебная практика. Далѣе, ни въ одномъ кодексѣ мы не находимъ положенія о дѣйствіи закона въ случаѣ учиненія преступленія внѣ государственной теоріи; въ общегерманскомъ и бельгійскомъ уложеніи нѣтъ отвѣта на вопросъ объ отвѣтственности за содѣйствіе самоубійству, когда это содѣйствіе было активное, т. е. выразилось въ подстрекательствѣ, въ укрѣпленіи намѣренія, въ доставкѣ необходимыхъ орудій и т. п.; въ общегерманскомъ, венгерскомъ, голландскомъ и французскомъ кодексахъ нѣтъ юридической конструкціи, такъ называемыхъ случаевъ—error in objecto и abberatio ictus, въ большинствѣ кодексовъ нѣтъ конструкціи покушенія вообще, ибо опредѣленіе послѣдняго, какъ начала исполненія, почти безсодержательно, нѣтъ положенія объ отвѣтственности подстрекателя при эксцессахъ подстрекнутаго, нѣтъ положенія о вліяніи согласія по-

страдавшаго при посягательствѣ на свободу и цѣлость тѣла; нѣтъ положенія о причинной связи, устанавливающей отвѣтственность за результатъ, нѣтъ опредѣленія состава обиды вообще и видовъ ея въ частности; нѣтъ, также опредѣленія состава самоуправства вообще и какъ вида его—нарушенія домашняго права въ частности и т. д. Во всѣхъ такихъ и подобныхъ случаяхъ судъ вмѣстѣ съ наукой права создаетъ многочисленный рядъ самостоятельныхъ нормъ, которыми регулируются жизненные интересы; самостоятельность этихъ нормъ сказывается какъ при мирномъ теченіи жизни, такъ и въ случаяхъ столкновеній; какъ здѣсь, такъ и тамъ правомѣрный ходъ жизни устанавливается, главнымъ образомъ, соображеніями не съ легальной нормой, которой нѣтъ, а съ положеніемъ, выработаннымъ правовѣдами, какъ руководящими выразителями правоваго сознанія и закрѣпленнымъ санкціей судебнаго признанія, авторитетомъ судебнаго права. И въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ нашему праву, кому изъ русскихъ, сколько нибудь знакомыхъ съ жизнью, неизвѣстно, что, напримѣръ, въ сферѣ интересовъ, рождающей обиды и самоуправство, наше общество сообразуется преимущественно съ тѣми нормами, которыя проникли въ судебную практику и освящены авторитетомъ кассаціоннаго сената? Какъ частный гражданинъ, такъ и судья при сужденіи о жизненныхъ интересахъ этого рода обыкновенно ссылается не на законъ, а на кассаціонныя рѣшенія, какъ на такія, которыя отвѣчаютъ тамъ, гдѣ законъ молчитъ.

Въ примѣрахъ неполноты закона, нами сейчасъ указанныхъ, творцами права главнымъ образомъ являются правовѣды и судьи, какъ спеціалисты права, вооруженные искусствомъ той юридической конструкціи, при помощи которой обыкновенно восполняются данные пробѣлы закона. Но есть и такая сфера правоотношеній, гдѣ непосредственное творчество, при неполнотѣ закона, исходитъ большею частію не отъ спеціалистовъ права, а отъ частныхъ лицъ, близко знакомыхъ съ складомъ данныхъ конкретныхъ интересовъ; спеціалисты, техники права здѣсь являются по преимуществу въ роли проводниковъ уже сложившихся правовозрѣній; такъ, покрайней мѣрѣ, было до сихъ поръ. Мы разумѣемъ область полевыхъ нарушеній, т. е. уголовно-запрещенныхъ посягательствъ на естественные продукты полей, лѣсовъ, садовъ и огородовъ. Посягательства этого рода во многомъ носятъ мѣстный характеръ, обусловливаемый естественными и историческими особенностями данныхъ интересовъ, вызывающими и особенный складъ правовозрѣній. Знанія этого склада и ближайшаго пониманія природы мѣстныхъ интересовъ, понятно, скорѣе

слѣдуетъ ожидать отъ мѣстныхъ жителей, а не отъ спеціалистовъ права; послѣдніе только тогда могутъ быть знатоками всего этого, когда они сами не только живутъ въ данной мѣстности, но и непосредственно стоятъ у источника, такъ сказать, данныхъ спеціальныхъ интересовъ. Но такъ какъ такое положеніе встрѣчается довольно рѣдко, то спеціалистамъ права вообще и судьямъ въ частности большею частью приходится быть лишь проводниками правовоззрѣній, выработанныхъ другими, причемъ безразлично, идетъ ли рѣчь о намѣренной неполнотѣ закона или о ненамѣренной, происшедшей отъ недосмотра законодателя. Въ обоихъ случаяхъ творческая дѣятельность какъ ученаго юриста, такъ и судьи—практика представляется сравнительно ограниченной, ибо пробѣлы закона здѣсь, вообще говоря, пополняются не путемъ юридической конструкціи изъ данныхъ законоположеній, а чрезъ ближайшее изученіе склада мѣстныхъ правовоззрѣній, обусловливаемаго мѣстными особенностями правоотношеній.

Сила этихъ правовоззрѣній такъ велика, что, съ одной стороны, недостаточное изученіе ихъ законодателемъ приводитъ его положенія къ несообразностямъ, а съ другой — иногда мѣстные судьи, подъ давленіемъ названныхъ правовоззрѣній, проводятъ положенія, прямо противоположныя и общему духу соотвѣтственныхъ законоположеній и руководящимъ рѣшеніямъ высшаго суда. Справедливость приведенныхъ мыслей можно провѣрить какъ на французскомъ правѣ, такъ и на нашемъ. Ближайшее изученіе практическаго дѣйствія Code rural раскрываетъ чрезвычайно интересные мѣстные обычаи, дѣйствующіе рядомъ съ легальными уголовными нормами [4]). Такъ, арт. 471, № 10 и арт. 473 Code pénal запрещаютъ подъ угрозою штрафа или ареста такъ назыв. glanage, râtelage и grappillage, т. е. подбираніе колосьевъ, сгребаніе сѣна и срываніе винограда съ полей, съ коихъ не вполнѣ еще сняты или собраны жатвы или же ранѣе восхода или послѣ заката солнца. Это запрещеніе находится въ связи съ старымъ обычаемъ, предоставлявшимъ нищимъ и неимущимъ людямъ данной мѣстности право сбора въ открытыхъ поляхъ колосьевъ, сѣна и винограда, оставшихся послѣ уборки хозяиномъ поля своего урожая. Сохраняя въ силѣ этотъ гуманный обычай, кодексъ вноситъ въ сферу его дѣйствія необходимыя ограниченія въ видахъ обезпеченія правъ самого хозяина поля. Имѣя, однако, здѣсь дѣло съ правоотношеніями мѣстнаго характера, не чуждыми областныхъ особенностей, законодатель отказывается отъ ближайшаго разграниченія сталкивающихся правъ хозяина поля и бѣдныхъ, предоставляя эту задачу самой правовой жизни, т. е. со-

отношенію судебной дѣятельности съ обычными правовоззрѣніями. Дѣятельность суда въ этомъ случаѣ значительно облегчается наличностью прежнихъ законоположеній по данному вопросу, особенно полевымъ закономъ 18 сентября 1791 г., нормирующимъ наиболѣе важныя отношенія въ духѣ обычнаго права, но только облегчается, а не исчерпывается, такъ какъ остается открытымъ цѣлый рядъ правоотношеній, вовсе не разрѣшаемыхъ прежними законами. Таковы, напримѣръ, вопросы: 1) можетъ ли быть субъектомъ правонарушенія 471 ст. кодекса самъ хозяинъ поля, если онъ послѣ уборки урожая станетъ подбирать его остатки или же пошлетъ съ этою цѣлію скотъ? 2) Дозволяется ли сборъ остатковъ урожая во всякомъ открытомъ полѣ или только на такомъ, которое образуетъ отдѣльный участокъ, несоставляющій съ смежными полями одной дачи, одной мызы? 3) Всякіе ли способы сбора остатковъ урожая дозволены или же нѣкоторые, какъ напримѣръ, съ помощью граблей, запрещены? 4) Исчерпываются ли объекты правонарушенія 471 ст. только хлѣбными злаками, травой и виноградомъ, предметами, тамъ названными, или же сюда слѣдуетъ причислить и другія произведенія открытыхъ полей, напримѣръ оливки, орѣхи, яблоки? 5) Полевой законъ 1791 г. въ интересахъ обезпеченія названнаго права бѣдныхъ запрещаетъ пастухамъ пускать скотъ на открытыя убранныя поля раньше истеченія двухъ дней послѣ уборки. Возникаютъ вопросы: распространяется ли это запрещеніе и на хозяина полей или нѣтъ и затѣмъ безусловно ли обязателенъ этотъ срокъ для всѣхъ мѣстностей или же онъ теряетъ свою силу для тѣхъ, въ которыхъ обычаемъ принятъ иной срокъ, какъ напримѣръ сутки въ однихъ мѣстахъ [5]), 3 сутокъ въ другихъ [6])? Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, недостигаемое историческимъ толкованіемъ, невозможно и съ помощію логическаго, ибо никакія умозаключенія изъ существующихъ законоположеній отвѣта на эти вопросы не даютъ. Его даютъ только мѣстныя обычныя правовоззрѣнія, которыя, собственно говоря, чаще всего и проводятся судомъ въ его рѣшеніяхъ, нерѣдко незамѣтно для его самого. И въ самомъ дѣлѣ, откуда болѣе, какъ не изъ обычнаго права, вытекаютъ рѣшенія кассаціоннаго суда, напримѣръ тѣ, которыя признаютъ, во-первыхъ, что сборъ остатковъ урожая съ открытаго поля, образующаго съ другими полями одну дачу, одну мызу, дозволяется не прежде, чѣмъ будетъ убранъ весь урожай со всѣхъ полей, такъ что уборки его съ одного поля недостаточно для исключенія наказанія по 471 арт.; во-вторыхъ, что къ числу плодовъ открытыхъ полей, о которыхъ говоритъ названный арт., относятся также яблоки [7]) и другіе плоды,

какъ напримѣръ, оливки и орѣхи [8]). Въ этихъ рѣшеніяхъ кассаціонный судъ не дѣлаетъ ссылки на мѣстные обычаи, но въ другихъ онъ прямо на нихъ ссылается и подтверждаетъ ихъ силу; такъ, напримѣръ, по вопросу о средствахъ или орудіяхъ сбора остатковъ урожая кассаціонный судъ прямо призналъ, что древніе обычаи, запрещавшіе употребленіе желѣзныхъ граблей, должны быть признаны обязательными [9]). Отказъ же отъ ссылки на обычное право въ разбираемыхъ случаяхъ равносиленъ иногда для кассаціоннаго суда необходимости давать закону искусственное, натянутое толкованіе; такъ, разрѣшая вопросъ о коллизіи правъ хозяина поля съ правомъ бѣдныхъ, кассаціонный судъ, стремясь, согласно обычаю, обезпечить это послѣднее право, мотивируетъ свое рѣшеніе тѣмъ, что хотя въ арт. 22 тит. II закона 28 сентября 1791 г. и не говорится объ ограниченіи правъ собственника пускать свой скотъ на убранныя поля, но это ограниченіе слѣдуетъ изъ того, что вторая часть 22 арт., предусматривающая впускъ скота въ огражденное поле, прямо называя чужой скотъ (bestiaux d'autrui), тѣмъ самымъ очевидно доказываетъ, что первая часть предполагаетъ и скотъ собственника поля [10]). Этотъ мотивъ совершенно искусственный, ибо право сбора остатковъ урожая ограничивается лишь открытыми полями; на огражденныя же поля это право не распространяется и самый сборъ можетъ имѣть мѣсто лишь какъ милость хозяина, почему законъ и говоритъ о чужомъ скотѣ, при чемъ для противоположенія съ текстомъ первой части 22 арт. нѣтъ никакого грамматическаго основанія; кассаціонный судъ здѣсь просто подгоняетъ букву подъ предвзятую мысль, а не выводитъ послѣднюю изъ первой.

Къ сожалѣнію, названная предвзятая мысль не проводится послѣдовательно кассаціоннымъ судомъ; необходимость обезпеченія права бѣдныхъ само собою предполагаетъ запрещеніе хозяину поля сбора остатковъ урожая не только посредствомъ скота, но и людей, т. е. руками или граблями; иначе хозяева, тщательно убирая урожай полей, могутъ совершенно уничтожить право бѣдныхъ, низвести его къ нулю. Старое обычное право, кажется, дѣйствительно ограничивало хозяевъ полей и въ этомъ отношеніи, запрещая имъ послѣ уборки сноповъ или укладки въ скирды собирать оставшіеся колосья или траву; это запрещеніе сохраняется и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ [11]), но въ другихъ оно исчезло, такъ что хозяинъ поля можетъ собрать, сгрести весь урожай до послѣдняго колоска [12]). Это разнорѣчіе въ обычаяхъ, вѣроятно, и заставило кассаціонный судъ отказаться обезпечить право бѣдныхъ запрещеніемъ хозяину гланажа

и посредствомъ людей, но этотъ отказъ не можетъ быть одобренъ, какъ истекающій только изъ недостаточнаго знакомства съ обычнымъ правомъ. По смыслу послѣдняго, собственникъ поля лишается права лишь на ту ничтожную часть урожая, которая останется послѣ увоза сноповъ или укладки ихъ въ скирды. Очевидно, что такая часть безъ существеннаго ущерба хозяина поля могла быть обезпечена за бѣдными въ полномъ объемѣ, т. е. и противъ сего послѣдняго; для этого кассаціонному суду необходимо было лишь точно опредѣлить моментъ, съ котораго возникаетъ право гланажа для бѣдныхъ и нищихъ, что и не трудно было сдѣлать при ближайшемъ изученіи обычаевъ. Указаніемъ этого момента достигались бы двѣ выгоды: во первыхъ, обезпеченіе права гланажа для бѣдныхъ, во вторыхъ, опредѣленіе границъ наказуемаго дѣянія, которыя безъ этого представляются неясными. И въ самомъ дѣлѣ, согласно толкованію кассаціоннаго суда и криминалистовъ, съ одной стороны, гланажъ запрещается всѣмъ, въ томъ числѣ и хозяину поля, какъ только онъ открывается для бѣдныхъ, а съ другой—хозяинъ поля до открытія гланажа можетъ собрать весь урожай до послѣдняго колоса, до послѣдней травки [13]). Неизвѣстно, такимъ образомъ, запрещенъ ли гланажъ для хозяина поля или не запрещенъ, ибо моментъ и условія открытія таковаго для бѣдныхъ невыяснены; опредѣленіе же названнаго момента словами—«послѣ полной уборки урожая», повторяемое кассаціоннымъ судомъ вслѣдъ за упомянутымъ закономъ 1791 г., очевидно, негодно, такъ какъ подъ полной уборкой можно разумѣть и совершенное очищеніе поля отъ остатковъ урожая.

Подобное же взаимодѣйствіе обычая и закона замѣчается и при практическомъ примѣненіи арт. 476, № 1, грозящаго штрафомъ тѣмъ, которые нарушаютъ постановленія касательно времени сбора винограда (bans des vendanges) или иныя подобныя правомѣрныя постановленія. Смыслъ этого артикула объясняется сопоставленіемъ его съ закономъ 1791 г. (тит. 1-й, секція 5-я, арт. 1-й), который, провозглашая принципъ свободы частной собственности, въ то же время дѣлаетъ исключеніе для обычая, запрещавшаго собираніе винограда ранѣе опредѣленнаго времени въ открытыхъ виноградникахъ. Цѣль этого обычая двойная: 1) не допускать сбора незрѣлаго винограда; 2) предупредить вредъ, который могли бы смежнымъ виноградникамъ причинить тѣ, которые преждевременно приступили бы къ сбору винограда въ своемъ участкѣ. Дѣйствующій кодексъ, признавая цѣлесообразность этого обычая, подтверждаетъ его въ тѣхъ общинахъ, гдѣ онъ существуетъ. Но подтверждая мѣстные обычаи, законодатель

тѣмъ самымъ имплиситно раскрываетъ двери дѣйствію послѣднихъ рядомъ съ закономъ, признавая юридическую силу и за ними. И дѣйствительно, неопредѣленность текста разбираемаго артикула въ связи съ прямымъ смысломъ его источника — закона 1791 г. сами собой выдвигаютъ на сцену обычное право. Особенно замѣтно его дѣйствіе въ томъ, что согласно буквѣ 475 арт. и рѣшеніямъ кассаціоннаго суда составъ нарушенія, предусматриваемаго этимъ артикуломъ, на лицо не только тогда, когда bans des vendanges опубликованы подлежащей мѣстной властью, но и тогда, когда такой публикаціи не было, а просто существуетъ соотвѣтственный обычай, соблюдаемый каждый годъ. Такимъ образомъ, достаточно наличности обычая, ограничивающаго права собственника виноградниковъ, чтобы нарушеніе этого обычая составляло наказуемое дѣяніе. Нельзя допустить, замѣчаетъ Helie, чтобы забвеніе или небрежность муниципальной власти могли повредить всему урожаю общины [14]). Затѣмъ, согласно рѣшеніямъ того же суда, для обязательности bans des vendanges не требуется непремѣнно публикаціи ихъ въ легальной формѣ; послѣдніе должны быть признаны обязательными и тогда, когда они опубликованы въ мѣстной обычной формѣ [15]). Согласно тѣмъ же рѣшеніямъ, вопреки закону 1791 г., подлежитъ наказанію по силѣ 475 арт. нарушеніе не только bans des vendanges, но и другихъ bans, коль скоро послѣдніе освящены обычаемъ и опубликованы мѣстной властью, какъ, напр., ограниченіе касательно времени сѣнокоса (ban de fauchaison), ограниченіе касательно чистки деревьевъ (ban de la ramée) [16]). Наконецъ, по смыслу разбираемаго артикула и по толкованію кассаціоннаго суда, дѣйствіе этого артикула ограничивается вообще лишь тѣми мѣстностями, гдѣ bans установлены обычаемъ, причемъ различіе сроковъ, назначаемыхъ послѣднимъ для созрѣванія урожая, нерѣдко замѣчаемое не только по кантонамъ, но и по общинамъ одного того же кантона, сохраняетъ полную свою силу [17]).

Кромѣ приведенныхъ деликтовъ, можно указать во французскомъ кодексѣ еще цѣлый рядъ полевыхъ проступковъ, въ которыхъ обращеніе судьи къ обычному праву неизбѣжно; таковы, напр., полевыя кражи (арт. 388 и 477, № 15), поврежденіе или истребленіе произрастеній или деревьевъ (арт. 444—450), поврежденіе и разрушеніе оградъ и граней (арт. 456 и 389), поврежденіе дорогъ или полей посредствомъ недозволенныхъ водоспусковъ (арт. 457), нарушеніе безопасности движенія загражденіемъ дорогъ или неосвѣщеніемъ мѣста производства работъ (арт. 471, п. 4 и 479, п. 4), разные случаи потравы произрастеній и плодовъ на поляхъ и плантаціяхъ (арт. 417,

№ 13, 14 и 15, арт. 475, № 9 и 10, арт. 479, № 10), похищеніе дерна, земли или камней съ публичныхъ дорогъ и съ общинныхъ земель (арт. 479, № 12) и т. д. Еще шире, разумѣется, дѣйствіе обычнаго права при перечисленыхъ проступкахъ, нормируемыхъ спеціальными уставами, какъ, напр., лѣснымъ 1827 г. Обращеніе судьи къ обычному праву при названныхъ деликтахъ тѣмъ болѣе неизбѣжно, что многія гражданскія правоотношенія, то или другое разрѣшеніе которыхъ опредѣляетъ самый составъ этихъ деликтовъ и ихъ границы, т. е. предѣлы караемыхъ дѣйствій, предоставляются гражданскимъ уложеніемъ дѣйствію мѣстныхъ обычаевъ. Таковы разнаго рода сервитуты—лѣсные, водяные, дорожные, полевые [18]) и другіе (Code civil, арт. 590, 591, 592, 645, 652, 663, 671, 674), а также договоры (Code civil, арт. 1135, 1159, 1160, 1648, 1754, 1777). Указанная зависимость состава деликтовъ и ихъ границы отъ даннаго разрѣшенія природы гражданскихъ правоотношеній объясняется тѣмъ, что многія нормы уголовнаго права представляютъ ничто иное, какъ высшую санкцію тѣхъ отношеній, юридическая природа которыхъ опредѣляется другими отраслями права и въ частности—правомъ гражданскимъ. Если эта природа опредѣляется закономъ, уголовный судья для ближайшаго опредѣленія состава наказуемаго правонарушенія и его предѣловъ обращается къ закону; напротивъ, если опредѣленіе этой природы предоставлено обычному праву, то само собою разумѣется, что судья долженъ обратиться къ сему послѣднему и такъ какъ во французскомъ гражданскомъ правѣ объемъ правоотношеній, предоставляемыхъ дѣйствію обычнаго права, особенно имущественныхъ, долженъ быть признанъ довольно значительнымъ [19]), то несомнѣнно, что значительна также роль обычая и въ сферѣ уголовнаго права. Это послѣднее заключеніе напрасно опускаютъ изъ виду французскіе криминалисты, въ своихъ учебникахъ совершенно отрицающіе положительную роль обычая въ французскомъ уголовномъ правѣ.

До сихъ поръ шла рѣчь объ обычаяхъ, дѣйствующихъ рядомъ и согласно съ уголовнымъ закономъ; но можно указать во французскомъ правѣ и такіе обычаи, которые дѣйствуютъ вопреки уголовному закону и притомъ параллельно съ нимъ, а не какъ desuetudo. Согласно дѣйствующимъ законамъ (зак. 28 сентября 1791 г., tit. II, Code civil, арт. 1385 Code pénal, арт. 471, § 14, арт. 475, §§ 3, 4, 7, 10, 479, § 2), потравы чужихъ полей составляютъ не только гражданское, но и уголовное правонарушеніе. Сюда относятся и тѣ случаи, когда потрава производится животными, оставленными безъ присмотра на пастбищахъ (laissés à l'abandon dans les herbage) [20]); въ такомъ

именно смыслѣ разрѣшаетъ данный вопросъ и практика кассаціоннаго суда [21]). Однако, обычное право Нормандіи съ этимъ положеніемъ расходится; оно признаетъ, что если пастбище огорожено, то излишне приставлять пастуховъ къ скоту, ибо въ этомъ случаѣ ограда достаточно защищаетъ сосѣднія поля отъ потравы. Поэтому пущенный безъ пастуха на такія пастбища скотъ не можетъ быть названъ, вслѣдъ за арт. 12, тит. II закон. 1791, laissé à l'abandon, а слѣдовательно, если такой скотъ, повредивъ ограду, вторгнется въ чужія поля и тамъ причинитъ потраву, то предлежитъ исключительно гражданское правонарушеніе. Этотъ взглядъ обычнаго права проникъ и въ мѣстные суды, которые нерѣдко постановляютъ рѣшенія, согласныя съ обычнымъ правомъ, а слѣдовательно противныя закону, причемъ встрѣчаютъ энергическую поддержку въ знатокахъ мѣстнаго права [22]). Сюда же, т. е. къ уголовнымъ нарушеніямъ, относятся и тѣ случаи, когда потрава производится людьми, лишенными права пользованія или прохода (Code penal, арт. 471, № 13; арт. 475, № 9). Однако, по мѣстнымъ обычаямъ, потрава теряетъ уголовный характеръ, когда причиняется хозяиномъ отроившагося улья, преслѣдующимъ его на чужихъ поляхъ [23]). Эти обычаи, правда, подтверждены полевымъ закономъ 18 сентября 1791 г. (тит. I, секц. 3-я, арт. 5), признающимъ за хозяиномъ роя право входа въ чужія поля, даже огражденныя, для его захвата, безъ предварительнаго разрѣшенія мироваго судьи [24]), но это положеніе закона 1791 г., какъ и многія другія, строго говоря, слѣдуетъ считать отмѣненнымъ гражданскимъ уложеніемъ, общему направленію котораго оно противорѣчитъ [25]). Послѣднее, стремясь охранить неприкосновенность частной собственности, точно указываетъ ограниченія послѣдней, причемъ объ ограниченіи, о которомъ идетъ рѣчь, совершенно умалчиваетъ. Это умолчаніе нельзя толковать въ смыслѣ положительномъ и если названное ограниченіе сохраняется и въ исправленныхъ редакціяхъ закона 1791 года, то это обстоятельство можно объяснить лишь вліяніемъ мѣстнаго обычнаго права, которому, вслѣдъ за судьями, быть можетъ, незамѣтно для самихъ себя подчиняются и редакторы законовъ.

Подобныя же формы коллизіи обычая съ уголовнымъ закономъ во французскомъ правѣ замѣчаются въ области не только полевыхъ нарушеній, но и другихъ. Приведемъ примѣры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до сихъ поръ практикуется слѣдующій оригинальный способъ очищенія квартиры: собственникъ послѣдней, съ цѣлью принудить квартиранта оставить помѣщеніе, снимаетъ окна, двери, а иногда и

самую крышу, причемъ это дѣлается обыкновенно въ присутствіи судебнаго пристава [26]). Преступность такихъ дѣйствій по французскому праву несомнѣнна; они подходятъ подъ категорію угрозъ, что касается вины хозяина квартиры (арт. 305—308), и подъ категорію злоупотребленій властью, что касается отвѣтственности судебнаго пристава (арт. 184, 186); тѣмъ не менѣе, какъ дозволенныя мѣстными обычаями, они въ пространствѣ дѣйствій послѣднихъ правомѣрны. Далѣе, въ Нормандіи, въ округѣ судовъ гор. Руана и Дуэ, мы встрѣчаемъ весьма интересную коллизію дѣйствующаго уложенія съ декретомъ національнаго правительства 27 ноября 1870 г., который, какъ необнародованный въ законномъ порядкѣ, вообще признается недѣйствительнымъ. Названный декретъ, рядомъ съ другими поправками законоположеній, между прочимъ, измѣняетъ санкцію арт. 401 и 463, согласно которымъ лица, виновныя въ похищеніяхъ чужаго имущества, непредусмотрѣнныхъ въ особыхъ статьяхъ, при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ, подлежатъ тюремному заключенію не ниже шести дней и штрафу не ниже 16 франковъ. Къ числу этихъ похищеній принадлежитъ и присвоеніе найденныхъ вещей какой бы то ни было цѣнности, такъ что утайка, напр., найденной булавки въ 50 сант. не можетъ быть наказана менѣе приведенныхъ каръ. Декретъ 1870 г., находя эти кары несоразмѣрно строгими, предоставляетъ суду право нетолько понижать указанный въ ст. 463 minimum наказанія, но и назначать одинъ денежный штрафъ ниже 16 франковъ [27]). Примѣненіе этого не дѣйствительнаго декрета только въ округѣ двухъ названныхъ судовъ можно объяснить лишь вліяніемъ мѣстнаго обычнаго права, съ воззрѣніями котораго разумное положеніе декрета, вѣроятно, совпало; мы говоримъ—разумное—потому, что едва ли цѣлесообразно карать тюрьмой того, кто найдя булавку въ 50 сант. цѣною, ее, быть можетъ, по легкомыслію присвоитъ; въ этомъ случаѣ часто совершенно достаточно штрафа для наказанія виновнаго [28]). Вліянію обычаевъ можно приписать и наказаніе дуэли. Послѣдняя, какъ извѣстно, не предусмотрѣна во французскомъ уложеніи, слѣдовательно, по общимъ правиламъ толкованія она наказанію подлежать не должна; такого именно мнѣнія и держался кассаціонный судъ съ 1819 по 1837 г.; съ этого же года онъ принялъ другое толкованіе, признающее дуэль однимъ изъ видовъ убійства или поврежденія здоровья, подлежащимъ наказаніямъ, положеннымъ за эти преступленія. Это толкованіе, совершенно неправильное не только по формѣ, но и по существу, ибо дуэль есть delictum sui generis, надо думать, принято кассаціоннымъ

судомъ не безъ давленія общественныхъ правовозрѣній, не мирившихся съ полной безнаказанностью дуэлей [29]).

Что касается, наконецъ, дѣйствія обычаевъ во французскомъ уголовномъ правѣ какъ desuetudo, то эта роль послѣднихъ особенно значительна. По завѣренію судьи Limon, весьма многія изъ правонарушеній, предусматриваемыхъ уголовнымъ уложеніемъ и спеціальными законами, какъ таковыя, покрыты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ забвеніемъ вслѣдствіе строгости положенной репрессіи и вообще противодѣйствія послѣдней мѣстныхъ обычаевъ. Таковы, напримѣръ, несоблюденіе предписанія касательно веденія списковъ лицъ, останавливающихся въ гостинницахъ, въ постоялыхъ дворахъ или въ меблированныхъ комнатахъ (арт. 475, № 2), устройство и веденіе азартныхъ игръ (арт. 475, № 5, арт. 477 и 478), занятіе профановъ врачеваніемъ (арт. 471, № 15 и административное распоряженіе 1824 и 1848 гг.), привычка нищенства (арт. 275) [30]), привычка пьянства (законъ 23 января 1873 г.), кормленіе и выпивка въ гостинницахъ и трактирахъ при завѣдомой невозможности уплаты (арт. 401, 2 часть) [31]). и т. д.

Обращаясь теперь къ русскому праву, мы укажемъ, для краткости, только на полевые проступки, предусматриваемые уст. о нак. въ ст. 145 — 168. Эти проступки, объемлющіе разные виды полевыхъ нарушеній, уставъ о наказ. вслѣдъ за прежнимъ законодательствомъ, въ отличіе отъ похищеній имущества въ тѣсномъ смыслѣ, выдѣляетъ въ особую группу подъ именемъ «самовольнаго пользованія чужимъ имуществомъ и поврежденія онаго». Что же, спрашивается, послужило основаніемъ такого выдѣленія? Главнымъ образомъ, особенности народныхъ взглядовъ на эти проступки, другими словами — соображенія, почерпнутыя изъ обычнаго права. Народное правосознаніе до сихъ поръ проводитъ довольно рѣзкую черту между посягательствомъ на оккупированныя произведенія почвы и неоккупированныя, относясь весьма снисходительно къ посягательствамъ второго рода, какъ направленнымъ на даръ божій, на предметы, въ созданіи которыхъ принимаетъ широкое участіе сама природа. Похищеніе продуктовъ поля, связанныхъ съ почвою, часто вовсе не клеймится народомъ именемъ кражи, а считается обыкновенно неважнымъ проступкомъ, которому усваивается иное названіе, иногда же и совершенно дозволительнымъ дѣяніемъ. Вотъ это-то народное правовозрѣніе и заставило законодателя, во первыхъ, опредѣлить за полевыя нарушенія болѣе мягкія наказанія, чѣмъ какія положены за похищеніе чужаго имущества, во вторыхъ, измѣнить самую класси-

фикацію, принявъ для нихъ менѣе позорный терминъ [32]). Понятно, что при такой роли народныхъ правовозрѣній и самый составъ полевыхъ нарушеній не могъ остаться безъ ихъ вліянія, и дѣйствительно, послѣднее должно было возникнуть уже въ силу крайней неопредѣленности и туманности текста нѣкоторыхъ статей, какъ, наприм., 145. Эта неопредѣленность, касающаяся какъ самыхъ объектовъ преступленія, такъ и способовъ его совершенія, правильно могла быть восполнена только указаніями обычнаго права, пренебреженіе которыхъ иногда приводитъ сенатъ къ несообразнымъ рѣшеніямъ [33]). Это пренебреженіе тѣмъ болѣе непростительно со стороны сената, что редакторы устава о наказ. въ мотивахъ къ 145 ст. сами указываютъ на важное значеніе при опредѣленіи полевыхъ нарушеній *потребностей* и *понятій народа*, отъ указаній которыхъ зависитъ и дальнѣйшее развитіе ихъ видовъ [34]). Впрочемъ, иныя изъ рѣшеній сената, наприм., тѣ, гдѣ онъ кругъ объектовъ 145 ст. ограничиваетъ неснятыми произведеніями почвы, т. е. неотдѣленными отъ своего естественнаго родника ($^{69}/_{196}$, Сергѣевскаго; $^{69}/_{376}$, Топильскаго), несомнѣнно подсказаны знакомствомъ съ обычными правовозрѣніями. Насколько вліяніе послѣднихъ велико, лучше всего видно изъ того, что и редакторы проекта новаго уложенія положили ихъ въ основаніе своихъ положеній о полевыхъ нарушеніяхъ; принятую ими особенную классификацію данныхъ нарушеній и ихъ снисходительную, сравнительно съ похищеніемъ чужаго имущества, наказуемость они прямо мотивируютъ особенностями народныхъ правовозрѣній, которыми большею частью и опредѣляется ихъ составъ [35]).

III.

Положеніе поставленнаго вопроса въ литературѣ.

Высказанныя нами положенія объ обычаѣ, какъ источникѣ уголовнаго права, далеко не представляются общепринятыми въ литературѣ. Большинство криминалистовъ отрицаетъ творческую роль въ уголовномъ правѣ всякаго иного источника, кромѣ закона [36]), при чемъ нѣкоторые изъ нихъ находятъ, что обычай не можетъ ни отмѣнить дѣйствіе уголовнаго закона, ни пополнить его пробѣлы. Что же, спрашивается, служитъ основаніемъ для такого ученія? Это основаніе заключается, во первыхъ, въ положеніи: nullum crimen sine lege, занесенномъ на страницы всѣхъ новыхъ кодексовъ, во вторыхъ, въ убѣжденіи, что законодатель всегда своевременно обновляетъ и по-

полняетъ уголовныя нормы. Но оба эти доводы неубѣдительны. Несостоятельность перваго мы уже показали; здѣсь замѣтимъ только, что отрицаніе творческой роли обычая на основаніи положенія—«nullum crimen sine lege» есть слѣдствіе черезчуръ формальнаго пониманія послѣдняго; криминалисты направляютъ все свое вниманіе на тѣ внѣшнія ограниченія, которыя устанавливаются этимъ положеніемъ, не углубляясь въ положительную сферу его дѣйствія, въ фактическое содержаніе уголовнаго права. Ближайшее же изученіе этой сферы показало бы, что возникновеніе и дѣйствіе обычая названной формулой не устраняется, а лишь вводится въ извѣстныя границы. Что же касается второго довода, то онъ есть не болѣе какъ фикція, неподтверждаемая дѣйствительностью. Обыкновенно этотъ доводъ мотивируется слѣдующимъ образомъ. Современное уголовное законодательство, говоритъ Листъ, исходитъ изъ предположенія своей полноты и на этомъ основываетъ свою исключительность. Обычай могъ бы, замѣчаетъ Sturm, пріобрѣсть творческую силу лишь тогда, если бы право не нормировалось своевременно закономъ, но такое положеніе теперь невозможно, ибо законъ въ наше просвѣщенное время не можетъ стать въ противорѣчіе съ историческимъ прогрессомъ; къ устраненію этого противорѣчія, къ успѣшной правопроизводящей дѣятельности принуждаетъ законодателя тоже нравственно-соціальное стремленіе впередъ, которое живетъ въ немъ, какъ и въ природѣ каждаго человѣка [37]). Дѣйствительность не подтверждаетъ этихъ предположеній. Мы видимъ, что реформа уголовныхъ законовъ, особенно систематическая переработка ихъ въ формѣ уложеній, предпринимается чрезъ болѣе или менѣе значительные промежутки времени, въ теченіе которыхъ прежнія нормы успѣваютъ потерять свой жизненный смыслъ и смѣниться новыми. Нерѣдко законодатель чувствуетъ полное несоотвѣтствіе, полную противоположность отдѣльныхъ законныхъ нормъ съ современными общественными правовоззрѣніями и тѣмъ не менѣе принужденъ бываетъ отложить на неопредѣленное время ихъ реформу потому, что для этого необходимъ пересмотръ цѣлой системы нормъ, цѣлыхъ институтовъ, требующій трудной и продолжительной переработки законовъ въ формѣ кодификаціи.

Особенное положеніе занимаетъ доводъ, приводимый въ защиту господствующей доктрины г. Таганцевымъ. Послѣдній не отрицаетъ возможности образованія обычнаго права въ наше время, напротивъ, онъ прямо заявляетъ, что обычно-правовыя нормы могутъ жить и развиваться рядомъ съ нормами законодательными и притомъ въ двухъ формахъ — въ формѣ народно-обычнаго права, проявляющагося въ

конклюдентныхъ дѣйствіяхъ, и въ формѣ—судебно-обычнаго права, письменно запечатлѣваемаго въ судебныхъ рѣшеніяхъ, но думаетъ, что такія обычно-правовыя нормы не могутъ быть правовыми нормами въ строго юридическомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ велѣній авторитетной воли, которыя должны быть соблюдаемы подъ угрозою наказанія [38]). Несостоятельность этого довода видна изъ самопротиворѣчія автора. Если обычно-правовыя нормы живутъ и развиваются рядомъ съ закономъ, то они, очевидно, пользуются и извѣстнымъ авторитетомъ, и если этотъ авторитетъ слабѣе авторитета закона, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы нормы обычнаго права не были нормами въ юридическомъ смыслѣ; различіе здѣсь только количественное, но не качественное. Эта послѣдняя мысль въ сущности сквозитъ и въ окончательномъ выводѣ автора, раздѣляемомъ и нѣкоторыми другими криминалистами, что обычно-правовымъ нормамъ въ современномъ правѣ принадлежитъ второстепенное, субсидіарное значеніе, т. е. противоположное главной господствующей роли закона [39]).

---

[1]) См. *Муромцевъ,* Творческая сила юриспруденціи, стр. 117.

[2]) Тамъ же, 114—115. Вѣрно также замѣчаніе г. *Муромцева,* что законодательная функція, какъ показываетъ исторія, не можетъ быть отдѣлена вполнѣ отъ власти судебной вопреки всѣмъ направленнымъ къ тому мѣрамъ и что толкованіе закона всякій разъ, какъ юристу приходится навязывать жизни несоотвѣтствующія ей предписанія послѣдняго или же за неполностію его прибѣгать къ своимъ собственнымъ средствамъ для формулированія новой нормы, всегда содержитъ въ себѣ явное или скрытое преобразованіе его. Тамъ же, стр. 112.

[3]) *Binding,* Handbuch des Strafrechts, 1885 г., I, 210; *Berner,* Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1882 г., 80; *Schütze,* Lehrbuch, 2 aufl, стр. 7; *Liszt,* Lehrbuch, 1885 г., стр. 82; *Муромцевъ,* Творческая сила юриспруденціи, 112. *Коркуновъ,* Лекціи по общей теоріи права, 1890 г., стр. 274 и 284.

[4]) *Источники: August Bourguignat,* Traité complet de droit rural, 1852 г.; *Groos,* Code rural, 1888 г., 1 — 2 т.; *Limon,* Usages et réglements locaux du département du Finistère, 1852 г.; *Berode,* Répertoire des usages, coutumes etc. en viguer dans les départements du Nord et du-Pas-de-Calais, 1 и 2 т., 1865 г.; *Baudrin,* Recueil des usages locaux dans l'arondissement d'Avesnes, 1888 г.; *Quernest,* Usages locaux du département d'Ill-et-*Vilaine,* 1870 г.; Usages locaux du département de la Seine-Inférieure, 1884 г.; *Clausade,* Usages locaux du département du Tarn, 1843 г.; Recueil des usages locaux du département d'Indre et Loire, 1888 г.; *Frédéric le Roy,* Usages locaux du canton de Calais, 1880 г.; *Vilade,* les coutumes de Normandie, 1885 г.; *Fons,* Usages locaux du département de la Haute-Garonne, 1878 г.; *Kersanté,* Législation rural, 1877 г.; *Casati,* Observations pratiques sur l'application des différents articles du Code

pénal, 1875 г.; *Blanché*, Études pratiques sur le Code pénal, 1868 г., т. IV—VII; *Hélie*, Théorie du Code pénal, 1863, т. III—VI.

5) Code des usages locaux du département de la Seine-Inférieuere, стр. 98, арт. 203, также стр. 123; Berode, Répertoire, 660.

6) Berode, ibid., 659.

7) Blanche, Études pratiques, т. 7, № 161.

8) Blanche, ibid., № 149.

9) Hélie, Théorie, VI, 326, 327.

10) Hélie, Théorie, VI, 324—325.

11) Code des usages locaux du département de la Seine-Inférieure, стр. 97 и 123; Berode, ibid., 660.

12) Limon, Usages et réglements locaux, 94—95.

13) Blanche, Études, VII, 231—232, 236; Hélie, Théorie, VI, 323—324.

14) Hélie, Théorie, VI, 367; Blanche, VII, 360—361.

15) Hélie, ib.; Blanche, ib.

16) Blanche, ib., 374—376; Recueil des usages locaux du départenent d'Indre et Loire, 67.

17) Hélie, Théorie, VI, 367; Blanche, Études pratiques, VII, 361; тотъ же сборникъ обычаевъ, 67; срав. стр. 11.

18) Изъ сихъ послѣднихъ для нашей цѣли особенно важны право пастбища и выгона (vaine-pâture et parcours), о которыхъ мы однако умолчимъ по соображеніямъ объема работы.

19) Le Roy, Usages locaux, см. предисловіе и указаніе артикуловъ Code civil и Code de commerce, отсылающихъ къ обычному праву; см. также Карасевичъ, ib., 487.

20) Blanche, ibid., VII, № 489; Hélie, ibid., VI, № 2581.

21) Vilade, Les Coutumes de Normandie, 204—205.

22) См. Vilade, ibid., стр. 197—206.

23) Bourguignat, Droit rural, 401—402; Berode, ibid., 655—658; Groos, Code rural, т. 1, стр. 229; Kersanté, Législation rural, 107.

24) Bourguignat, ibid. 401.

25) Kersanté, ib.

26) Victor Fons, Usages locaux, стр. 168 — 169; Limon, Usages locaux, стр. 180—181.

27) Casati, Observations pratiques, стр. 4 и 8; см. также; Blanche, Études, V, №№ 466—469.

28) Casati, ibid.

29) Hélie, Théorie, т. III, стр. 474—520.

30) Limon, ibid., стр. 427—430.

31) Casati, ibid., стр. 10—11.

32) См. мое изслѣд. „О воровствѣ—кражѣ“, вып. II, стр. 168 — 178; также „Проектъ имущ. посягательствъ“, стр. 395, 430.

33) Тамъ же, а также „Проектъ имущ. посягательствъ“, стр. 431—432.

34) См. изложеніе этихъ мотивовъ у Таганцева въ примѣчаніи къ 145 ст. уст. о нак.

35) Проектъ, стр. 388—433. Уклоненіе отъ народныхъ правозрѣній редакторовъ проекта, какъ и сенатъ, приводитъ къ несообразностямъ. Такъ, устанавливая различіе между похищеніемъ и самовольнымъ пользованіемъ произра-

степій почвы по цѣлямъ дѣйствія, редакторы проекта противопоставляютъ продажу или сбытъ произведеній *немедленному* ихъ употребленію, причемъ это послѣднее принимаютъ и тогда, когда виновный употребитъ произведенія почвы не сразу, а чрезъ мѣсяцъ, черезъ 2 мѣсяца и т. д. (стр. 433). Очевидно, что такое искусственное различіе цѣлей не въ духѣ народа; послѣдній противопоставляетъ цѣли, но иного рода: съ одной стороны, немедленное удовлетвореніе потребности, а съ другой,—обогащеніе, когда виновный беретъ болѣе, чѣмъ сколько нужно для временнаго удовлетворенія, когда онъ, напр., запасается мѣшкомъ, корзиной, телѣгой и т. п. (см. О воровствѣ—кражѣ, II, стр. 174—178).

36) См. *Köstlin,* System des deutschen Strafrechts, 1885 г., стр. 52; *Hälschner,* Das gemeine deutsche Strafrecht, 1881 г., I, стр. 85; *Geib,* Lehrbuch, II, стр. 15; *Hugo Meyer,* Lehrbuch, 4 изд., 139; *Sturm,* Recht uno Rechtsquellen, стр. 130 и слѣд.; *Liszt,* Lehrbuch, 80—81; *Ortolan,* Elements de droit pénal, 1875 г., т. I, стр. 77, 248—251; *Garraud,* Précis de droit criminel — 1881 г., стр. 35—38. Противоположное мнѣніе защищаютъ только Бернеръ, Биндингъ, Колеръ, Шютце, Муромцевъ, Коркуновъ (см. выше указан. мѣста); Листъ же впадаетъ въ противорѣчіе: отвергнувъ на 81 стр. правопроизводящую роль обычая, онъ на 82 стр., какъ мы видѣли, находитъ, что, въ случаѣ умышленно оставленной законодателемъ неполноты закона, наука и судебная практика пріобрѣтаютъ творческое значеніе.

37) Liszt, ib., 80; Sturm, ib., 133—134.

38) Лекціи, §§ 86—88.

39) Лекціи, стр. 107; см. также Спасовичъ, Учебникъ, стр. 68—69.

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій.

РУССКАЯ КНИГА О ЛОРЕНЦѢ ФОНЪ ШТЕЙНѢ.

Н. Чижовъ, профессоръ императорскаго новороссійскаго университета. *Право и его содержаніе по ученію Лоренца-фонъ-Штейна.* Очеркъ современной юридической литературы. Одесса 1890 г.

Предъ нами трудъ, задуманный чрезвычайно широко. Авторъ желаетъ не только изложить теоріи Лоренца Штейна,—писателя, несомнѣнно заслуживающаго внимательнаго изученія, — но и «представить очеркъ современной юридической литературы, поставивъ теорію Штейна въ ряду другихъ научныхъ теорій» (стр. 1). Книга по своему содержанію стремится дать даже больше, чѣмъ говоритъ эта фраза. Въ ней, кромѣ «очерка *современной* нѣмецкой литературы», читатель найдетъ цѣлое изложеніе философскихъ ученій о правѣ и государствѣ, начиная съ Гуго Гроція и до Гегеля включительно. Г. Чижовъ стремится дать даже и не «очеркъ», а поименное изложеніе теорій философовъ и нѣмецкихъ юристовъ, но въ какой мѣрѣ удалось все это автору, пусть читатели сами судятъ по нижеслѣдующему.

Книга проф. Чижова распадается на три части. Первая посвящена изложенію теорій Лоренца Штейна; вторая содержитъ очеркъ философскихъ ученій отъ Гуго Гроція до Гегеля включительно и третья изложеніе ученій современныхъ нѣмецкихъ юристовъ о правѣ и государствѣ. Мы имѣемъ въ виду остановиться только на двухъ первыхъ частяхъ.

I.

Первая часть книги г. Чижова несомнѣнно и самая главная, не смотря на ея краткость: 150 стр. изъ 430. Г. Чижовъ, конечно, согласится съ нами, если мы скажемъ, что врядъ ли кому нибудь изъ русскихъ юристовъ не извѣстна исторія философіи права, хотя бы по *Чичерину*, или что имена Савиньи, Пухты, Іеринга съ ихъ ученіями для нихъ новость,

по крайней мѣрѣ въ томъ объемѣ, въ которомъ г. Чижовъ излагаетъ ихъ въ двухъ другихъ частяхъ книги. Мы думаемъ, поэтому, что и для г. Чижова эти отдѣлы имѣютъ лишь, такъ сказать, справочное значеніе. Изложеніе же Штейна дало и заглавіе книгѣ; оно, несомнѣнно, и центральный пунктъ изслѣдованія. Не новость для русскихъ юристовъ, разумѣется, и Штейнъ, но проф. Чижовъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу изученіе *всѣхъ* его сочиненій и «уясненіе» этимъ путемъ Штейна. «Рѣшеніе принятыхъ нами на себя задачъ потребовало отъ насъ, говоритъ г. Чижовъ, изученія всѣхъ его сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ праву. Только такое изученіе дало намъ возможность добыть основанія для уясненія юридической его теоріи въ отношеніи къ политическому ученію» (стр. 2). Таково значеніе этой части работы г. Чижова. На нее мы и обратимъ главное вниманіе.

Итакъ, г. Чижовъ утверждаетъ, что онъ изучилъ всѣ сочиненія Штейна, относящіяся къ праву, и только такимъ путемъ уяснилъ его... Но намъ приходится сказать, что повѣрка не оправдываетъ увѣренія автора. Повѣрка книги по ея источникамъ показываетъ, что авторъ не только не изучилъ *всѣхъ* сочиненій Штейна, но и не совсѣмъ ясно передалъ тѣ, которыми, очевидно, пользовался. Мы сейчасъ покажемъ это.

Просматривая книгу г. Чижова, читатель наталкивается въ ней прежде всего на слѣдующее. Судя по заглавію, нужно было бы думать, что ея задачей является уясненіе общефилософскаго ученія Штейна *о правѣ и его содержаніи*, а извѣстно, какіе вопросы связываются съ общимъ ученіемъ о правѣ, и какимъ образомъ излагается это ученіе. Рѣчь здѣсь идетъ обыкновенно о понятіи права вообще, о понятіи права въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ, о дѣленіи права на публичное и частное и т. д. Иную систему трудно и придумать, такъ какъ всѣ спорные научные вопросы до сихъ поръ пріурочивались прямо къ ней. Читатель былъ бы, поэтому, въ правѣ разсчитывать на то, что г. Чижовъ уяснитъ ему Штейна въ такомъ же порядкѣ. Обращаясь, однако, къ книгѣ г. Чижова, онъ не найдетъ въ ней ни одной рубрики, похожей на обыкновенныя. Мало этого. Онъ не найдетъ въ ней даже и вообще рубрики, посвященной спеціально ученію о правѣ и его содержаніи. Въ книгѣ говорится о многомъ, только не о главномъ ея предметѣ. Такъ она открывается прежде всего опредѣленіемъ «мѣста, занимаемаго государство-и-правовѣденіемъ въ системѣ человѣческаго знанія»; затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе «области философіи права», «области науки о государствѣ», «области науки права». Эти отдѣлы занимаютъ треть всего изложенія г. Чижовымъ Штейна (стр. 5—56). Затѣмъ слѣдуютъ еще менѣе относящіяся къ дѣлу догматическія ученія: «о конституціонномъ правѣ правительства», «о самоуправленіи», «о международныхъ сношеніяхъ», «о войскѣ», «о финансахъ», объ «управленіи личной и хозяйственной жизнью» и т. д. Система книги и порядокъ изложенія дѣло, конечно, субъективное; они опредѣляются ходомъ мыслей автора и его намѣреніями. Но

всякой субъективности есть предѣлъ. Если г. Чижовъ пишетъ книгу *о правѣ и его содержаніи* по ученію Лоренца Штейна, то онъ и долженъ былъ бы дать это ученіе, или, по крайней мѣрѣ, выставить его на первый планъ. А онъ вмѣсто этого даетъ намъ цѣлый рядъ не относящихся прямо къ дѣлу рубрикъ, умалчивая о главномъ предметѣ! Обратимся къ разсмотрѣнію состава книги по ея источникамъ.

Большинство цитатъ первой трети «изложенія» г. Чижова указываетъ на Штейновскую «Gegenwart und Zukunft der Rechts-und-Staatswissenschaft Deutschlands». Обратившись къ этой книгѣ и сличивъ ее съ книгой г. Чижова мы найдемъ, что первая треть его изложенія Штейна есть просто переводъ, иногда сокращенный, этой книги,—переводъ, правда, не послѣдовательный, а съ нѣкоторыми перестановками, но тѣмъ не менѣе все-таки переводъ, а не «изложеніе» въ обычномъ смыслѣ этого слова. Приводить доказательствъ сказаннаго мы здѣсь не будемъ, такъ какъ это значило бы переписать всѣ 50 стр. изложенія г. Чижова параллельно съ Штейномъ; нѣкоторыя же выписки изъ этого «изложенія» въ сличеніи съ Штейномъ читатель найдетъ ниже. Впрочемъ рѣчь идетъ не о переводѣ и его качествахъ, а лишь о томъ, что это переводъ изъ «*Gegenwart und Zukunft*». Этимъ обстоятельствомъ и объясняется составъ рубрикъ «изложенія» г. Чижова. Въ «Gegenwart und Zukunft» Штейна есть, несомнѣнно, блестяще имъ самимъ сдѣланное изложеніе своего ученія о правѣ и его содержаніи, и для г. Чижова было бы, разумѣется, непростительно, если бы онъ имъ не воспользовался. Но несомнѣнно также и то, что цѣлью Штейна въ этомъ сочиненіи является не прямо изложеніе своего ученія о «правѣ и его содержаніи», какъ у г. Чижова, а построеніе на основаніи общаго ученія о правѣ такой системы юридическихъ и государственныхъ наукъ, которая могла бы лечь въ основу будущей *системы юридическаго образованія*. Вотъ почему главное вниманіе Штейна и направляется прежде всего на вопросъ о взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ наукъ, преимущественно же философіи права, государство и-правовѣдѣнія; вотъ почему его прежде всего привлекаютъ вопросы научной классификаціи матеріала, подлежащаго области той или иной науки. Для г. же Чижова, по существу его задачи, все это вопросы, не имѣющіе значенія. И тѣмъ не менѣе эти-то вопросы и у него стоятъ на первомъ планѣ, а вопросъ о понятіи права затрогивается лишь мимоходомъ, *по поводу* опредѣленія области *науки права!* «Система правопонятій, образовавшихся изъ моментовъ дѣянія, составляетъ общую часть уголовнаго права»; «если опредѣленное жизненное отношеніе личной, хозяйственной, общественной или государственной жизни станетъ объектомъ злодѣянія, то оно входитъ въ особенную часть уголовнаго права» (стр. 16); «общественное право... раздѣляется на общее общественное право и особенное» и т. д.,—вотъ что встрѣчаетъ читатель у г. Чижова вмѣсто спеціальнаго изложенія ученія Штейна о правѣ... Такимъ образомъ г. Чижовъ, задавшись мыслью изложить Штейна, пред-

ложилъ вмѣсто ученія *о правѣ* ученіе «*о мѣстѣ*», занимаемомъ разными науками въ системѣ человѣческаго знанія!...

Изслѣдуя дальше составъ книги г. Чижова, мы встрѣтимся съ еще большими странностями. «Область философіи права», «область науки права» и т. д.—эти вопросы стоятъ ближе къ понятію права, чѣмъ то, что даетъ г. Чижовъ, подъ видомъ ученія о содержаніи права, стоитъ къ этому содержанію. Какъ было сказано, двѣ остальныхъ трети изложенія г. Чижова говорятъ о совсѣмъ не подходящихъ къ его задачѣ предметахъ: «финансахъ», «войскѣ», «управленіи», и т. д. Прочитывая эти отдѣлы, читатель встрѣтитъ здѣсь не рѣшеніе обще-философскихъ вопросовъ о юридическомъ характерѣ «войска», «финансовъ» и т. д., а краткое изложеніе догматическихъ ученій объ этихъ предметахъ, преимущественно же *юридическихъ опредѣленій*. Что же это значитъ? А это значитъ то, что г. Чижовъ недостаточно уяснилъ себѣ, что Штейнъ называетъ содержаніемъ права. Объясняя въ предисловіи порядокъ своего изложенія, г. Чижовъ пишетъ: «Моменты политической жизни, нашедшіе себѣ мѣсто въ сочиненіяхъ Штейна, представляются нами при изложеніи его юридической теоріи, въ качествѣ *объектовъ юридическихъ опредѣленій*, а именно въ качествѣ того, что онъ называетъ *содержаніемъ права* (der Inhalt des Rechts), опредѣляющимъ, образующимъ нормы положительнаго права и составляющимъ, по мнѣнію Штейна, главный предметъ науки права» (стр. 2—3). Изъ этой фразы слѣдуетъ, что содержаніемъ права Штейнъ называетъ будто бы «объекты юридическихъ опредѣленій»; какъ можно догадываться изъ «изложенія» г. Чижова, самъ онъ подъ «объектами юридическихъ опредѣленій» разумѣетъ вообще все то, что подлежитъ юридическимъ опредѣленіямъ,—значитъ, все, что содержится въ догматическихъ учебникахъ Штейна. Если бы это было правильно, тогда, разумѣется, автору сочиненія о «содержаніи права» ничего не осталось бы, какъ наполнить свою книгу передачей юридическихъ опредѣленій изъ всѣхъ многочисленныхъ и многотомныхъ учебниковъ Штейна. Но обратимся къ Штейну по цитатамъ самого г. Чижова. Въ подтвержденіе своего пониманія *содержанія права*, по Штейну, г. Чижовъ цитируетъ: «Gegenwart... VII, 12, 102, 110, 117, 322; System der Staatswiss. II, 218 (стр. 3 г. Чижова, пр. 2). Открываемъ первую изъ процитированныхъ здѣсь страницъ и читаемъ: «содержаніе права не есть само право; наука права не есть, поэтому, юриспруденція, но наука *тѣхъ силъ, которыя производятъ право*... Должно, поэтому, изучать право не въ томъ, что оно есть и какъ оно дѣйствуетъ; это значило бы насиловать память и заучивать параграфы для того, чтобы ихъ забыть. Право нужно познавать въ томъ, *что его создаетъ*» (VII). На стр. 12 стоитъ: «одно дѣло—дѣйствующее право, другое—сила, которая его производитъ». На стр. 102: «совокупность юридическихъ понятій есть ни что иное, какъ совокупность явленій, *созданныхъ правообразующими силами*». На стр. 116 (а не 117): «право есть произведеніе силъ, *которыя создаютъ самую*

жизнь». На стр. 322: «всякое право получаетъ свое содержаніе изъ жизненныхъ силъ» [1]). Отсюда, повидимому, ясно, что подъ содержаніемъ права Штейнъ разумѣетъ тѣ жизненныя силы, которыя его производятъ, жизненныя отношенія, а не «объекты юридическихъ опредѣленій». Послѣдніе представляютъ собою самое право, уже развившееся изъ жизненныхъ силъ... А г. Чижовъ не усвоилъ этого различія и наполнилъ свою книгу именно юридическими опредѣленіями, заимствованными изъ учебниковъ Штейна. «Правительство есть совокупность исполнительной власти, отдѣленная какъ отъ главы государства, такъ и отъ законодательной власти» (стр. 72); «подъ системой министерствъ мы понимаемъ раздѣленіе всей области управленія на отдѣльныя министерства» (стр. 76); «финансовое управленіе есть управленіе движеніемъ денегъ» (стр. 105); «генеральный штабъ есть административный организмъ въ войскѣ и арміи» (стр. 102); «армія есть дѣйствующее войско» (ibid.); «горное дѣло есть общественно-юридическій порядокъ горнаго искусства» (стр. 129); «право охоты и рыболовства есть ихъ ограниченіе и запрещеніе» (?!), стр. 129, и т. д., безъ конца тянутся у г. Чижова опредѣленія изъ всѣхъ отраслей юриспруденціи, долженствующія изображать штейновское ученіе о содержаніи права. У Штейна въ учебникахъ, разумѣется, есть такія опредѣленія; на то они и учебники, чтобы давать подобныя опредѣленія. Но у Штейна же въ этихъ учебникахъ показано, какъ изъ жизненныхъ отношеній возникаютъ юридическія нормы, составляющія «объекты юридическихъ опредѣленій». Этотъ процессъ образованія нормъ изъ жизненныхъ отношеній г. Чижовъ и долженъ былъ уяснить намъ съ точки зрѣнія Штейна.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы опредѣлить, какъ понималъ г. Чижовъ изученіе всѣхъ сочиненій Штейна. Дать въ одной трети сочиненія, долженствующей изображать, по догадкѣ читателя, ученіе о правѣ, переводъ одной части сочиненія Штейна, не вполнѣ относящейся къ дѣлу, а двѣ другихъ трети наполнить «юридическими опредѣленіями» изъ учебниковъ Штейна, принявъ эти опредѣленія за содержаніе права, — это во всякомъ случаѣ не значитъ «уяснить» Штейна на основаніи «всѣхъ его сочиненій».

Но дѣло и не только въ этомъ. Г. Чижовъ *изучилъ* Штейна въ двухъ остальныхъ третяхъ своего «изложенія» не только не по всѣмъ, а даже и не по подлиннымъ сочиненіямъ Штейна. Главнымъ руководствомъ при составленіи второй трети для него служилъ извѣстный трудъ г. Тарасова по изложенію Штейна, а для послѣдней трети переводъ краткаго учебника объ управленіи Штейна, сдѣланный подъ редакціею проф. Андреевскаго. Свѣрка изложенія г. Чижова съ книгой г. Тарасова и названнымъ переводомъ не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Начнемъ съ книги г. Тарасова.

Какъ мы уже нѣсколько разъ упоминали, книга г. Чижова посвящена ученію *о правѣ и его содержаніи*. Книга же г. Тарасова имѣетъ пред-

метомъ «основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву». Тѣмъ не менѣе въ содержаніи «изложенія» г. Чижова замѣчается удивительное совпаденіе съ изложеніемъ г. Тарасова. Это совпаденіе начинается какъ разъ тамъ, гдѣ оканчивается переводъ изъ «Gegenwart und Zukunft», съ рубрики «исполнительная власть» (§ 3—4 изложенія г. Тарасова). За этой рубрикой подъ чертою у г. Чижова находится классификація формъ управленія, начинающаяся словами: «Мы занимались до сихъ поръ абстрактными понятіями законодательства, управленія, права и государства. Эти понятія пріобрѣтаютъ прочную форму... если мы обозначимъ органы, которые черезъ свою компетенцію являются носителями и представителями этихъ властей. Есть четыре основныхъ формы управленія, какъ органическихъ носителей исполнительной власти: верховный глава государства, правительство, самоуправленіе и личные союзы (Vereinwesen)» (стр. 64). У г. Тарасова § 5 начинается: «Опредѣливъ такимъ образомъ понятія о правѣ, государствѣ, управленіи и исполненіи, можно перейти къ изслѣдованію основныхъ формъ организма управленія, какъ основныхъ формъ исполнительной власти; они суть: верховный глава государства, правительство, самоуправленіе и личные союзы (Vereinwesen)» (стр. 11). Затѣмъ, какъ у г. Чижова, такъ и у г. Тарасова, слѣдуетъ изложеніе ученія Штейна объ этихъ четырехъ формахъ исполнительной власти, совершенно однородное по содержанію. У г. Чижова стр. 66—83 посвящены ученію «о конституціонномъ правѣ правительства»; у г. Тарасова эти ученія находятъ себѣ мѣсто въ §§ 6—12. У г. Чижова со стр. 83 по 88—ученіе о самоуправленіи; у г. Тарасова ему посвященъ § 13. Наконецъ, у г. Чижова стр. 88—94 обнимаютъ ученіе о личныхъ союзахъ; у г. Тарасова то же ученіе въ § 14—15. Со стр. 94 у г. Чижова идетъ «ученіе объ управленіи въ собственномъ смыслѣ», а съ § 16 у г. Тарасова начинается изложеніе «особенной части управленія»... Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не случайное совпаденіе, въ этомъ убѣждаетъ насъ, во первыхъ, однородность вопросовъ, затрогиваемыхъ г. Чижовымъ и г. Тарасовымъ (чего нѣтъ у г. Тарасова, того нѣтъ и у г. Чижова), послѣдовательное сходство цитатъ изъ Verwaltungslehre I, I, 1 и, наконецъ, собственное признаніе г. Чижова. На стр. 150 своей книги, т. е. болѣе, чѣмъ черезъ полсотни страницъ послѣ своего совпадающаго съ г. Тарасовымъ «изложенія», г. Чижовъ въ прим. 154 дѣлаетъ слѣдующее признаніе. «Подробно изложено ученіе объ управленіи Штейна у проф. Тарасова, трудъ котораго имѣлъ для насъ *большое значеніе*, особенно при переводѣ отдѣльныхъ техническихъ словъ и выраженій, присущихъ только Штейну».

Подчеркивая эту связь г. Чижова съ г. Тарасовымъ, мы должны, однако, оговориться. Мы не хотимъ здѣсь обвинять г. Чижова въ плагіатѣ, не смотря на то, что, по принятому имъ способу цитированья, читатель и не догадается о томъ, что г. Тарасову г. Чижовъ обязанъ цѣлой третью своего изложенія. Г. Чижовъ не прямо списалъ книгу г. Тарасова. Онъ

пріискалъ цитаты г. Тарасова въ Verwaltungslehre и далъ переводъ ихъ вмѣсто дѣйствительнаго *изложенія* г. Тарасова. Мы подчеркиваемъ лишь то, что г. Чижовъ далъ намъ не результатъ своихъ собственныхъ розысканій въ области сочиненія Штейна, а лишь то, что уже розыскано г. Тарасовымъ.

Какъ мы сейчасъ сказали, кромѣ книги г. Тарасова источникомъ для г. Чижова въ области сочиненій Штейна, послужило также *первое изданіе* Штейновскаго учебника объ управленіи *въ русскомъ переводѣ* проф. Андреевскаго. Мы подчеркиваемъ слова *первое изданіе*, потому что на нѣмецкомъ языкѣ существуетъ теперь уже 3-е, сдѣланное вмѣсто одного въ трехъ томахъ; г. же Чижовъ пользуется лишь первымъ, хотя на первомъ планѣ цитируетъ третье. Затѣмъ мы подчеркиваемъ *русскій переводъ* потому, что *значительная часть* [2]) третьей части его изложенія и уясненія Штейна состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ простой перепискѣ въ свою книгу русскаго перевода. Г. Чижовъ постарался только размѣтить русскій переводъ, выкинулъ что ему показалось не нужнымъ и затѣмъ перепечаталъ. «Своими словами» г. Чижовъ говоритъ лишь тамъ, гдѣ у Штейна уже рѣшительно нельзя выбрать краткой фразы. Вотъ доказательство сказаннаго.

Стр. 124 г. Чижова.

2. *Управленіе хозяйственной жизнью.*

Хозяйственный міръ есть восполненіе естественнаго бытія трудомъ, цѣлями личности и органическое господство людей надъ природою. И здѣсь единичный человѣкъ, будучи предоставленъ собственнымъ силамъ, не можетъ выполнить своего назначенія. Для улучшенія условій индивидуальнаго хозяйственнаго развитія онъ обязанъ, прежде всего, доставлять государству хозяйственныя средства въ формѣ налоговъ, идущихъ *въ государственное хозяйство.*

Стр. 166 русск. пер. г. Андреевскаго.

Часть вторая. Управленіе и хозяйственная жизнь.

(Вторую обширную жизненную область составляетъ) хозяйственный міръ, т. е. наполненіе естественнаго бытія трудомъ, цѣлями личности и органическое господство людей надъ природою. (Обнаруживающіяся здѣсь основныя понятія и законы, по которымъ это совершается, составляютъ ученіе о народномъ хозяйствѣ, Ученіе же это показываетъ намъ, что) и здѣсь отдѣльный человѣкъ, будучи предоставленъ собственнымъ силамъ, не можетъ выполнить своего назначенія. (Нужда въ улучшеніи условій, безъ которыхъ немыслимо его индивидуальное хозяйственное развитіе, чувствуется имъ на каждомъ шагу). Для достиженія этого улучшенія онъ обязанъ прежде всего доставлять государству средства въ формѣ налоговъ...

Стр. 125 г. Чижова.

Естественный жизненный процессъ Европы представляетъ собою: 1) развитіе гражданскаго общественнаго порядка съ его принципами свободы и равенства, а также переходъ хозяйственной жизни изъ родоваго и сословнаго быта, и 2) развитіе факта могущества общихъ интересовъ надъ единичнымъ правомъ. Изъ первой части возникаютъ *отмѣна повинностей* (Entlastung), изъ второй—*отобраніе частной собственности подъ общественныя нужды* (Enteignung).

Стр. 172 русск. пер. г. Андреевскаго.

(Такимъ образомъ) *общественный* жизненный процессъ Европы представляетъ собою, *во первыхъ*, развитіе гражданскаго общественнаго порядка съ его принципами свободы и равенства, а также хозяйственной жизни изъ родоваго и сословнаго быта; *во вторыхъ*, развитіе факта и могущества совокупныхъ интересовъ надъ единичнымъ правомъ. Изъ первой части возникаетъ *отмѣна повинностей* (Entlastungen, (имѣющая завершиться полною побѣдою свободнаго общества и потому долженствующая получить значеніе историческаго явленія); изъ *второй—отобраніе частной собственности подъ общественныя нужды* (Enteignung).

Сравненіе этихъ мѣстъ показываетъ съ очевидностью, что «изложеніе» г. Чижова идетъ буквально по русскому переводу, лишь съ выбрасываніемъ нѣсколькихъ фразъ [3]). Но читатель убѣдится также изъ этого сравненія, что г. Чижовъ выбрасываетъ какъ разъ то, что придаетъ смыслъ словамъ Штейна. Продолжать выписокъ мы не будемъ. Подобное изложеніе тянется на протяженіи 20 страницъ...

Итакъ, изъ сказаннаго, кажется, достаточно ясно, что г. Чижовъ «уясняетъ» Штейна не на основаніи всѣхъ его сочиненій, а лишь на основаніи «Gegenwart und Zukunft», книги проф. Тарасова и русскаго перевода, самаго краткаго изъ всѣхъ учебниковъ Штейна, сдѣланнаго г. Андреевскимъ.

Мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе о составѣ книги. Г. Чижовъ можетъ возразить намъ, что въ его «изложеніи» встрѣчаются выписки и цитаты не только изъ «Gegenwart», но и изъ другихъ *нѣмецкихъ* сочиненій Штейна. Мы признаемъ правильность этого заявленія. Кое гдѣ есть, дѣйствительно, выписки изъ System der Staatswissenschaft, и чтенія г. Чижовымъ нѣсколькихъ страницъ этого сочиненія мы отрицать не будемъ, но лишь нѣсколькихъ страницъ... Что же касается *цитатъ*, то, во первыхъ, поставить цитату, по нашему мнѣнію, не значитъ еще уяснить переводимое мѣсто, а, во вторыхъ, ссылаться на страницы другихъ сочиненій, *по существу* не имѣющія связи съ излагаемымъ въ текстѣ и дающія лишь двѣ — три мимоходомъ брошенныя фразы, схожія съ текстомъ, или, что еще хуже, *указывать страницы, не имѣющія даже отдаленнаго сходства съ излагаемымъ въ текстѣ*,—пріемъ, не увеличивающій достоинствъ изложенія. А у г. Чижова мы и встрѣчаемъ главнымъ образомъ такія цитаты. Выше мы уже привели одинъ образчикъ

такого цитированья: System II, 218, будто бы говорящая о содержаніи права. Приведемъ нѣсколько другихъ. На *стр. 9* въ *пр. 15* процитировано: «System I, 20, 21, 168. Ср. 134. 129. II, стр. 1 — 3. 2 (?). Ср. Verwaltungslehre I, 14. III, 16—18». Мы утверждаемъ, что въ этой цитатѣ относятся къ дѣлу лишь System I, 20, 21 и II, 1—3. Всѣ же остальныя поставлены лишь для доказательства чтенія «всѣхъ» сочиненій Штейна; на самомъ дѣлѣ въ нихъ нѣтъ иногда и одного похожаго слова. На стр. 10 въ прим. 19 значится между прочимъ въ дополненіе къ Gegenwart «Verwaltungslehre V, стр. 121, 122», и здѣсь опять нѣтъ ничего подходящаго къ дѣлу, ибо у г. Чижова идетъ рѣчь о понятіи положительнаго права въ противоположность праву an sich, а у Штейна въ указанномъ мѣстѣ объ «Unterrichtswesen», а между этими вопросами большая разница. Ничѣмъ не лучше «уясненіе» Штейна при помощи такой, напр., цитаты: «Gegenw. 322. Нѣсколько иначе стр. VII, 11, 12, 82, 102, 117, 145» (стр. 11, пр. 21). Пусть читатель обратится къ сравненію всѣхъ этихъ цитатъ, онъ увидитъ, что вездѣ у Штейна одна и та же мысль, а не одна въ одномъ мѣстѣ, а «нѣсколько иная» въ другомъ. Г. Чижовъ, по обыкновенію, «уясняя» Штейна, не понялъ его. Ср. также цитаты на стр. 13 и т. д. Мы указываемъ мѣста, гдѣ г. Чижовъ пытается излагать, а не только списываетъ. Говорить же объ уясненіи цитатами изъ другихъ сочиненій того, что прямо списывается, мы считаемъ излишнимъ: цитаты, вѣрныя и невѣрныя, здѣсь лишь маскируютъ «заимствованіе».

Къ сожалѣнію и этимъ не исчерпываются недостатки сочиненія г. Чижова. Г. Чижовъ даетъ намъ не только переводъ механически соединенныхъ мѣстъ изъ Штейна,—переводъ, сдѣланный въ большей части «изложенія» при помощи гг. Тарасова и Андреевскаго, — но и невѣрный, совершенно искажающій мысли Штейна переводъ. Вотъ доказательства сказаннаго.

Г. Чижовъ прежде всего выдаетъ себя на каждомъ шагу самъ, ставя, какъ онъ думаетъ, для доказательства точности своего перевода рядомъ съ русскими въ скобкахъ и переводимыя имъ нѣмецкія слова, и явно перемѣняя ихъ смыслъ. На стр. 13, напримѣръ, г. Чижовъ пишетъ: «систему *дѣйствующаго* (wirklich) права... установляетъ правовѣдѣніе». Поставленное въ скобкахъ слово «wirklich» показываетъ, что г. Чижову неизвѣстно, какъ называется по нѣмецки дѣйствующее право. Между *дѣйствующимъ* же правомъ и *дѣйствительнымъ* правомъ существуетъ разница: не всякое «дѣйствительное» право есть и дѣйствующее (напр., историческое право?). И въ указанныхъ г. Чижовымъ цитатахъ Штейнъ называетъ дѣйствующее право «das positive oder *geltende* Recht», слово же «wirklich» относится къ Leben: «das wirkliche Leben». Дѣлая эту ошибку, г. Чижовъ искажаетъ все ученіе Штейна объ отношеніи правовѣдѣнія и государствовѣдѣнія: по Штейну государствовѣдѣніе именно и занимается *дѣйствительнымъ* правомъ, тогда какъ области правовѣ-

дѣнія подлежитъ лишь *дѣйствующее* право. На стр. 19 г. Чижовъ пишетъ: «совмѣстная жизнь (die Gemeinschaft) отличается отъ жизни индивида тѣмъ, что она (?) превращаетъ самостоятельность индивида въ одинъ изъ своихъ моментовъ». Фраза не имѣетъ смысла потому, что г. Чижовъ не желаетъ знать, что *die Gemeinschaft* означаетъ *общество*. У Штейна смыслъ вполнѣ ясенъ: «Iede Gemeinschaft unterscheidet sich von dem Einzelnen dadurch, dass sie die Selbstständigkeit des Einzelnen zu einem Moment in ihrem Leben macht» (Gegenw. 129) [4]). Еще примѣръ. Г. Чижовъ пишетъ: «Что касается паспортовъ и иностранцевъ, то, само собой разумѣется, что измѣненіе *состоянія* (Aufenthalt) есть актъ свободнаго индивидуальнаго опредѣленія»...

Таковы ошибки въ переводѣ *словъ*; кромѣ того, встрѣчаются ошибки въ пониманіи цѣлыхъ ученій.

Стр. 16 г. Чижова.

„Дѣяніе становится преступленіемъ вслѣдствіе признанія его со стороны права наказуемымъ. Понятіе наказанія не коренится въ существѣ преступленія“ (?).

У Штейна Gegenw, 122.

„Das Recht, welches die That, das Verbrechen, dann erzeigt, ist die Strafe. Ich bemerke nur, dass in dem Wesen des Verbrechens überhaupt kein Begriff der Strafe liegt“...

Стр. 14 г. Чижова.

„Чтобы установить систему права, нужно понять основныя формы *отношеній* одной личности къ другой, вытекшія изъ основныхъ категорій бытія личности. Каждый индивидъ по отношенію къ другимъ лицамъ можетъ быть: 1) *фактомъ;* 2) *силою,* и 3) *условіемъ*... Если дѣятельная воля одной личности *не признаетъ личности другаго*, то она относится къ послѣднему, какъ къ чисто естественному факту. Въ этомъ случаѣ, *личность, признанная фактомъ (не личнымъ)*, становится безправною, такъ какъ фактъ по отношенію къ человѣку не имѣетъ никакого права. *Дѣяніе,* отрицающее личность въ другомъ, *стоитъ въ противорѣчіи съ самимъ собою,* потому что ставитъ личность не тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ...

У Штейна ibid. 109—110.

Das Recht ist erst das Verhalten des als äussere That erscheinenden Willens einer Persönlichkeit *zur andern*... Ich glaube das ich klar bin wenn ich sage, dass Jeder Einzelne für den andern zuerst eine einfache *Thatsache* ist, *die er jedoch als eine sich selber gleichartige erkennt*... Wenn der thätige Wille des Einen den Andern, *den er als Persönlichkeit erkennt, nur* als reine, natürliche Thatsache setzt, so setzt er ihn eben damit als rechtlos; denn die Thatsache hat mir gegenüber kein Recht. Allein *der Wille* und *die That* die das thun, sind mit sich selbst im Widerspruch...

Во второй изъ сдѣланныхъ сейчасъ выписокъ г. Чижовъ не выяснилъ себѣ самой существенной стороны въ Штейновскомъ ученіи *о правѣ* и

неправдѣ. Неправда, по Штейну, получается изъ столкновенія *воли*, не могущей не признавать личности въ другомъ по самому существу, и *дѣянія*, обращающаго личность въ фактъ; отсюда противорѣчіе *дѣятельной воли* съ самой собой, т. е. неправда... «Изложеніе» же г. Чижова лишено смысла.

II.

Вторая часть книги г. Чижова, какъ уже было упомянуто выше, посвящена разсмотрѣнію философскихъ теорій о правѣ, отъ эпохи возрожденія до Гегеля включительно. Въ этомъ изложеніи насъ прежде всего поражаютъ нѣкоторые пробѣлы: проф. Чижовъ счелъ возможнымъ ни словомъ не упомянуть ни о родоначальникѣ новыхъ понятій о государствѣ—Макіавелли, ни о Боденѣ, ни о Мильтонѣ, ни о Локкѣ; о Руссо онъ говоритъ только по поводу диссертаціи Sur l'origine de l'inégalité, а о Монтескье упоминаетъ только въ одномъ коротенькомъ подстрочномъ примѣчаніи. Можно было бы подумать, что такая неполнота изложенія объясняется спеціальной цѣлью книги—служить объясненіемъ теоріи Л. ф. Штейна. Но кромѣ того, что, напримѣръ, Монтескье оказалъ несомнѣнное вліяніе на Штейна, такое оправданіе и вообще несостоятельно. Объяснять смыслъ любой теоріи можно двояко: біографически или исторически. Въ первомъ случаѣ авторъ долженъ былъ дать намъ біографію Штейна, указать у кого онъ учился, какія книги преимущественно читалъ и т. п.; но объ этомъ г. Чижовъ, очевидно, и не думалъ. Авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду второй изъ возможныхъ путей, т. е. историческій въ широкомъ смыслѣ слова; онъ желалъ показать мѣсто теоріи Штейна среди всѣхъ прочихъ, разсмотрѣть ее какъ продуктъ общаго предыдущаго развитія теоріи о правѣ; а въ такомъ случаѣ указанные пробѣлы оказываются важными недосмотрами.

Излагая ученіе Гоббса о государствѣ, проф. Чижова полагаетъ, что Гоббсъ былъ выразителемъ «либеральныхъ идей» (стр. 164). Между тѣмъ какъ извѣстно, Гобсъ былъ самымъ крайнимъ врагомъ англійской революціи, утверждалъ, что первая и послѣдняя обязанность подданныхъ—повиновеніе, что народъ не имѣетъ никакихъ правъ передъ главой государства, что монархъ можетъ безконтрольно распоряжаться имуществомъ гражданъ, что государство есть Левіафанъ, поглощающій индивидуумовъ, земной богъ; онъ раньше Людовика XIV произнесъ знаменитую фразу: «король есть государство» (*Leviath.*, с. 18), былъ въ извѣстномъ смыслѣ цезаропапистомъ и врагомъ всякой свободы вѣроисповѣданія; а теперь г. Чижовъ называетъ его «выразителемъ либеральныхъ идей».

Знакомя далѣе съ ученіемъ Хр. Томазія, г. Чижова пользуется безразлично двумя его сочиненіями: *Institutiones jurisprudentiae divinae* и *Fundamenta juris*. Г. Чижову, повидимому, неизвѣстно, что эти два сочиненія весьма другъ отъ друга отличны въ самыхъ основныхъ вопро-

сахъ о природѣ права и соотвѣтствуютъ *разнымъ* ступенямъ въ развитіи самого Томазія. Отсюда все изложеніе, данное г. Чижова, дѣлается неяснымъ и невѣрнымъ.

Проф. Чижовъ излагаетъ далѣе философію Канта. Это изложеніе есть сплошной рядъ недоразумѣній. Оно начинается съ слѣдующей фразы: «По воззрѣніямъ Канта *міръ состоитъ* (курсивъ нашъ) изъ явленій и сущностей... Знанію доступны только явленія». Опредѣляя явленія какъ *часть міра*, г. Чижовъ, очевидно, стоитъ на почвѣ догматизма и совсѣмъ игнорируетъ мысль Кантовскаго субъективнаго идеализма. Г. Чижовъ излагаетъ затѣмъ Кантовское ученіе о нравственности въ видѣ весьма неудачно подобраннаго ряда цитатъ изъ *критики практическаго разума* (при чемъ забываетъ упомянуть о постулатахъ!). Среди этихъ цитатъ мы насчитали на *четырехъ полустраницахъ* (173—174) *десять* совершенно неправильныхъ, искажающихъ смыслъ переводовъ. Вотъ образецъ этихъ переводовъ: на стр. 176 стоитъ: «она (свобода) есть формальное условіе всѣхъ правилъ, подъ которыми свобода можетъ быть согласна съ практическимъ закономъ». Эта неимѣющая смысла фраза (въ первой половинѣ которой свобода признается за условіе всѣхъ правилъ нравственнаго поведенія, а во второй—обратно, эти правила выдаются за условіе нравственной свободы) легко разъясняется подлинникомъ, гдѣ сказано: «diese (die Freiheit) ist selbst die formale Bedingung aller Maxime, unter der sie allein mit dem obersten practischen Gesetze zusammenstimmen können», т. е. свобода сама есть формальное условіе всѣхъ правилъ (поведенія), подъ которымъ (т. е. условіемъ) они (т. е. правила) только и могутъ соотвѣтствовать верховному нравственному закону. Ошибка г. Чижова состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что онъ не замѣтилъ, къ чему относятся мѣстоименія *der* и *sie*. Такими искажающими смыслъ переводами изобилуетъ книга г. Чижова [5]).

Излагая (крайне неясно и неточно) ученіе І. Г. Фихте, г. Чижовъ разсматриваетъ его какъ типическій индивидуализмъ. Между тѣмъ этотъ философъ былъ индивидуалистомъ лишь въ первомъ періодѣ своей дѣятельности, и г. Чижовъ вовсе не упоминаетъ о столь важныхъ для философіи государства сочиненіяхъ Фихте втораго періода: *Der geschlossene Handelsstaat* (1800 г.), *Reden an die deutsche Nation* (1808 г.), *System der Rechtslehre* (1812 г.) и др. Между тѣмъ именно эти сочиненія знаменуютъ появленіе трехъ первостепенной важности общественныхъ идей новаго времени: идеи о нравственныхъ задачахъ государства въ противуположность прежнему натуралистическому взгляду на него, идеи о національномъ государствѣ въ противуположность космополитическимъ теоріямъ предъидущихъ мыслителей и идеи государственнаго соціализма въ противуположность старому индивидуализму. Упустивъ все это изъ виду, г. Чижовъ неудовлетворительно излагаетъ и ученіе перваго періода Фихте. Онъ передаетъ это ученіе по двумъ сочиненіемъ *Grundlage des Naturrechts* и *System der Sittenlehre* (причемъ на

стр. 185 считаетъ первое «дополненіемъ» втораго, хотя оно въ дѣйствительности вышло двумя годами раньше) и не замѣчаетъ, что между этими двумя сочиненіями есть весьма существенныя различія во взглядѣ на природу права.

Ученіе Спинозы о государствѣ г. Чижовъ безъ достаточныхъ основаній выдѣляетъ изъ общаго ряда до Кантовскихъ натуралистическихъ теорій и помѣщаетъ почему то между Фихте и Шеллингомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даже не упоминаетъ о той чертѣ Спинозова ученія о государствѣ, на которую самъ Спиноза указалъ какъ на принципіальное отличіе отъ столь сходнаго съ нимъ въ прочемъ ученія Гоббса, именно то, что индивидуумъ и вступивъ въ «общественный договоръ» сохраняетъ за собой свои естественныя права (Epist. L по изд. Paulus'a; благодаря этому важному признанію, Спиноза занимаетъ, такъ сказать, среднее мѣсто между Гоббсомъ и Руссо: у Гоббса—государство поглощаетъ всѣ естественныя права, у Руссо — естественныя права преобладаютъ надъ силой «общественнаго договора», у Спинозы же то и другое примирено, а потому и догосударственное состояніе не отдѣлено отъ государства такою бездною, какъ у двухъ первыхъ). Съ этимъ принципіальнымъ отличіемъ теоріи Спинозы связано и одно первостепенной важности практическое слѣдствіе, ради выясненія котораго и былъ написанъ Спинозою *Tractatus theologico-politicus*, именно требованіе полной свободы слова и вѣроисповѣданія. Все это, составляющее однако отличительные признаки государственной теоріи Спинозы, не только не упомянуто ни словомъ въ изложеніи г. Чижова, но повидимому ему и неизвѣстно, ибо на стр. 200 онъ говоритъ: «отсюда (у Спинозы) вытекаетъ *полное* подчиненіе (курсивъ нашъ) личности государству. Подданный не имѣетъ права рѣшать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, ибо все это опредѣляется государствомъ». Эти слова г. Чижовъ подтверждаетъ, правда, ссылками на *Tract. polit*, III, §§ 3 и 5; но если посмотрѣть, что говоритъ Спиноза дальше въ томъ же § 3 (Dico expresse ex Civitate instituto, etc) и сравнилъ § 5 съ §§ 6, 8 и слѣд., то легко замѣтить въ какомъ *ограниченномъ* смыслѣ употребляетъ Спиноза приведенныя слова.

Мы долго не кончили бы, если бы захотѣли перечислить всѣ фактическія ошибки въ книгѣ г. Чижова. Приведенные случаи достаточно ее характеризуютъ. Но къ этимъ фактическимъ промахамъ присоединяется цѣлый рядъ мелкихъ недосмотровъ. Такъ, напримѣръ, г. Чижовъ самъ себѣ противорѣчитъ на двухъ сосѣднихъ страницахъ; на стр. 161 онъ говоритъ: «уже въ XIII в. мы видимъ стремленіе усвоить естественное право», а на предъидущей—утверждалъ, что лишь въ XVI в. «вспомнили о jus naturale Римлянъ». На той же 161 стр. г. Чижовъ опредѣляетъ равенство какъ то, что свойственно всѣмъ людямъ; однако такое опредѣленіе одинаково годится и для неравенства, да и вообще всѣ относительные термины вродѣ *равно, неравно, больше* никогда не свойственны кому нибудь одному, но всегда по необходимости взаимны. Наконецъ, чтобы

дать понятіе о слогѣ г. Чижова выписываемъ слѣдующую фразу (стр. 198 sq): «какъ всякая вещь, дѣйствуя по законамъ своей природы, дѣйствуетъ на основаніи своего высшаго права, такъ равно и человѣкъ, какъ самая совершенная и могущественная вещь, имѣетъ настолько права, насколько имѣетъ мощи, потому что, дѣйствуя по законамъ своей природы, онъ дѣйствуетъ по своему полному естественному праву, которое есть законъ природы или правило, дѣйствующее во всемъ, а потому право всей природы, а отсюда и каждаго индивида, простирается настолько, насколько простирается его мощь». Эта фраза сплошной circulus vitiosus, чего конечно нѣтъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ у Спинозы. То же самое мы находимъ на стр. 176, гдѣ г. Чижовъ также дѣлаетъ невѣрный переводъ изъ Канта, дабы такимъ образомъ получить circulus.

Наконецъ, г. Чижовъ буквально, фраза за фразой, списываетъ съ извѣстнаго сочиненія Чичерина (Исторія политическихъ ученій), *ни словомъ и никакимъ другимъ знакомъ не обозначая этихъ «заимствованій»* [5]).

Дадимъ два примѣра:

Г. Чижовъ, стр. 198.	Г. Чичеринъ, стр. 108 втораго тома.
„Отдѣльныя лица, какъ части природы, настолько имѣютъ право существовать и дѣйствовать, насколько они имѣютъ мощи. Высшій законъ природы состоитъ въ томъ, чтобы каждая вещь сохраняла свое существованіе. Слѣдовательно, по Спинозѣ, все, что вещь дѣлаетъ по закону своей природы, то дѣлаетъ по естественному своему праву. Такъ, рыбы, по природѣ, созданы для плаванья и большія для съѣденія малыхъ, слѣдовательно, рыбы, по высшему естественному праву, имѣютъ своею сферою воду, и большія рыбы съѣдаютъ малыхъ“.	„Отдѣльныя же вещи, какъ части природы, на столько имѣютъ право существовать и дѣйствовать, на сколько они имѣютъ мощи... Первый законъ природы состоитъ въ томъ, чтобы каждая вещь сохраняла свое бытіе. Слѣдовательно, все, что вещь дѣлаетъ по закону своей природы, то она дѣлаетъ по естественному своему праву. Такъ, напримѣръ, рыбы созданы природою для плаванья и большія для съѣденія малыхъ, слѣдовательно, онѣ по естественному своему праву владѣютъ водою, и большія съѣдаютъ малыхъ“.

Г. Чижовъ, стр. 165.	Г. Чичеринъ, стр. 28.
„Между людьми, не сдержанными никакой властью, господствуетъ взаимный страхъ изъ опасенія зла. Причина этихъ опасеній заключается отчасти въ естественномъ равенствѣ людей, частью же въ постоянномъ стремленіи вредить. Каждый ищетъ для себя добра и избѣгаетъ зла, и прежде всего величайшаго зла—смерти. Это стремленіе столь же естественно и необходимо,	„Между людьми, не сдержанными высшей властью, господствуетъ взаимный страхъ изъ опасенія зла... Причина этихъ опасеній заключается отчасти въ естественномъ равенствѣ людей... отчасти также въ соперничествѣ... Каждый ищетъ для себя добра и избѣгаетъ зла, и прежде всего зла величайшаго—смерти. Это стремленіе столь же необходимо и естественно,

какъ паденіе камня внизъ. Поэтому, оно согласно съ здравымъ разумомъ, а согласное съ здравымъ разумомъ называется справедливымъ (justum)".	какъ паденіе камня внизъ. Поэтому оно согласно съ здравымъ разумомъ, а то, что согласно съ здравымъ разумомъ, то называется *справедливымъ* или *правымъ* (justum)".

Таковы же заимствованія на стр. 199, 200, 178... Почему то г. Чижовъ не рѣшился упомянуть объ этомъ «недосмотрѣ» въ своей вышеупомянутой брошюрѣ.

---

1) Мы не привели здѣсь словъ Штейна со стр. 218 II тома System. На этой страницѣ идетъ рѣчь только *о деньгахъ и цѣнѣ* (§ заглавляется „Das Geld"), и о содержаніи права нѣтъ ни слова. Цитата къ дѣлу не относится. Какъ увидитъ дальше читатель, эта подстановка неподходящихъ цитатъ одинъ изъ излюбленныхъ пріемовъ г. Чижова.

2) Мы говоримъ „значительная часть", потому что около 10 страницъ въ эту часть внесено г. Чижовымъ изъ „Учебника финансоваго права" Штейна (русскій переводъ) и изъ „Ученія о военномъ бытѣ", брошюры, пер. г. Эртелемъ. Затѣмъ конецъ этой трети занимаетъ опять переводъ изъ „Gegenwart".

3) Мы должны опять оговориться. Плагіата здѣсь нѣтъ, ибо г. Чижовъ цитируетъ, *между прочимъ*, и русскій переводъ. Затѣмъ онъ иногда „исправляетъ" этотъ переводъ, но безъ справки съ подлинникомъ, и только по собственному соображенію. Такъ, въ приведенной цитатѣ имъ слово „общественный" замѣнено словомъ „естественный". Въ подлинникѣ же стоитъ: „der gesellschaftliche Lebensprocess"...

4) Насколько важна эта ошибка въ переводѣ слова Gemeinschaft, едва ли нужно говорить. У г. Чижова на рядѣ страницъ говорится о „совмѣстной жизни людей" вмѣсто „общества", „совмѣстная *жизнь*" становтся у него „юридической личностью" (стр. 19), „возвышается до личности" (46) и т. д. Смыслъ ученія Штейна вездѣ искаженъ. Г. Чижовъ не воспользовался здѣсь даже переводомъ *г. Тарасова*, у котораго эти слова переведены вѣрно. Г. Чижовъ дѣлаетъ явныя ошибки даже тамъ, гдѣ пользуется г. Тарасовымъ. У г. Тарасова слово „die Aemter" переведено „должности", и у г. Чижова „должностное лицо". Пусть затѣмъ читатель вспомнитъ приведенное выше опредѣленіе *правительства*, данное г. Чижовымъ. Здѣсь опять искаженный переводъ и т. д. безъ конца.

5) Эта рецензія была готова, когда мы получили брошюру г. Чижова: *Приложеніе къ сочиненію: „Право и его содержаніе по ученію Л. ф. Штейна"* (Одесса, 1890). Цѣль этой брошюры, вышедшей черезъ полгода послѣ появленія книги, исправить нѣкоторые (указанные г. Чижову) ошибочные переводы. Конечно, mieux vaut tard que jamais, но жаль, что и послѣ этой брошюры осталось такъ много промаховъ, каковы, напримѣръ, неправильные переводы на стр. 176 198, 199, 179, 208, 214 и мн. др.

6) Въ этихъ мѣстахъ вся работа г. Чижова состояла лишь въ томъ, что онъ выписалъ въ примѣчанія тѣ цитаты, которыя у Чичерина тоже *даны*, но въ видѣ указаній на страницы и параграфы подлинниковъ.

В. Нечаевъ и Н. Ланге.

О ПОСТАНОВКѢ ВОПРОСОВЪ ПРИСЯЖНЫМЪ ЗАСѢДАТЕЛЯМЪ ПРИ РАЗДѢЛЕНІИ СОВОКУПНАГО ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ (СТ. 754 УСТ. УГ. СУД.).

«Sie sehen hier meine Herren wieder eine von der zahlreichen Schwierigkeiten, die Tag für Tag in der Anwendung der Schwurgerichtegesetze sich ergeben müssen. Es sind dies aber Schwierigkeiten... die... die juristische Bildung, die Wissenschaft des Juristen jeden Augenblick auf eine unerwartete Probe stellen,—und ihn zur reiflichsten Erwägung, zur sorgsamsten Aufmerksamkeit nöthigen» [1]).

Много лѣтъ тому назадъ (въ 1879 году) я на страницахъ Журнала Гражданскаго и Уголовнаго права разбиралъ доктрину нашего правительствующаго сената о постановкѣ вопросовъ при выдѣленіи вопроса о спеціальной причинѣ невмѣненія по поводу рѣшенія по дѣлу Вашенцовой (№ 488 1870 года) [2]). Обширная статья г. Волжина въ томъ же журналѣ (1888 года книга третья), богатая по затрогиваемымъ ею вопросамъ и посвященная постановкѣ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ вообще,—въ значительной степени касается и указанной доктрины въ ея современномъ состояніи, созданномъ рѣшеніями сената по дѣлу Мельницкихъ и Свиридова. Указанная статья даетъ мнѣ удобный случай, оцѣнить отношеніе новой доктрины правительствующаго сената къ старой, сильныя и слабыя стороны этой доктрины въ связи съ оцѣнкой воззрѣній г. Волжина.

Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ главному занимающему меня вопросу (о способѣ дробленія совокупнаго вопроса о виновности на отдѣльные, указанные въ ст. 754), я разсмотрю критику г. Волжина обычной въ судебной практикѣ редакціи вопросовъ.

Исходя отъ духа уставa уг. суд. и разума ст. 7 учр. суд. уст. и ст. 752—760, 801, 812, 818 и 828 ст. уст. уг. суд.—г. Волжинъ полагаетъ,—что присяжнымъ засѣдателямъ вопросы должны предлагаться въ такой формѣ, чтобъ они могли ясно выразить своими отвѣтами—виновенъ ли подсудимый передъ закономъ. «Но не то мы видимъ», замѣча-

етъ авторъ, «въ практикѣ и въ противурѣчивыхъ рѣшеніяхъ сената».— Я совершенно согласенъ съ г. Волжинымъ по существу его требованія и отъ той же мысли я исходилъ въ своей вышеуказанной работѣ: при разрѣшеніи присяжными не однихъ фактовъ,—а вопроса о винѣ или невинности, иного формулированія главнаго вопроса,—какъ «виновенъ» быть не можетъ именно потому, что виновенъ означаетъ совершеніе дѣянія, преступнаго передъ закономъ [3]). Но я никакъ не могу согласиться съ г. Волжинымъ относительно предлагаемаго имъ способа редакціи вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ недоволенъ практикой, по которой въ вопросы вносится не общепонятное названіе самого преступленія,—а фактическія обстоятельства in concreto и правовые признаки, составляющіе въ своей совокупности преступленіе въ юридическомъ смыслѣ слова. Такъ, по мнѣнію г. Волжина, должно спрашивать присяжныхъ не о томъ,—виновенъ ли А. въ томъ, что тайно съ цѣлью присвоенія похитилъ у такого то лица такое то имущество,—причемъ взломалъ то-то и то-то, а о томъ, виновенъ ли А. въ томъ, что *укралъ* у В. такое то имущество и т. д. Это положеніе мотивируется тѣмъ, что вторая редакція болѣе понятна присяжнымъ засѣдателямъ, что слово «похитить» на языкѣ простолюдиновъ иногда означаетъ «сгубить», «коварно сгубить по заранѣе обдуманному плану»—что выраженіе «тайно похитилъ съ цѣлью присвоенія»—необходимо только для прокурора, такъ какъ этими признаками кража отличается, напримѣръ, отъ грабежа, необходимо для судей, какъ юридическая квалификація, но не для присяжныхъ, которымъ предсѣдатель обязанъ разъяснить признаки и составъ преступленія. Къ тому же ст. 760 уст. уг. суд. именно говоритъ объ «общеупотребительныхъ выраженіяхъ», въ противоположность законнымъ опредѣленіямъ. А между тѣмъ въ вопросы включаются «законныя опредѣленія» (слова «тайно похитилъ» и составляютъ законное опредѣленіе кражи) и избѣгаются общеупотребительныя выраженія,—каковымъ является слово «*укралъ*» [4]).

Вся эта аргументація г. Волжина представляется мнѣ глубоко невѣрной, и будь она принята въ судебной практикѣ, ничего добраго отъ суда присяжныхъ мы при этомъ пововведеніи не дождались бы.

Прежде всего требованіе г. Волжина противорѣчитъ ст. 760 уст. уг. суд. имъ же самимъ цитованной. Въ этой статьѣ, требующей редакціи вопросовъ въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ,—указывается на необходимость помѣщенія въ вопросахъ «существенныхъ признаковъ преступленія и виновности» подсудимаго, т. е. признаковъ, изъ которыхъ слагается преступное, предусмотрѣнное въ законѣ дѣяніе. Спрашивать объ этихъ *существенныхъ признакахъ* или же ставить вопросъ о цѣлостномъ юридическомъ понятіи преступленія (укралъ ли?)—далеко не одно и то же. Когда присяжныхъ спрашиваютъ о наличности существенныхъ признаковъ преступленія и виновности подсудимаго въ связи съ конкретной обстановкой дѣянія, они отправляютъ такую обязанность,—которая при наличности заключительнаго объясненія предсѣдательствующаго въ

большинствѣ случаевъ имъ по силамъ. Они сравниваютъ конкретные факты съ законными признаками, подводятъ первые подъ послѣдніе, и даютъ своерѣшеніе. Къ этому рѣшенію судъ прилагаетъ законную квалификацію, т. е. признаетъ подсудимаго виновнымъ въ кражѣ, грабежѣ, обманѣ — или же находитъ, что законная квалификація къ рѣшенію присяжныхъ неприменима. Если взять теперь предложеніе г. Волжина, то окажется, что юридическая квалификація, которая по словамъ самого г. Волжина, не нужна присяжнымъ, будетъ исключительно въ ихъ рукахъ. Когда присяжныхъ спрашиваютъ *«укралъ ли подсудимый»*—то они сами устанавляютъ, какіе законные признаки требуются для понятія кражи и утверждаютъ ихъ наличность въ разсматриваемомъ случаѣ. Если ставить присяжныхъ въ такое положеніе, то нужно допустить, что они всегда способны правильно установить, не имѣя передъ собой въ вопросѣ указанія законныхъ признаковъ, что было въ данномъ случаѣ грабежъ, кража, самоуправство. Далѣе, при теперешнемъ порядкѣ судъ имѣетъ возможность оправдать лицо, обвиняемое присяжными, вслѣдствіе того, что признанныя ими обстоятельства не составляютъ преступнаго дѣянія. При принятіи требованія г. Волжина, судъ этой возможности будетъ лишенъ. Точно также и кассаціонный судъ лишается при предложеніи г. Волжина возможности всякаго контроля относительно правильности основаннаго на рѣшеніи присяжныхъ приговора суда [5]).

Этимъ возраженіемъ мнѣ кажется вопросъ исчерпывается. Разъ предложеніе идетъ въ разрѣзъ съ принципіальнымъ условіемъ удовлетворительной дѣятельности института—оно неправильно. Такія преимущества, какъ большая краткость вопроса и его удобопонятность, уже не могутъ идти въ счетъ. Но, независимо отъ этого, утвержденіе г. Волжина о большей понятности вопросовъ для прясяжныхъ при принятіи предлагаемой имъ формулы невѣрно,—я не знаю, почему слова *тайно похитилъ съ цѣлью присвоенія*, могутъ быть непонятны простолюдину.

Г. Волжинъ указываетъ на разнообразныя значенія слова: «похитить» у простонародья, но чтобъ это слово означало когда либо *«слубить»*— какъ утверждаетъ г. Волжинъ—я самъ никогда не слыхивалъ, не слыхивалъ и отъ людей, соприкасающихся съ народомъ. Г. Волжинъ далѣе утверждаетъ, что слова «тайно *похитить*» и есть тѣ «законныя опредѣленія», которыя устраняются ст. 760, требующей «общеупотребительныхъ выраженій». Но дѣло въ томъ, что въ избранномъ имъ примѣрѣ законное опредѣленіе совпадаетъ съ общежитейски-понятнымъ выраженіемъ до такой степени, что, если задаться мыслью найти соотвѣтствующія словамъ «тайно похитить» какія либо другія общепотребительныя выраженія,—то такая попытка окажется совершенно тщетною.

Замѣчательно, что оспаривая употребленіе указанныхъ терминовъ, какъ «законныхъ опредѣленій», г. Волжинъ, далѣе считаетъ вполнѣ возможнымъ употребленіе терминовъ *«покусился на преступленіе»*, т. е. чрезвычайно сложнаго и тонкаго nomen juris [6]).

Покончивъ съ вопросомъ о той или другой формѣ редакціи вопросовъ присяжнымъ, перехожу къ главному занимающему меня предмету, къ вопросу о порядкѣ и формѣ дробленія совокупнаго вопроса о виновности въ связи съ рѣшеніями сената по дѣлу Мельницкаго и Свиридова [7]).

Для надлежащей характеристики указанныхъ рѣшеній необходимо указать предшествующую доктрину сената относительно примѣненія ст. 754 въ тѣхъ случаяхъ, когда суду приходится ставить вопросъ объ обстоятельствахъ, исключающихъ вмѣняемость, по тѣсной связи этой доктрины съ постановкой вопросовъ по дѣлу Мельницкаго.

Эта доктрина начинается съ рѣшенія по дѣлу Браиленко (1868 г., № 499), подвергшемуся кассаціи по неправильной, по мнѣнію сената, постановкѣ вопросовъ, изъ коихъ по первому присяжные вопрошались о виновности Браиленко въ покушеніи на убійство потерпѣвшей,—а по второму о наличности въ моментъ дѣянія состоянія умоизступленія или безпамятства у подсудимаго. Въ одновременномъ утвержденіи этихъ двухъ вопросовъ присяжными правительствующій сенатъ нашелъ противорѣчіе и кассировалъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, указавъ, что въ подобныхъ случаяхъ—должно ставить первый главный вопросъ не по формулѣ: «виновенъ»—а по формулѣ: «совершилъ ли обвиняемый приписываемое ему преступное дѣяніе»,—второй же вопросъ—о наличности причины, исключающей вмѣняемость и вмѣненіе. Этой доктрины правительствующій сенатъ держался до 1870 г.—до рѣшенія по дѣлу о крестьянкѣ Вашенцовой. По означенному дѣлу судомъ на разрѣшеніе присяжныхъ было поставлено четыре вопроса: 1) Совершилось ли насильственное лишеніе жизни крестьянина Вашенцова Ивана Григорьева лицомъ постороннимъ, а именно, женой послѣдняго Матреной Трофимовой Вашенцовой. 2) Если указанное въ первомъ вопросѣ событіе совершилось, доказано ли, точно, что подсудимая Трофимова во время совершенія означеннаго преступленія находилась въ припадкахъ болѣзни, приведшихъ ее въ умоизступленіе или совершенное безпамятство. 3) Если не доказано, то виновна ли подсудимая Трофимова въ означенномъ въ первомъ вопросѣ преступленіи. 4) Если виновна, то было ли совершено ею преступленіе съ предумышленіемъ? На эти вопросы присяжные отвѣчали: да, совершилось—на первый; да, доказано—на второй, поэтому два послѣдніе оставлены безъ отвѣта. Пишущій эти строки—въ качествѣ товарища прокурора тульскаго окружного суда протестовалъ противъ оправдательнаго приговора,—указывая на неправильности постановки вопросовъ,—а именно: соединеніе въ первомъ вопросѣ указанія на событіе преступленіе и на совершеніе его подсудимой, далѣе—поставленіе третьяго вопроса о «виновности» подсудимой послѣ двухъ вопросовъ, совмѣщавшихъ въ себѣ всѣ элементы, входящіе по силѣ 754 статьи устава—въ совокупный вопросъ о виновности, вслѣдствіе чего присяжнымъ давалась возможность утвердить два первые и отвергнуть третій, т. е. признать подсудимую и виновной и не виновной. Пра-

вительствующій сенатъ оставилъ протестъ безъ послѣдствій, признавъ постановку вопросовъ по этому дѣлу правильною.

Переходя къ дѣлу Мельницкихъ, я утверждаю, что постановка вопросовъ московскаго окружнаго суда вполнѣ совпадаетъ съ постановкою вопросовъ тульскаго окружнаго суда по дѣлу Ващенцовой, которая въ 1870 г. была одобрена сенатомъ. Всего по дѣлу Мельницкихъ было поставлено 22 вопроса относительно семи подсудимыхъ,—при чемъ относительно каждаго ставились по два вопроса, изъ коихъ въ первомъ заключались указанія на событіе преступленія и совершеніе его извѣстнымъ лицомъ, а второй ставился о виновности въ этомъ дѣяніи каждаго изъ подсудимыхъ [7]).

Какъ извѣстно, правительствующій сенатъ призналъ постановку вопросовъ по дѣлу Мельницкихъ совершенно неправильною.—Для того, чтобъ доказать выставленное выше положеніе,—о связи постановки вопросовъ по этому дѣлу съ рѣшеніемъ по дѣлу Ващенцовой, мнѣ приходится напомнить мотивы сената въ рѣшеніи по дѣлу Мельницкихъ, приведшіе его къ осужденію постановки вопросовъ московскаго окружнаго суда, въ ихъ цѣлостномъ видѣ. «Въ самомъ дѣлѣ, такъ разсуждаетъ правительствующій сенатъ, давъ утвердительный отвѣтъ на первый о каждомъ изъ подсудимыхъ вопросъ, признавъ доказаннымъ, что описанное въ каждомъ вопросѣ преступное дѣяніе совершено подсудимыми, и притомъ сознательно и произвольно, присяжные тѣмъ самымъ, очевидно, признали подсудимыхъ виновными, ибо изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что на судѣ никто не возбуждалъ сомнѣнія относительно третьяго составнаго понятія виновности,—вмѣненія въ вину совершеннаго, ни съ чьей стороны не было заявлено ни объ одной изъ причинъ, по которой за силою 92 ст. улож. о наказ. запрещенное дѣяніе только и можетъ быть невмѣнено въ вину, вслѣдствіе чего на точномъ основаніи 763 ст. уст. уг. суд. о таковомъ обстоятельствѣ не было предложено вопроса присяжнымъ засѣдателямъ; а затѣмъ отрицательный отвѣтъ на слѣдующій за первымъ о каждомъ подсудимомъ вопросомъ (виновенъ ли онъ въ указанномъ въ предыдущемъ вопросѣ дѣяніи) является со стороны присяжныхъ отрицаніемъ виновности подсудимаго въ тѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, которыя сами же присяжные признали совершенными сами же подсудимыми. *Такое* противорѣчіе было послѣдствіемъ явно неправильной и противозаконной постановки вопросовъ, заключающейся въ томъ,—что судъ вмѣсто одного общаго вопроса о виновности каждаго подсудимаго раздѣлилъ оный безъ всякаго законнаго основанія на два и притомъ такимъ образомъ, что первый вопросъ о каждомъ подсудимомъ, хотя и начинается словами „*доказано ли*“ вмѣсто „*виновенъ ли*“ совмѣщаетъ, однако, въ себѣ всѣ признаки виновности, такъ что утвердительное разрѣшеніе его исключало возможность отрицательнаго отвѣта на 2-й, начинающійся словами «виновенъ ли», иначе неминуемо должно бы произойти противорѣчіе въ отвѣтахъ. *Неправильныя дѣйствія суда*, приведшія присяжныхъ засѣдателей къ такому рѣшенію, *могутъ быть объяснены только недо-*

статкомъ вниманія къ требованіямъ закона, отъ точнаго исполненія которыхъ зависитъ правильность отправленія высокихъ обязанностей правосудія. При внимательномъ обсужденіи предложенныхъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросовъ судъ не могъ бы не усмотрѣть — что ставя вопросы (1, 5, 8, 11, 14, 18 и 21) о событіи преступленія и совершеніи его каждымъ изъ подсудимыхъ..... при отсутствіи въ процессѣ указанія на какую либо причину невмѣняемости, онъ прямо опредѣляетъ этими вопросами виновность подсудимыхъ, т. е. ставитъ вопросъ о виновности, хотя во главѣ каждаго изъ нихъ не употреблено слова «виновенъ ли», и что слѣдовательно, постановляя затѣмъ вопросы 2, 6, 9, 12, 15, 19 и 22 о виновности каждаго изъ подсудимыхъ, онъ вторично вопрошаетъ о томъ же, о чемъ вопрошалъ уже въ предыдущихъ вопросахъ, и даетъ присяжнымъ засѣдателямъ поводъ полагать, что они имѣютъ право, признавъ подсудимаго, совершившаго преступленіе сознательно и съ намѣреніемъ, признать его въ то же время невиновнымъ, т. е. не вмѣнить ему въ вину совершеніе преступнаго дѣянія не по указанной въ законѣ причинѣ, а по своему произволу, каковаго права, равносильнаго съ прощеніемъ, законъ имъ вовсе не предоставляетъ. Кромѣ того правительствующій сенатъ нашелъ раздѣленіе судомъ совокупнаго вопроса о виновности — явнымъ нарушеніемъ ст. 754 устава уголовнаго судопроизводства, ибо эта статья допускаетъ раздѣленіе общаго или совокупнаго вопроса только въ случаѣ основательности возбужденнаго кѣмъ либо сомнѣнія, по которому либо изъ означенныхъ выше составныхъ частей виновности; — по настоящему же дѣлу никѣмъ по вопросу о вмѣненіи сомнѣнія не возбуждалось, и, слѣдовательно, окружный судъ не имѣлъ законнаго основанія для раздѣленія главнаго вопроса на его составныя части. Если допустить, что окружный судъ раздѣлилъ этотъ вопросъ на двѣ части потому, что по дѣлу былъ предъявленъ гражданскій искъ, — руководствуясь въ этомъ отношеніи кассаціонными рѣшеніями 1875 г., № 463, 575, —1877 г. № 18, —то и въ такомъ случаѣ раздѣленіе вопроса представляется не имѣющимъ основанія, такъ какъ въ приведенныхъ рѣшеніяхъ объяснено, что раздѣленіе вопроса о виновности постановкою отдѣльнаго вопроса о событіи преступленія обязательно только при заявленіи по сему предмету со стороны гражданскаго истца, — котораго по настоящему дѣлу не было. Но и въ случаѣ такого ходатайства, при неимѣніи въ виду заявленія сомнѣнія о вмѣненіи въ вину подсудимымъ совершеннаго дѣянія, — судъ имѣетъ основаніе выдѣлить изъ общаго вопроса о виновности только вопросъ о событіи преступленія, такъ какъ постановка совокупнаго вопроса о событіи и совершеніи обвиняемыми преступленія и отдѣльно вопроса о виновности ихъ, безъ особаго вопроса объ одной изъ законныхъ причинъ невмѣняемости, неизбѣжно будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ противорѣчіе въ рѣшеніи присяжныхъ засѣдателей въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на 1-ый и отрицательнаго на 2-ой изъ этихъ вопросовъ. Такимъ

образомъ, оканчиваетъ свои соображенія правительствующій сенатъ, вслѣдствіе объясненной выше неправильной постановки вопросовъ окружнымъ судомъ, присяжные засѣдатели постановили такое рѣшеніе относительно пяти подсудимыхъ, которое заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, вслѣдствіе чего это рѣшеніе, какъ равно и основанный на немъ приговоръ суда въ отношеніи этихъ подсудимыхъ, не могутъ быть признаны имѣющими силу судебнаго рѣшенія и подлежатъ отмѣнѣ (рѣшеніе 1884 г. № 13).

Нельзя не согласиться съ рѣшеніемъ правительствующаго сената по дѣлу Мельницкаго относительно неправильности постановки вопросовъ московскимъ окружнымъ судомъ. Доводы правительствующаго сената совпадаютъ съ доводами прокурорскаго протеста по дѣлу Вашенцовой, а также съ моимъ вышеуказаннымъ разборомъ рѣшенія правительствующаго сената по этому дѣлу.

Въ означенномъ протестѣ въ качествѣ третьяго повода кассаціи указывалось, что третій вопросъ *(о виновности)* при наличности перваго (о событіи преступленія и совершеніи его извѣстнымъ лицомъ) и втораго (о законной причинѣ невмѣненія) предоставляется совершенно излишнимъ,— такъ какъ два первые вопроса исчерпывали окончательно три составныя начала, изъ коихъ слагается главный вопросъ о виновности, такимъ образомъ третьимъ вопросомъ присяжные вторично вопрошались на вопросъ о виновности подсудимой,— при чемъ присяжные могли признать подсудимую и виновною и невиновною.

Такое же въ существѣ возраженіе дѣлаетъ и правительствующій сенатъ по дѣлу Мельницкихъ противъ постановки перваго и втораго вопроса о каждомъ изъ подсудимыхъ по означенному дѣлу. Но по дѣлу Вашенцовой въ 1870 году правительствующій сенатъ одобрилъ такую же постановку вопроса о виновности послѣ двухъ вопросовъ,—включавшихъ въ себѣ всѣ элементы совокупнаго вопроса о виновности,—въ виду ст. 7-ой учрежденія судеб. установ., а также вслѣдствіе соображенія, —что при утвердительномъ отвѣтѣ на первый вопросъ и отрицательномъ на второй — вопросъ о томъ, слѣдовало бы вмѣнить подсудимой совершенное ею дѣяніе, остался бы вовсе не разрѣшеннымъ со стороны присяжныхъ,— ибо недоказанность указанной во второмъ вопросѣ причины невмѣненія не исключала возможности невмѣненія подсудимой совершеннаго ею дѣянія по другимъ причинамъ [9]). Такимъ образомъ, совершенно очевидно, что правительствующій сенатъ своимъ рѣшеніемъ по дѣлу Вашенцовой, а именно: послѣднимъ доводомъ о необходимости третьяго вопроса о виновности послѣ первыхъ двухъ вопросовъ *далъ* основаніе для постановки вопросовъ московскаго окружнаго суда по дѣлу Мельницкихъ и что такимъ образомъ рѣшеніе сената по послѣднему дѣлу является значительнымъ поворотомъ въ доктринѣ сената.

Противъ защищаемаго мною положенія о томъ, что постановка вопросовъ по дѣлу Мельницкихъ сообразовалась съ предшествующей доктри-

ной правительствующаго сената, правда, можно сдѣлать нѣсколько возраженій. Такъ, можно возразить, что по дѣлу Вашенцевой былъ возбужденъ и поставленъ вопросъ о спеціальной причинѣ невмѣненія (вопросъ третій); чего по дѣлу Мельницкихъ не было,—и что именно при отсутствіи таковаго вопроса по этому дѣлу и нельзя сопоставлять и сравнивать между собою постановки вопросовъ по указаннымъ двумъ дѣламъ, тѣмъ болѣе, что и правительствующій сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Мельницкихъ указываетъ на отсутствіе этого вопроса, какъ на обстоятельство, по которому окружной судъ не имѣлъ основанія раздѣлять совокупный вопросъ о виновности на его составныя части.—Такое возраженіе, не смотря на его кажущуюся основательность, было бы однако совершенно невѣрно. По дѣлу Вашенцевой правительствующій сенатъ положительно высказался,—что вопросъ по формулѣ «*виновенъ*» требуется и при наличности рядомъ съ нимъ стоящаго вопроса о «невмѣненіи» по спеціальной законной причинѣ,—такъ какъ отвергнувъ данную причину, присяжные могутъ не вмѣнить дѣянія по другимъ причинамъ.—Слѣдуя этому указанію, московскій окружный судъ могъ несомнѣнно разсуждать такимъ образомъ: разъ признано необходимымъ обезпечить за присяжными право не вмѣнять дѣянія по причинамъ, въ вопросѣ не указаннымъ, и судомъ непредусмотрѣннымъ (вопросъ третій по дѣлу Вашенцевой),—при наличности вопроса о спеціальной законной причинѣ невмѣненія, судомъ предусмотрѣнной (вопросъ второй по тому же дѣлу), — то такое право должно принадлежать присяжнымъ—и даже a fortiori—и въ томъ случаѣ,—если вопроса о спеціальной причинѣ «невмѣненія» имъ поставлено вовсе не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно объяснить щедроту въ одномъ случаѣ и ограниченіе въ другомъ. Вѣдь по дѣлу Вашенцевой присяжные должны были разрѣшить третій вопросъ,—*виновна* ли подсудимая въ означенномъ въ первомъ вопросѣ дѣяніи, подъ условіемъ отрицательнаго рѣшенія втораго вопроса о спеціальной причинѣ невмѣненія; значитъ разрѣшеніе этого третьяго вопроса о «виновности подсудимой» въ дѣйствительности происходило при такихъ условіяхъ, какъ если бъ имъ совсѣмъ вопроса о спеціальной причинѣ невмѣненія поставлено не было. Лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго служитъ то обстоятельство, — что если бъ присяжные по дѣлу Вашенцевой, утвердивъ первый вопросъ, отвѣтили бы отрицательно на вопросъ второй и отрицательно на вопросъ третій,—на что они имѣли несомнѣнно право,—то получилось бы точно такое же противорѣчіе въ отвѣтахъ, которое правительствующимъ сенатомъ найдено въ рѣшеніи присяжныхъ по дѣлу Мельницкихъ. Можно далѣе замѣтить,—что во всякомъ случаѣ, если московскій судъ считалъ нужнымъ выдѣлить вопросъ о событіи преступленія, то онъ не долженъ былъ совмѣщать въ одномъ вопросѣ обстоятельства событія и совершенія преступленія опредѣленнымъ лицомъ.—Поэтому можно бы сказать,—что московскій окружный судъ въ этомъ отношеніи допустилъ несомнѣнную неправильность. Но если обратиться къ рѣше-

нію правительствующаго сената по дѣлу Вашенцевой, то окажется,—что согласно этому рѣшенію, неправильности и по указанному предмету не было. И, дѣйствительно, по этому дѣлу правительствующій сенатъ не призналъ неправильнымъ сочетанія двухъ обстоятельствъ: событія преступленія и совершенія его подсудимымъ — не смотря на возраженіе прокурорскаго протеста о нарушеніи такимъ сочетаніемъ ст. 756 уст. угол. судопр.— замѣтивъ, что при выдѣленіи вопроса, возбуждающаго сомнѣніе (въ данномъ случаѣ о законной причинѣ невмѣненія) не было никакой необходимости остальные вопросы, входящіе въ общій вопросъ о виновности ставить отдѣльно. Мнѣ остается, наконецъ, разсмотрѣть послѣдній доводъ, выставленный въ рѣшеніи правительствующаго сената по дѣлу Мельницкихъ противъ правильности постановки вопросовъ по этому дѣлу, доводъ, состоящій въ томъ, что вопросъ о событіи преступленія былъ поставленъ судомъ безъ *законнаго* основанія. Правительствующій сенатъ даетъ при этомъ слѣдующее руководящее разъясненіе: такой вопросъ можетъ быть поставленъ либо при наличности возбужденнаго кѣмъ либо основательнаго сомнѣнія по какому либо изъ составныхъ понятій, входящихъ въ совокупный вопросъ о виновности, — либо при положительномъ требованіи о постановкѣ вопроса о событіи преступленія гражданскимъ истцомъ,—а между тѣмъ ни того, ни другого по дѣлу Мельницкихъ не было. Это разъясненіе правительствующаго сената является сравнительно съ его прежней практикой новымъ. Можно отмѣтить прежде всего, что правительствующій сенатъ, требуетъ «*основательнаго* сомнѣнія» для выдѣленія вопроса о событіи преступленія—между тѣмъ текстъ ст. 754 не даетъ опоры такому требованію. Напротивъ, допуская выдѣленіе вопроса о событіи преступленія когда кѣмъ либо возбуждено сомнѣніе о томъ, что событіе преступленія совершилось,—говоря въ послѣдней части о «какомъ либо сомнѣніи»—ст. 754 по смыслу своему даетъ широкій просторъ суду. Такъ и понималась эта статья въ предшествующихъ рѣшеніяхъ правительствующаго сената. Такъ въ рѣшеніи по дѣлу Брюхова (1872 г., № 690) было разъяснено, что выдѣленіе вопроса о событіи преступленія зависитъ отъ того, признаетъ ли судъ, что судебное слѣдствіе или судебныя пренія возбуждаютъ въ этомъ отношеніи какое либо сомнѣніе,—при чемъ заключеніе суда объ этомъ не подлежитъ повѣркѣ сената. Далѣе правительствующій сенатъ усматриваетъ нарушеніе судомъ ст. 754, въ томъ, что судъ выдѣлилъ вопросъ о событіи безъ заявленія о томъ требованія какой либо стороны. Противъ этого можно замѣтить, что именно такое право суда было за нимъ признано въ рѣшеніи правительствующаго сената 1873 г., № 208 Мѣшкова и Миронова. Прежняя практика правительствующаго сената представляется мнѣ по отношенію къ вопросу о широтѣ власти суда относительно редакціи вопросовъ болѣе правильною. Нельзя забывать, что значительная широта въ этомъ отношеніи полномочій суда явствуетъ изъ основной статьи главы 9 отдѣленія 1: «Постановленіе вопросовъ при рѣшеніи дѣлъ,

ст. 751» и крайне обильной, разъясняющей эту статью сенатской практики. Эта широта ограничивается либо прямымъ предписаніемъ закона процессуальнаго (ст. 752, 755—759), либо правомочіями, лежащими въ основаніи процессуальной дѣятельности сторонъ (ср. сен. рѣшеніе 69 570 *Дмитріева*). Едва ли существуютъ основанія процессуальной цѣлесообразности — ограничивать судъ въ этомъ отношеніи: такимъ ограниченіемъ отнимается у суда возможность избѣгать въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжелой и неуклюжей редакціи, обусловленной скопленіемъ фактическихъ и юридическихъ моментовъ въ вопросѣ о виновности.

Въ частности постановка вопроса о событіи преступленія московскимъ окружнымъ судомъ вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что нужно было связать виновность въ пособничествѣ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ съ виновностью лица,— уже осужденнаго по другому дѣлу. При такой связи, даваемой соучастіемъ, необходимость постановки вопроса о событіи преступленія признавалась правительствующ. сенатомъ въ случаяхъ совмѣстнаго сужденія подстрекателя и физическаго виновника ($^{71}/_{1977}$ Андреева, $^{76}/_{207}$ Яковлева). Въ дѣлѣ Мельницкихъ судился пособникъ, при томъ лица уже осужденнаго, относительно котораго вопросъ не могъ быть постановленъ иначе, какъ въ формѣ вопроса о событіи преступленія. Капитальная ошибка московскаго суда была не въ постановкѣ вопроса о событіи преступленія, вопроса, вызывавшагося указанными соображеніями, а въ соединеніи въ одномъ вопросѣ и событія преступленія, и указанія на совершеніе его подсудимымъ,—при чемъ, вслѣдъ затѣмъ, ставился вопросъ о его виновности.

Соглашаясь такимъ образомъ относительно правильности осужденіе этой капитальной ошибки, бывшей наслѣдіемъ долгой практики,—непріостановленной въ свое время въ 1870 г., а напротивъ одобренной правительствующимъ сенатомъ во много разъ мною цитованномъ рѣшеніи — я не могу признать правильнымъ способа постановки вопросовъ, подробно указаннаго сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Свиридова, по соображеніямъ, развитымъ мною въ моей статьѣ 1879 года [10]). Вмѣсто вопроса о совершеніи преступленія извѣстнымъ лицомъ при наличности рядомъ съ такимъ вопросомъ — вопроса о спеціальной причинѣ невмѣненія должно ставить вопросъ по формулѣ «*виновенъ*» — при чемъ противорѣчіе избѣгается, если присяжнымъ будетъ разъяснено о необходимости отрицательнаго отвѣта на первый вопросъ при наличности утвердительнаго на второй.

Возвращаюсь къ г. Волжину. При разборѣ рѣшенія по дѣламъ Мельницкаго и Свиридова г. Волжинъ утверждаетъ,—что въ случаяхъ раздробленія совокупнаго вопроса на три: о событіи, принадлежности дѣянія подсудимому и законной причинѣ невмѣненія — согласно рѣшенія сената по дѣлу Свиридова, всетаки требуется четвертый вопросъ о виновности. Такимъ образомъ, г. Волжинъ остается защитникомъ постановки вопросовъ тульскаго окружнаго суда по дѣлу Вашенцовой.

Г. Волжинъ ссылается на то, что кромѣ законныхъ причинъ, освобождающихъ отъ наказанія и перечисленныхъ въ ст. 92, существуютъ и другія, которыя совѣсть присяжныхъ можетъ констатировать своими оправдательными вердиктами. Поэтому при постановкѣ трехъ указанныхъ вопросовъ нельзя обойтись безъ *четвертаго*—о виновности. Сверхъ того по доктринѣ правительствующаго сената по дѣламъ Мельницкаго и Свиридова присяжные лишены возможности выразить, что подсудимый заслуживаетъ *снисхожденія* [11]). Эти соображенія, по мнѣнію моему, прямо ведутъ къ освященію вовсе нежелательнаго *всемогущества* присяжныхъ. Г. Волжинъ указываетъ, что помимо *юридическихъ* причинъ невмѣненія существуютъ какія-то другія.

Но одно изъ двухъ: или вопросъ о вмѣняемости и вмѣненіи—вопросъ юридическій и тогда другихъ причинъ, кромѣ существующихъ въ законѣ, судъ признавать не можетъ—или же вопросъ о вмѣняемости и вмѣненіи не только юридическіе, но и фактическіе — тогда изъ этого слѣдовало бы, — что никакого спеціальнаго вопроса о причинахъ, исключающихъ вмѣняемость, ставить не должно. Какой смыслъ въ самомъ дѣлѣ при такой доктринѣ имѣютъ такіе вопросы? Развѣ большее полномочіе не дѣлаетъ излишнимъ меньшее полномочіе? Институтъ присяжныхъ есть юридическій институтъ, есть институтъ «подзаконный» по вѣрному выраженію нашего извѣстнаго процессуалиста и видѣть въ немъ коррективъ закона значитъ предоставить ему величайшій произволъ въ дѣлѣ закона. Обыкновенно обращаютъ вниманіе на тѣ случаи, гдѣ присяжные своимъ рѣшеніемъ исправляютъ дурной законъ, но при этомъ не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что разъ, держась доктрины г. Волжина, присяжные могутъ исправить во вредъ дѣлу самый лучшій законъ. Единственно, что можно сказать,—это, что присяжные имѣютъ фактическую возможность оправдать подсудимаго при наличности вины. Въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ такое рѣшеніе можетъ считаться согласнымъ даже съ правовымъ сознаніемъ,—но къ такимъ рѣшеніямъ и слѣдуетъ относиться какъ къ сингулярнымъ фактамъ, а не связывать ихъ съ полномочіями, побуждающими присяжныхъ давать свое рѣшеніе несогласно съ существующимъ закономъ. А между тѣмъ именно къ этому приводитъ четвертый вопросъ, требуемый г. Волжинымъ.

Защищая такую постановку вопросовъ, — при которой формула: «совершилъ ли такой-то такое то дѣяніе», — не допускается и замѣняется формулой «виновенъ ли»—при чемъ второй вопросъ ставится о законной причинѣ невмѣненія,—я полагаю, что такой постановкой вопросовъ устраняются вредныя послѣдствія, справедливо отмѣченныя правительствующимъ сенатомъ въ постановкѣ вопросовъ по дѣламъ Мельницкаго и Свиридова. Вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяется и требованіе г. Волжина о непремѣнной наличности среди другихъ вопросовъ, вопроса *о виновности*,—*лишь поставляемаго въ иной связи* и получающаго значеніе вопроса *о совершеніи дѣянія* преступнаго передъ закономъ по своимъ

признакамъ, — объективнымъ и субъективнымъ, а не вопроса, побуждающаго присяжныхъ становиться превыше закона, путемъ признанія неизвѣстныхъ закону и произвольныхъ причинъ *невмѣняемости* и *невмѣненія* послѣ отрицанія наличности таковыхъ законныхъ *причинъ*.

---

1) Glaser, *Schwurgerichtliche Erörterungen, die Fragestellung im schwurgerichtlichen Verfahren*, стр. 67.

2) Указанное изд. 1879 г., книга шестая *„О постановкѣ вопросовъ присяжнымъ при возбужденіи вопроса о невмѣненіи“*.

3) См. Журналъ гражданскаго уголовнаго права, 1879 года, указан. статья, стр. 93.

4) Волжинъ, о постановкѣ вопросовъ на судѣ, жур. гр. угол. права 1888 г. и для стр. 17—28.

5) Противъ постановки вопроса о цѣлостномъ понятіи преступленія ср. Hugo Meyer въ *Holtzendorff Handbuch*, II, стр. 53,—гдѣ Hugo Meyer замѣчаетъ, что несвѣдущіе въ правѣ лица легче могутъ отвѣчать на вопросъ о составныхъ признакахъ, входящихъ въ понятіе преступленія, чѣмъ о цѣлостномъ понятіи преступленія. *Hélie*, *Traité d'instruction criminelle*, называетъ mauvaise французскую практику,—по которой присяжныхъ спрашиваютъ о виновности подсудимаго въ *tel meurtre*, *tel vol;* S. Meyer, *Commentar zur österreichischer Strafprozessordnung* указываетъ по поводу ст. 318 австрійскаго уст. уг. суд. требующаго помѣщенія въ вопросахъ присяжныхъ „законныхъ признаковъ преступленія“, на неправильность вопроса: „виновенъ ли обвиняемый въ обманѣ, банкротствѣ и т. д.“. Наконецъ, *Stenglein* въ работѣ, посвященной вопросу о примѣненіи на практикѣ германскаго устава уг. суд. (*Bemerkungen zur Revision der deutschen Strafprozessordnung*, II, Gerichtssaal 1883 г., т. 34) настаиваетъ на опасности помѣщенія однихъ юридическихъ признаковъ въ вопросѣ присяжнымъ въ виду невозможности контроля относительно правильности подведенія присяжными фактическихъ моментовъ подъ юридическій признакъ—и, поэтому требуетъ на ряду съ указаніемъ юридическихъ признаковъ въ вопросахъ указанія соотвѣтствующихъ имъ фактическихъ моментовъ. Нужно ли говорить,—что опасность, отмѣчаемая Stenglein, крайне усиливается при принятіи предложенія г. Волжина?

6) По предмету дробленія вопросовъ и ст. 754 ср. ст. г. Щегловитова о постановкѣ вопросовъ на судѣ присяжныхъ, *Юрид. Вѣстн.*, май 1888 — гдѣ авторъ высказывается за необходимость полнаго упраздненія этой статьи, указывая на связанныя съ нею процессуальныя неудобства. Не имѣя возможности входить въ разборъ статьи г. Щегловитова,—замѣчу, что многія изъ указанныхъ имъ неудобствъ—*мнимыя* и что весьма серьезныя основанія говорятъ въ пользу постановки вопроса *о событіи* преступленія.

7) Приведу два первые вопроса о Борисѣ Мельницкомъ: 1) доказано ли, что 3 ноября 1876 года, когда бывшимъ казначеемъ московскаго воспитательнаго дома Ѳеодоромъ Иліодоровымъ Мельницкимъ были самовольно обращены въ свою пользу находившіяся у него по службѣ и принадлежащія воспитатель-

ному дому деньги, въ количествѣ 307,500 руб., сынъ его, Борисъ Ѳеодоровъ Мельницкій, по предварительному съ нимъ, Ѳеодоромъ Мельницкимъ, соглашенію помогъ послѣднему изъ корыстныхъ видовъ совершить вышеозначенное дѣяніе тѣмъ, что принялъ отъ Ѳеодора Мельницкаго, по выходѣ его изъ отдѣленія государственнаго банка тѣ деньги къ себѣ, — и скрылъ ихъ сперва въ занимаемой имъ квартирѣ въ г. Москвѣ, — а потомъ въ селѣ Покровскомъ, Корчевскаго уѣзда, при чемъ часть изъ этихъ денегъ... издержалъ и раздалъ другимъ лицамъ; 2) если описанное въ томъ вопросѣ дѣяніе совершилось, то виновенъ ли въ немъ вышеупомянутый Борисъ Ѳеодоровъ Мельницкій, 21 года. Затѣмъ о Борисѣ Мельницкомъ было поставлено еще два вопроса,—о *необходимости* пособничества—и о легкомыслiи и обязательствѣ добровольно вознаградить потерпѣвшаго убытки?

[8]) Ср. вышеуказ. статью въ жур. гр. и угол. права.

[9]) Сборникъ рѣшеній угол. касс. департамента правит. сената за 1870 годъ, первое полугодіе, рѣшеніе по дѣлу крестьянки Вашенцовой, № 488, стр. 717.

[10]) Жур. гр. уг. права 1879 г. указ. статья, стр. 93. 1

[11]) Указ. ст., стр. 41—43.

А. Вульфертъ.

О ВАКУФАХЪ ВЪ САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ

Права поземельной собственности, какъ и всѣ права по гражданскому быту мусульманъ, основаны на постановленіяхъ религіи. Мусульманскіе законы съ особенною заботливостью отнеслись къ праву владѣнія землею; они до мельчайшихъ подробностей разъяснили, кто, когда и при какихъ обстоятельствахъ и условіяхъ можетъ владѣть землею и какою именно. Эта заботливость особенно сильно сказалась на вакуфныхъ земляхъ — одной изъ самыхъ любопытныхъ чертъ поземельнаго устройства нашихъ далекихъ восточныхъ окраинъ.

Въ нынѣшней Самаркандской области, при прежнихъ бухарскихъ эмирахъ, земли, состоявшія подъ обработкою, въ пользованіи населенія, по праву владѣнія ими, раздѣлялись на три главныхъ класса: 1) земли государственныя «амлякъ»»; 2) земли владѣльческія, «милькъ», и 3) земли духовныхъ учрежденій и фамилій «вакуфъ».

Землями государственными податными, «амлякъ», назывались всѣ земли, владѣльцы которыхъ уплачивали разнаго рода казенные налоги; землями собственности «милькъ» назывались земли, освобожденныя отъ казенныхъ налоговъ въ пользу владѣльцевъ непосредственныхъ или владѣльцевъ, пользовавшихся съ своихъ «мильковъ» одними налогами, при чемъ самое пользованіе землею принадлежало податному населенію, платившему налоги владѣльцу «милька» (милькодару), и, наконецъ, землями «вакуфъ» назывались земли, свободныя отъ казеннаго обложенія, или вполнѣ, или частію, смотря по условіямъ, обозначеннымъ въ завѣщательномъ актѣ (вякфѣ). Вакуфныя имѣнія завѣщались съ религіозными цѣлями, и они на практикѣ служили источникомъ матеріальнаго обезпеченія духовныхъ мусульманскихъ учрежденій, какъ-то: медрессе, мечетей, кладбищъ и гробницъ святыхъ.

Въ началѣ существовалъ одинъ единственный видъ вакуфа: вакифъ (завѣщатель), посвященіемъ имущества, лишалъ себя навсегда права собственности на объектъ посвященія; въ основаніи вакуфа лежала только богоугодная цѣль или общественная польза; но затѣмъ, кромѣ благо-

творительнаго вакуфа (одмъ), явились еще два новыхъ вида его — это: вакуфъ родовой (аулядъ) и вакуфъ смѣшанный. Вакуфъ-аулядъ — это такой вакуфъ, который посвящался въ исключительное пользованіе потомства. При смѣшанномъ же вакуфѣ, часть вакуфныхъ доходовъ поступаетъ на дѣла благотворительности, а часть идетъ въ пользу потомковъ завѣщателя. Вакуфы благотворительные (одмъ) учреждались эмирами, ханами, рѣже частными лицами; вакуфы же родовые (аулядъ) и смѣшанные обязаны своимъ существованіемъ исключительно частнымъ лицамъ.

Документы на всѣ благотворительные вакуфы составлялись, обыкновенно, нѣсколькими казіями [1]), скрѣплялись, на основаніи шаріата, муфтіями [2]) и утверждались печатями хановъ и эмировъ. Въ документахъ (вякфъ-наме) всегда оговаривалось: въ правленіе какого хана или эмира, по чьему повелѣнію выданъ документъ; строго опредѣлялись границы отчуждаемыхъ въ вакуфъ земель, селеній или угодій и точно указывались видъ и способъ представляемаго пользованія.

Вакуфы второй категоріи (аулядъ и смѣшанные), пожертвованные, главнымъ образомъ, въ пользу безраздѣльнаго пользованія потомковъ завѣщателя и только частію на благотворительность, учреждались документами, совершаемыми у казіевъ, при жизни вакуфодателей, или по ихъ духовнымъ завѣщаніямъ. Отданное въ вакуфъ имущество поступало или въ полное распоряженіе благотворительныхъ учрежденій, или съ нѣкоторыми ограниченіями, или же, какъ это часто бывало при крупныхъ пожертвованіяхъ, вакуфодатель, желая сохранить свое недвижимое имущество и капиталы нераздѣльными (по шаріату вакуфное имущество не дѣлится), отдавали имущество въ вакуфъ, оговаривая въ документѣ, что право распоряженія этимъ имуществомъ и полученіе отъ него доходовъ они оставляютъ за собой при жизни, а по смерти за достойнѣйшимъ изъ своихъ прямыхъ наслѣдниковъ, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстную часть сего дохода на поддержку и расходы того учрежденія, въ пользу котораго имущество пожертвовано.

Главнѣшія и неотъемлемыя свойства всякаго вакуфа состоятъ прежде всего въ томъ, что съ момента посвященія имущество иммобилизируется, т. е. право распоряженія имъ, въ отношеніи отчужденія его, теряется для собственника; но право это не переходитъ также къ лицамъ или установленіямъ, въ пользу коихъ имущество посвящено. По шаріату, право собственности на всякое посвящаемое имущество на вѣчныя времена переходитъ къ Богу, какъ къ дѣйствительному собственнику всѣхъ имуществъ въ мірѣ; доходами же и прибылью съ посвященныхъ имуществъ пользуются, въ предѣлахъ договорнаго акта (вякфа), тѣ лица и учрежденія, коимъ вакуфъ сдѣланъ.

По шаріату, мусульманскіе владѣтели, государи, имѣютъ надъ поземельною собственностью ту же власть, какъ и Творецъ міра, т. е. они считаются единственными собственниками всѣхъ земель.

Къ такому умозаключенію мусульманскіе законоучители пришли по

нижеслѣдующимъ соображеніямъ: въ Коранѣ говорится: «всѣ земли во всемъ мірѣ принадлежатъ Богу, какъ Творцу всего существующаго; распредѣленіе земель, какъ и всѣхъ земныхъ благъ совершается по волѣ Всевышнаго между тѣми людьми, которыхъ Онъ, по благости Своей, къ тому избралъ; обладаніе надъ землями и право распредѣленія ихъ между людьми, переданы Богомъ тѣни Его на семъ мірѣ: пророку Ислама Магомеду». О дальнѣйшей передачѣ этихъ правъ въ Коранѣ нѣтъ вовсе указаній; равнымъ образомъ и самъ Магомедъ умолчалъ о томъ, кто именно долженъ наслѣдовать ему въ правахъ и власти. Но тѣмъ не менѣе по смерти Магомеда, въ видахъ политической необходимости, установились имамства, т. е. наслѣдіе по пророкѣ и право обладанія надъ землями перешло такимъ образомъ отъ пророка къ имамамъ, какъ къ преемникамъ духовной и свѣтской власти; въ позднѣйшія же затѣмъ времена переходъ сего права къ настоящимъ свѣтскимъ властямъ основанъ былъ на томъ предположеніи, что они законные преемники во власти имамовъ. По шаріату, право свѣтскихъ властителелей надъ землями должно проявляться только въ тѣхъ предѣлахъ, которые, по Корану, присущи Творцу всѣхъ земныхъ имуществъ, т. е. въ предѣлахъ верховнаго обладанія землями. Имамы и свѣтскіе властители въ отношеніи къ вакуфнымъ имуществамъ являются лишь какъ собственники, т. е. верховные обладатели этихъ имуществъ; но они не могутъ распоряжаться существомъ посвящаемаго имущества и пользоваться доходами съ него, если только объ этомъ правѣ не будетъ упомянуто въ актѣ посвященія. Всѣ благотворительные вакуфы (одмъ) не подлежатъ, по шаріату, ни конфискаціи, ни наложенію запрещенія секвестра или ареста; они не отвѣтствуютъ за долги вакифа, даже въ случаѣ его несостоятельности.

Мусульманское духовенство, вообще, сочувственно относилось къ учрежденію вакуфовъ, во 1-хъ, въ виду благочестивой и благотворительной цѣли подобныхъ учрежденій и, во 2-хъ, въ виду личной пользы самого духовенства: вакуфы въ томъ случаѣ, когда они не предназначаются опредѣленнымъ личностямъ, состоятъ подъ надзоромъ, управленіемъ и охраною духовныхъ лицъ, которыя въ этомъ случаѣ пользуются вознагражденіемъ, слѣдующимъ имъ за исполненіе обязанностей управителей вакуфныхъ имѣній (мутеваллій).

Въ разъясненіе вопроса о законности вакуфовъ-аулядъ, въ книгѣ «Фатваи-Ибрагимъ-Шаги» мы находимъ указаніе на то, что вакуфы подобнаго рода—учрежденіе вполнѣ законное и при томъ богоугодное. Авторъ этого сочиненія, путемъ теоретическаго разсужденія, подкрѣпленнаго ссылками и цитатами изъ сочиненій различныхъ мусульманскихъ законоучителей, въ особенности главнаго сунитскаго имама Азама и двухъ его учениковъ: Абду-Юсуфа и Мухамеда, приходитъ къ заключенію, что учрежденіе вакуфовъ-аулядъ основано на правѣ каждаго свободнаго собственника отчуждать свое имущество, кому онъ захочетъ и какъ захочетъ; а потому посвященіе имущества потомкамъ и не можетъ противорѣчить духу ислама.

Отъ обыкновеннаго права по наслѣдству, вакуфъ-аулядъ отличается тѣмъ, что въ первомъ случаѣ передается полное право собственности на все, свободное отъ долговъ, имущество; во второмъ же, при посвященіи потомкамъ, имущество иммобилизируется, а доходы съ него оставляются въ пользу потомковъ завѣщателя.

Возникновеніе въ Самаркандской области вакуфовъ-аулядовъ, главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что при прежнемъ бухарскомъ деспотическомъ правленіи, когда не только имущество, но и личныя права частныхъ лицъ не были гарантированы отъ произвола того или другаго правителя, состоятельные люди, желая упрочить свое имущество еще при жизни за своими прямыми наслѣдниками, находили въ учрежденіи подобныхъ вакуфовъ весьма удобную для себя лазейку, а представители религіи поощряли и узаконяли подобное учрежденіе своимъ авторитетомъ, потому что развитіе такихъ понятій въ народѣ не только не шло въ разрѣзъ съ личными интересами духовенства, а напротивъ приносило ему прямую пользу въ томъ случаѣ, когда представители религіи дѣлались мутавалліями, т. е. управителями вакуфовъ. Если же за симъ принять во вниманіе, что мусульманскіе правители (эмиры, ханы, беки) суть не исключительно власти свѣтскія, а и представители религіи, и во взглядахъ ихъ преобладалъ теократическій элементъ, то легко понять, почему вакуфы-аулядъ, какъ учрежденія духовныя, могли узакониться и окрѣпнуть при бухарскихъ правителяхъ, хотя всякій такой вакуфъ наносилъ государству матеріальный ущербъ, ибо всѣ имѣнія подобнаго рода освобождались отъ государственныхъ налоговъ.

Можетъ быть, многіе изъ бухарскихъ государей въ душѣ и не сочувствовали вакуфнымъ учрежденіямъ, но тѣмъ не менѣе они, не смотря на всю неограниченную власть свою и своеволіе во всѣхъ прочихъ дѣйствіяхъ, не могли открыто проявить посягательства своего на эти посвященныя имущества, охраняемыя, по шаріату, самимъ Богомъ. Убѣдительнѣйшимъ примѣромъ и доказательствомъ невозможности посягательства свѣтской власти на имѣнія, объявленныя посвященными, служитъ слѣдующій историческій фактъ: Хаджаджъ, намѣстникъ халифа Велида въ Иракѣ, покусившись на богатство персидскаго Дикана, Файруза,—обвинилъ его въ измѣнѣ и въ отступничествѣ отъ ислама, и, приговоривъ его къ смерти, приказалъ захватить всѣ имѣнія и имущество его. Передъ казнію, Файрузъ объявилъ джемоэту, собравшемуся народу, что онъ, во исполненіе повелѣній пророка, прощаетъ всѣмъ должникамъ своимъ ихъ долги, а остальное имущество свое посвящаетъ на богоугодныя дѣла. Съ этого момента, имущество Файруза сдѣлалось неприкосновеннымъ, духовенство приняло оное въ свое завѣдываніе и Хаджаджъ, не смотря на свою власть, не могъ присвоить себѣ богатство Файруза [3]).

Въ Самаркандской области существуетъ чрезвычайно много разнаго рода вакуфныхъ имѣній: духовныхъ (одмъ), аулядовъ и смѣшанныхъ.

Въ одномъ Катта-Курганскомъ уѣздѣ насчитывается ихъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 300.

Документы, установляющіе вакуфныя права на земли, давно уже представлены заинтересованными лицами и учрежденіями (маукуфюнъ-алейхи) въ Самаркандское областное правленіе, и будущей поземельно-податной коммиссіи (прил. къ ст. 255 (примѣч.) пол. объ упр. Турк. к.) предстоитъ не мало труда, чтобы разобрать всѣ эти документы, провѣрить подлинность и содержаніе каждаго изъ нихъ.

Изъ документовъ этихъ [4]) обращаетъ на себя особое вниманіе документъ эмира Хайдара 1229 г. (по христіанскому лѣтоисчисленію 1812 г.) на вакуфъ одмъ двухъ Самаркандскихъ медрессе Ширъ-Даръ и Тилля-Кари. Прежде чѣмъ коснуться содержанія самаго документа, я считаю не лишнимъ познакомить читателя съ имѣющеюся въ концѣ этого документа припискою, за печатью эмира Хайдара, озаглавленною «Повѣсть». Въ припискѣ этой, между прочимъ, разсказывается слѣдующее: «Въ то время, когда нѣкоторые злоумышленники изъ узбековъ и цѣлыя волости мятежниковъ, отложившись отъ бухарскаго хана Абуль-Фейзъ [5]), противостали противъ него, произвели бунтъ въ народѣ и, выбравъ ханомъ себѣ Раджабъ-Хана, ходили изъ Самарканда подъ его начальствомъ въ Бухару, гдѣ и понесли пораженіе, то одновременно съ этимъ было нашествіе калмыковъ на киргизъ, при чемъ послѣдніе, будучи разбиты первыми, отодвинулись въ мѣстность Мавара-Унарь [6]), гдѣ и приняты были Раджабъ-Ханомъ, который, увеличивъ, такимъ образомъ, свои войска, снова двинулъ ихъ подъ Бухару и нанесъ ей сильное пораженіе. Раджабъ-Ханъ, произведя въ краѣ смуты и безпорядки, тѣмъ самымъ далъ возможность киргизамъ завладѣть пахотными землями, находившимися въ томъ краѣ. Послѣ такихъ безпорядковъ, въ Бухарѣ и Самаркандѣ сдѣлался страшный голодъ, и всѣ жители г. Самарканда, кромѣ диваны [7]) Ша-чугаса, разошлись въ разныя стороны. Оставшіяся въ этомъ городѣ безъ всякаго присмотра,—мечети, ханаки [8]) и медрессе, вскорѣ разрушились; вакуфныя же земли, за утерею документовъ, потеряли свое значеніе. По удаленіи киргизъ съ Бухарскихъ владѣній, въ Самаркандскую крѣпость возвратились 300 бѣжавшихъ семействъ, и эмиръ Даніяль, управлявшій въ то время Самаркандомъ и Бухарою, назначилъ въ 1172 г. (1755 г.) начальникомъ въ Самаркандъ своего сына Ша-Мурата, который и привелъ все въ порядомъ, исправилъ разрушившіяся мечети, ханаки и медрессе. Въ 1199 г. (1782), по смерти эмира Даніяла, Самаркандомъ, Бухарой и всѣмъ Мавара-Унаромъ сталъ управлять сынъ его Ша-Муратъ, который, озабочиваясь, главнымъ образомъ, приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ вакуфныхъ имуществъ, собралъ нѣкоторые сохранившіеся документы и, приведя ихъ въ законную силу, назначилъ къ нимъ мутаваліевъ (управителей вакуфныхъ имуществъ). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда документы были утеряны, эмиръ Ша-Муратъ, для опредѣленія границъ вакуфныхъ имѣній, а также и для распредѣленія дохо-

довъ съ нихъ между мударисами [9]), мутаваліями, фарраджами [10]), сартарамами [11]), имами, хатибами [12]), муэдзинами [13]) и муллами, назначилъ особую коммиссію изъ изъ разныхъ сословій, поручивъ ей осмотрѣть на мѣстѣ всѣ вакуфныя земли, опредѣлить границы ихъ и общимъ совѣтомъ, согласно шаріата, распредѣливъ доходы съ вакуфныхъ земель, составить вакуфные документы, въ двухъ экземплярахъ каждый, съ тѣмъ, чтобы одинъ экземпляръ находился у мутавалія, а другой въ казнѣ.

Чтобы ознакомить читателя съ порядкомъ распредѣленія доходовъ съ вакуфныхъ имуществъ (обмъ), я позволю себѣ помѣстить здѣсь переводъ той части вакуфнаго документа медрессе Ширъ-Даръ и Тилля Каръ, гдѣ по этому вопросу подробно говорится: «Высокостепенный эмиръ (Хайдаръ) изволилъ повелѣть: мутаваліями этого вакуфа назначать изъ потомковъ покойнаго Ишанъ-Муса-Ходжа Хошима. Мутавалій, главнымъ образомъ, обязанъ заботиться о своевременномъ сборѣ продуктовъ съ жителей. Изо всего этого сбора десятую часть мутавалій имѣетъ право брать себѣ, въ вознагражденіе за труды; весь же остальной доходъ ($^{9}/_{10}$) долженъ употреблять, въ случаѣ надобности, на ремонтъ и поправку двухъ медрессе. Независимо отъ сего, вмѣняется въ обязанность мутавалію ежегодно выдавать: двумъ имамамъ обоихъ медрессе по 12 тилль [14]); хатибу малой медрессе (Тилля Каръ) 24 тилли; муэдзину той же медрессе, обязанному по пятницамъ призывать правовѣрныхъ къ намазу «Джума» [15])—6 тилль; муэдзину, исполняющему свои обязанности при мечети въ большомъ медрессе—4 тилли; Максурахану, обязанному каждый разъ послѣ намаза «Джума» читать Куръанъ,—4 тилли; Маскавихану, обязанному каждый разъ послѣ намаза «Джума» прочитывать «Маскави»,—4 тилли; двумъ фарраджамъ, исполняющимъ свои обязанности при обоихъ медрессе,—по 8 тилль, Сартараму; обязанному въ недѣлю разъ являться въ оба медрессе и брить муллъ,—12 тилль. Оставшіяся за симъ деньги мутавалій обязанъ раздѣлить на четыре части, изъ коихъ одну часть выдать четыремъ мударисамъ обоихъ медрессе, по-ровну, а остальныя затѣмъ три части долженъ вновь раздѣлить на 11 долей, при чемъ $^{6}/_{11}$ обязанъ ежегодно выдавать муллямъ большой медрессе, а $^{5}/_{11}$ муллямъ малой медрессе. Въ каждой худжри [16]) должны жить по два муллы, при чемъ деньги между ними должны распредѣляться такъ: по $^{1}/_{11}$ доли должны получать муллы, прошедшіе курсъ наукъ отъ книги «Иломъ» до книги «Акаитъ-Ханъ», по $^{2}/_{4}$ муллы, окончившіе курсъ отъ «Акаитъ-Ханъ» до «Мулла-Джаляль», и наконецъ по $^{3}/_{4}$ должны получать муллы, уже окончившіе полный курсъ наукъ».

Время первоначальнаго появленія въ Самаркандской области вакуфовъ—аулядовъ, по неимѣнію данныхъ, опредѣлить съ точностью невозможно; но, судя по документамъ, нынѣ сохранившимся, первымъ такимъ вакуфомъ явился Ходжа-Ахрарскій въ 953 (1536 г.).

Кромѣ Ходжа-Ахрарскаго документа, мною разсмотрѣно было еще до 50-ти документовъ на вакуфы: обмъ, ауляды и смѣшанные, но

всѣ они относятся къ періоду времени отъ 1027 (1610) до 1286 (1869 г.).

Во всѣхъ этихъ документахъ обыкновенно, послѣ обычной хвалы Богу и Пророку, обозначается: какое и кому жертвуется имущество, въ какихъ оно границахъ, и кто долженъ быть мутаваліемъ. Весьма часто въ завѣщаніи говорится, что мутаваліемъ долженъ быть самъ жертвователь, или его старшій сынъ, затѣмъ внукъ и др. потомки. Опредѣляется въ завѣщаніи, какимъ доходомъ можетъ пользоваться мутавалій (отъ 5 до 20%), какую часть истрачивать на ремонтъ зданія, въ пользу котораго сдѣланъ вакуфъ, и самаго жертвуемаго имущества, какъ распредѣлить остатокъ: въ аулядахъ—между потомками, а въ вакуфахъ—обмъ—между медрисомъ, учениками, имамомъ, муэдзиномъ, чтецомъ корана и прислужниками мечети, и, наконецъ, на какихъ условіяхъ вакуфныя земли должны отдаваться въ арендное содержаніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда учрежденіе, въ пользу котораго завѣщанъ вакуфъ, уничтожится, а родъ, имѣющій вакуфъ-аулядъ, вымретъ, то вакуфъ обращается на другое общественное учрежденіе или въ пользу бѣдныхъ. Если такой оговорки въ вакуфномъ документѣ не будетъ, то доходъ съ свободнаго вакуфа поступаетъ прямо въ казну эмира, какъ доходъ съ вымороченнаго имѣнія, но земли по прежнему удерживаютъ за собою наименованіе вакуфа на вѣчныя времена. По вопросу о томъ: кому и на какихъ условіяхъ вакуфныя земли должны отдаваться въ арендное содержаніе, въ документахъ на вакуфы—ауляды: Софи Мухамедъ Ніязъ Хасанбекова 1226 (1809 г.), Юзбая Мирза баши 1227 (1810 г.) и Казія Миръ Абдуллъ Баракатъ Миръ Султанъ Шахова 1239 (1822 г.) категорически заявляется, что вакуфныя земли не должны отдаваться въ арендное содержаніе «начальникамъ и высокопоставленнымъ лицамъ, а также такимъ людямъ, которые могутъ и не заплатить арендныхъ денегъ».

Между вакуфными документами особенностью своею отличается документъ на вакуфъ Иманъ-Сеидъ Ахметъ Ходжа (Торба) 1027 (1610 г.). Такъ въ немъ, между прочимъ, говориться: «если съ вакуфныхъ доходовъ потребуется какая либо доля въ государственную повинность, то должно, отдѣливъ часть, удовлетворить казну требуемою долею; также слѣдуетъ поступать и въ томъ случаѣ, когда для правительства потребуется сумма на расчищеніе и раскопку арыковъ [17]). Между тѣми же вакуфными документами встрѣчается также нѣсколько ярлыковъ (грамотъ) бухарскихъ эмировъ, въ которыхъ свѣтская власть находитъ уже нужнымъ санкціонировать постановленіе корана и подтверждаетъ права какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ учрежденій, на пользованіе вакуфными землями, дарованными имъ прежними правителями (эмирами). Приведу содержаніе одного изъ такихъ документовъ, а именно: грамоту, данную эмиромъ Габайдуллой Багадуръ-Ханомъ на вакуфъ мазары (могилы) Св. Ходжа Магометъ Башара: «О, Боже! Ты всемогущъ и милосердень! Побѣдитель покровительствуемый (Богомъ) Сеидъ Габуйдулла Багадуръ Ханъ!

Слова наши: правители, начальники, аксакалы, представители народа и всѣ прочіе наши подданные, находящіеся въ Самаркандскомъ владѣніи, въ Шаударскомъ тюменѣ [18]), симъ поставляются въ извѣстность, что по смыслу, хранящихся съ искони вѣковъ, документовъ и повелѣній, данныхъ предками нашими: Абдулла Ханомъ и благочестивымъ Имамъ-Куллы Ханомъ, Мы поняли, что въ количествѣ 50 танаповъ [19]) земли, находящейся въ окрестностяхъ кишлака [20]) Ходжа Ранджъ баля, съ принадлежащей къ ней водой, предки наши, желая сдѣлать угодное Богу, подарили въ пользу мазары св. Ходжа Махомедъ Башара; этотъ порядокъ, утвержденный согласно съ изложеннымъ въ документахъ обѣщаніемъ, оставался ненарушимымъ до сего времени. Въ силу вышеизложеннаго, по примѣрамъ прежнихъ лѣтъ, подаренную землю съ водою Мы признаемъ и утверждаемъ снова. Приказываемъ вышеозначенную землю съ водою признать за Шайхъ Рашидомъ и Шейхъ Фаридомъ и не вмѣшиваться никому въ дѣла ихъ, т. е. въ пользованіе землею и въ принятіе пожертвованій въ пользу Мазары отъ постороннихъ лицъ».

Въ числѣ разсмотрѣнныхъ мною документовъ оказалось два такихъ, которые не были признаны русскими властями за дѣйствительные; это документы на вакуфы: могилы—Биби Султанъ Падма 1278 (1861) г. и медрессе Мухамедъ Юсуфбай 1286 (1869) г.

По первому документу, завѣщательница Мошла-Биби Султанъ-Падша завѣщала свою землю въ вакуфъ казію, знающему наизусть «Калями-Шарифъ» [21]). Казій этотъ обязывается жить, въ особо устроенномъ для него помѣщеніи, у могилы завѣщательницы и заботиться о цѣлости могилы; кромѣ того онъ обязанъ читать «Калями-Шарифъ» вечеромъ, съ четверга на пятницу; послѣ намаза «Джума»; въ пятницу вечеромъ; вечеромъ съ воскресенья на понедѣльникъ; послѣ Ромазана предъ наступленіемъ праздника Аитъ, а также наканунѣ праздника Курбана. Мутаваліемъ завѣщательница назначила себя, а послѣ своей смерти того казія, въ пользу котораго поступитъ вакуфъ. На документѣ этомъ имѣется слѣдующая надпись: «документъ этотъ предписаніемъ начальника Зеравшанскаго округа, отъ 27 октября 1879 г. за № 4093, признанъ недѣйствительнымъ, такъ какъ завѣщательница предоставляла въ пользованіе чтецу корана завѣщанную землю только послѣ своей смерти, которая послѣдовала въ 1872 г., т. е. послѣ распоряженія русской администраціи о сравненіи мильковыхъ земель въ платежѣ податей съ амляковыми. На документѣ же на вакуфъ медрессе Мухамедъ Юсуфбай имѣется слѣдующая оффиціальная справка канцеляріи начальника Зеравшанскаго округа: «такъ какъ вакуфный документъ написанъ и завѣщаніе сдѣлано въ 1869 г., то, на основаніи 295 ст. проекта полож. объ управ. въ областяхъ Туркестанскаго края, владѣльцы земель означеннаго документа должны платить въ казну поземельный сборъ на общемъ основаніи».

Полновластнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ вакуфа, по шаріату, назначается мутавалій изъ потомковъ жертвователей. Въ неболь-

шихъ вакуфахъ мутаваліемъ назначается имамъ мечети, медерись или прислужникъ въ Таратъ-Хане [22]). Государь (эмиръ), какъ главный покровитель вакуфовъ, замѣтивъ злоупотребленіе, можетъ мѣнять мутаваліи и назначать другаго или поставить особое лицо для контроля надъ правильностью употребленія вакуфа. Эмиръ Насрулла (1827 — 1860) приказалъ даже нѣкоторые вакуфы отобрать въ казну, въ наказаніе за злоупотребленія.

По представленнымъ въ 1878 г. начальникомъ Самаркандскаго отдѣла свѣдѣніямъ оказывается, что нѣкоторые изъ мутаваліевъ не имѣютъ завѣщательныхъ документовъ на управляемые ими вакуфы. Такъ, напр., мутаваліи вакуфовъ-аулядовъ: Шейхъ-Сабитъ, Губайдулла, Махтумъ-Азамъ и Ногай-Ата заявили начальнику отдѣла, что вакуфные документы отобраны у нихъ бывшимъ въ то время главнымъ инспекторомъ училищъ Туркестанскаго края г. Куномъ [23]) и не возвращены имъ обратно. Отсюда получилась весьма любопытная переписка между высшими чинами русской администраціи въ краѣ; такъ, начальникъ Зеравшанскаго округа генералъ Ивановъ, получивъ такое донесеніе, тогда же обратился съ просьбою къ г. Куну возвратить вышеозначенные документы, для выясненія правъ вакуфо-владѣльцевъ, или указать, гдѣ таковые находятся, а равно возвратить также и остальные документы другихъ вакуфныхъ учрежденій, собранные г. Куномъ съ научною цѣлью. Въ отвѣтъ на это г. Кунъ увѣдомилъ начальника округа, что у него не имѣется ни одного вакуфнаго документа, такъ какъ, при выѣздѣ изъ Самарканда, всѣ эти документы возвращены были имъ по принадлежности. Въ виду такого отвѣта г. Куна, генералъ Ивановъ въ томъ же году обратился къ туркестанскому генералъ губернатору К. П. фонъ-Кауфману за разъясненіемъ, какъ поступать при рѣшеніи вопросовъ о вакуфахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ дѣлаться подобныя ссылки на г. Куна? По этому поводу послѣдовала слѣдующая резолюція генералъ-губернатора: «если г. Кунъ говоритъ, что онъ документы возвратилъ, то должно быть это такъ и есть, а потому болѣе ничего не остается, какъ отказывать въ такихъ случаяхъ». Такъ или иначе, но документы утеряны, и приходится допустить, что они вмѣстѣ съ кораномъ Османа [24]) и другими древними мусульманскими рукописями хранятся въ данное время въ императорской публичной библіотекѣ.

Скудность матеріала, которымъ я располагалъ при написаніи настоящей статьи, не дала мнѣ возможности всесторонне разсмотрѣть столь интересный вопросъ не только для края, но для всей юридической науки; если позволитъ время, то въ слѣдующей своей статьѣ: «Поземельный вопросъ въ Туркестанскомъ краѣ» — я еще разъ возвращусь къ вакуфамъ, теперь же остается добавить, что, по положенію объ управл. Туркест. краемъ (изд. 1886 г.), государственному поземельному налогу не подлежатъ только такія вакуфныя земли, весь доходъ съ которыхъ назначенъ вакуфнымъ документомъ въ пользу мечетей или шк олъ, или же для на

добностей общественнаго призрѣнія; въ смѣшанныхъ же вакуфахъ налогомъ этимъ облагается только та часть средней валовой доходности, которая соотвѣтствуетъ опредѣленной въ пользу частныхъ лицъ долѣ дохода. Впрочемъ, въ дѣйствительности и этотъ (государственный) поземельный налогъ не можетъ быть взыскиваемъ въ настоящее время, впредь до провѣрки поземельно-податной коммиссіей подлинности и содержанія каждаго изъ вакуфныхъ документовъ; а когда эта коммиссія откроетъ свои дѣйствія въ Самаркандской области—это, кажется, вопросъ далекаго будущаго.

---

1) Казій—судья.

2) Муфтій—законникъ, консультантъ при казіи.

3) Кремера. Истор. восточ. культуры т. II, стр. 162.

4) Съ вакуфными документами мнѣ удалось познакомиться въ архивѣ областнаго правленія, съ разрѣшенія и. д. военнаго губернатора Самаркандской области полковника М. П. Пукалова.

5) Абуль-Фейзъ послѣдній бухарскій государь изъ чингизо-темировской династіи; онъ умерщвленъ въ 1747 г. своимъ визиремъ Рахимъ-Ханомъ, родомъ изъ узбекской династіи мангытовъ.

6) Мавара-Унарь—такъ назывались всѣ владѣнія, бывшія въ подданствѣ бухарскаго правительсва, начиная отъ г. Джизака до Бухары.

7) Дивана—юродивый.

8) Ханакъ—молитвенный домъ.

9) Мударись—профессоръ.

10) Фарраджъ—сторожъ въ мечети.

11) Сартарамъ—цирульникъ.

12) Хатибъ—мулла, читающій коранъ по пятницамъ.

13) Муэдзинъ—сзыватель къ молитвѣ съ минарета мечети.

14) Тилля—золотая монета, около 5 руб.

15) Кромѣ ежедневныхъ пяти временныхъ молитвъ или намазовъ, есть еще пятничная молитва „намазъ-джума“, совершаемая въ пятницу всѣмъ народомъ, во время полуденнаго намаза.

16) Худжра—келья, комната для муллы.

17) Арыкъ—ирригаціонная канава.

18) Тюмень—административное дѣленіе въ бухарскихъ владѣніяхъ.

19) Танапъ—мѣра земли=625 кв. саж.

20) Кишлакъ—селеніе.

21) Калями—Шарифъ въ переводѣ значитъ: святое перо, священное писаніе. Этимъ именемъ мусульмане Самарканда называютъ коранъ.

22) Таратъ—Хана—небольшое зданіе, устроенное для омовенія, предъ пятикратной молитвой.

23) Нышѣ умершій.

[24]) Коранъ этотъ, хранившійся въ самаркандской мечети Ходжа-Ахраръ, писанъ собственноручно Халифомъ Османомъ на пергаментѣ, куфическимъ шрифтомъ, безъ точекъ и гласныхъ. Мусульманскіе ученые говорятъ, что коранъ Османа есть первоначальный, съ котораго списывались копіи, распространившіяся во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Генералъ Абрамовъ, (Начальникъ Зеравшанскаго округа) при помощи г. Куна, пріобрѣлъ этотъ коранъ отъ имамовъ мечети Ходжа-Ахраръ за 125 руб. и передалъ его въ императорскую публичную библіотеку.

И. П. Петровъ.

СЕНАТСКАЯ ПРАКТИКА ПО УГОЛОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ ВАРШАВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ *).

I.

Помѣстивъ подъ этимъ заглавіемъ нашу работу на страницахъ «Юридическаго Вѣстника» въ 1884 году, мы предполагали печатать ежегодно продолженіе такого обзора; но, въ виду незначительности матеріала, не пришлось осуществить предположеннаго, и потому, вмѣсто ежегодныхъ продолженій, мы предлагаемъ нынѣ вниманію читателей одновременный обзоръ сенатской практики по уголовнымъ дѣламъ варшавской судебной палаты за періодъ времени съ 1884 по 1890 г. Слѣдуя принятому плану, мы и на этотъ разъ начнемъ съ статистическихъ данныхъ о числѣ состоявшихся приговоровъ, о числѣ принесенныхъ на таковые кассаціонныхъ протестовъ и жалобъ и о числѣ отмѣненныхъ приговоровъ.

Данныя эти представляются въ слѣдующемъ видѣ:

ГОДА.	Число состоявшихся приговоровъ.	Число принесенныхъ протестовъ и жалобъ.	Число отмѣненныхъ приговоровъ.
Въ 1884 . .	1,109	128	10
„ 1885 . .	2,389	180	8
„ 1886 . .	1,970	166	11
„ 1887 . .	1,228	163	4
„ 1888 . .	1,238	162	3
„ 1889 . .	1,081	107	5

Итого въ теченіе *шести* лѣтъ.

Состоялось приговоровъ.	Принесено протестовъ и жалобъ.	Отмѣнено приговоровъ.
9,015	906	41

*) См. „Юридическій Вѣстникъ“ 1884 г., №№ 7 и 9.

То есть среднимъ числомъ на каждые 100 приговоровъ принесено 10 жалобъ и протестовъ, на 100 тѣхъ и другихъ 6 отмѣненныхъ приговоровъ, и изъ 219 приговоровъ кассированъ *одинъ*. Изъ представленной таблицы усматривается то же, что было отмѣчено въ первой статьѣ, а именно, во 1-хъ, что число приносимыхъ жалобъ (протестовъ подается очень мало) остается весьма значительнымъ: среднимъ числомъ на каждые десять приговоровъ подается одна жалоба, и во 2-хъ, что число отмѣненныхъ приговоровъ, наоборотъ, весьма невелико, а въ сравненіи съ предыдущими годами оно даже уменьшилось. Въ періодъ времени съ 1877 по 1883 годъ изъ 6,293 приговоровъ было кассировано 47, а въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ съ 1884 по 1890 г. изъ 9,015 приговоровъ кассировано только 41, т. е. тамъ былъ отмѣненъ одинъ изъ 135, а здѣсь одинъ изъ 219. Приходится повторить, что такое незначительное число отмѣненныхъ приговоровъ объясняется не тѣмъ, что палата такъ правильно рѣшаетъ поступающія на ея разсмотрѣніе дѣла, такъ правильно примѣняетъ законъ и не нарушаетъ существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, а тѣмъ, что продолжаютъ писать кассаціонныя жалобы по существу и что въ аппелляціонномъ производствѣ встрѣчается вообще мало поводовъ къ кассаціи приговоровъ вслѣдствіе нарушенія тѣхъ или другихъ формъ и обрядовъ, дающихъ главный матеріалъ для обжалованія приговоровъ въ кассаціонномъ порядкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить то же явленіе, которое обнаружилось въ періодъ времени съ 1877 по 1883 г., т. е., что оставленіе безъ послѣдствій громаднаго числа кассаціонныхъ жалобъ не имѣетъ никакого вліянія на подачу ихъ; напротивъ, не смотря на общеизвѣстный здѣсь фактъ, что приговоры судебной палаты отмѣняются чрезвычайно рѣдко, количество подаваемыхъ жалобъ остается одно и то же. Въ 1889 году число жалобъ почему-то значительно уменьшилось (106); но это обстоятельство должно быть признано совершенно случайнымъ, нисколько не опровергающимъ правильность сдѣланнаго заключенія. Въ періодъ времени съ 1877 по 1883 г. сенатъ разсмотрѣлъ, какъ было сказано, 634 кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ, съ 1883 по 1890 г. число это возросло до 906, и тѣмъ не менѣе сенатская практика по уголовнымъ дѣламъ варшавской судебной палаты оказывается такою же незначительною, какъ и прежде. Рѣшеній, разъясняющихъ тотъ или другой законъ, ту или другую статью уставовъ или уложенія, состоялось за это время весьма мало; правда, большинство кассаціонныхъ жалобъ, какъ было уже отмѣчено, пишется и теперь по существу, но рядомъ съ этимъ было много и такихъ жалобъ, которыми возбуждались вопросы права и судопроизводства, и однако все ограничивалось краткими резолюціями, къ обзору коихъ мы и переходимъ.

II.

Взглядъ сената на примѣненіе 879 ст. остался вообще тотъ же, лишь по нѣкоторымъ дѣламъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, сенатъ высказалъ совершенно противоположное мнѣніе. Въ цѣломъ рядѣ резолюцій сенатъ продолжаетъ учить, что вызовъ свидѣтелей въ судебной палатѣ, какъ уже допрошенныхъ, такъ и впервые указанныхъ въ отзывѣ, вполнѣ зависитъ отъ ея усмотрѣнія и что, признавъ показанія свидѣтелей, о вызовѣ коихъ проситъ подсудимый въ отзывѣ, несущественными для дѣла, палата имѣетъ законное основаніе, въ виду 879 ст. уст. угол. суд., отказать въ удовлетвореніи такого ходатайства (рез. 4 октября 1885 г. по дѣлу П., 28 октября 1888 г. по дѣлу В. и др.). Насколько сенатъ твердо держится такого взгляда на примѣненіе 879 ст., видно между прочимъ изъ слѣдующей резолюціи, отъ 11 августа 1888 г., по дѣлу Н. и Я. Подсудимый Н. просилъ палату о вызовѣ указанныхъ имъ въ отзывѣ свидѣтелей; палата отказала въ вызовѣ въ виду того, что подсудимый указалъ на нихъ впервые въ отзывѣ и по обстоятельствамъ, прежде извѣстнымъ аппеллятору. Правительствующій сенатъ нашелъ, что хотя отказъ палаты основанъ на невѣрномъ соображеніи, ибо свидѣтели были допрошены на предварительномъ слѣдствіи, вызывались окружнымъ судомъ и не явились, но такая неправильность не можетъ въ данномъ случаѣ служить достаточнымъ основаніемъ къ отмѣнѣ приговора палаты потому, что никто изъ подсудимыхъ, при слушаніи дѣла въ окружномъ судѣ, не считалъ неявку свидѣтелей Р. и П. препятствіемъ къ слушанію дѣла, а, по точному смыслу 879 ст. уст. угол. судопр., вызовъ въ судебную палату свидѣтелей зависитъ отъ ея усмотрѣнія (рѣшеніе сената 1874 г., № 607 и 1877 г., № 59). Но рядомъ съ такими резолюціями состоялись другія, въ которыхъ высказанъ совершенно противоположный взглядъ на 879 ст. Вотъ одна изъ такихъ резолюцій, особенно выдающаяся. Нѣкто В. былъ признанъ виновнымъ въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 31 и 38 ст. уст. о нак., и присужденъ къ аресту на четыре дня; на приговоръ окружнаго суда В. принесъ аппелляціонный отзывъ, въ которомъ просилъ допросить указываемыхъ имъ свидѣтелей, отмѣнить приговоръ и оправдать его. Судебная палата, по опредѣленію отъ 24 марта 1889 г., отказала въ вызовѣ и допросѣ свидѣтелей по несущественности обстоятельствъ, которыя они должны удостовѣрить и, разсмотрѣвъ дѣло, утвердила приговоръ окружнаго суда. На приговоръ палаты подсудимый В. подалъ кассаціонную жалобу, по которой состоялась, 6 іюля 1889 г., слѣдующая резолюція правительствующаго сената: имѣя въ виду, что палата оставила безъ всякаго обсужденія жалобу обвиняемаго (подсудимаго) на отказъ окружнаго суда въ вызовѣ указанныхъ имъ свидѣтелей и ходатайство его о допросѣ этихъ свидѣтелей, сенатъ опредѣлилъ: приговоръ судебной палаты, за нарушеніемъ 879 ст. уст. угол. судопр., от-

мѣнить и предписать разсмотрѣть дѣло въ другомъ составѣ присутствія. Судебная палата опредѣленіемъ, отъ 6 октября 1889 года, постановила: дать дѣлу ходъ, отказавъ апеллятору въ вызовѣ указанныхъ имъ свидѣтелей какъ потому, что они не поименованы имъ въ прошеніи, поданномъ суду 7 сентября 1888 г., ни въ представленномъ имъ при томъ прошеніи свидѣтельствѣ, кромѣ врача Пр., такъ и потому, что свидѣтели эти указаны подсудимымъ для удостовѣренія обстоятельствъ (нетрезваго его состоянія и неприличнаго вообще поведенія въ канцеляріи полицейскаго участка), которыя, хотя бы и подтвердились, не могутъ имѣть существеннаго значенія при разрѣшеніи вопроса о виновности В. (879 и 575 ст. уст. угол. судопр.). Разсмотрѣвъ за симъ дѣло по существу, судебная палата вторично утвердила приговоръ окружнаго суда. Но по кассаціонной жалобѣ В. сенатъ вновь отмѣнилъ означенный приговоръ, при чемъ въ резолюціи, отъ 15 декабря 1889 года, разъяснилъ, что въ установленный 557 ст. уст. угол. судопр. срокъ подсудимый просилъ о вызовѣ свидѣтелей, долженствовавшихъ удостовѣрить, что онъ былъ трезвъ въ участкѣ, велъ себя прилично и полицейскаго съ дрожекъ не стаскивалъ; что окружный судъ не имѣлъ законнаго основанія отказать въ вызовѣ этихъ свидѣтелей по несущественности ихъ показаній, такъ какъ показанія свидѣтелей, которыхъ подсудимый лишенъ былъ возможности указать на предварительномъ слѣдствіи по непроизводству онаго и которые выставлялись имъ въ опроверженіе доводовъ обвинительнаго акта, а потому являлись единственною его защитою противъ предъявленнаго къ нему обвиненія, не могли быть признаны несущественными (1874 г., № 385, 1877 г., № 26); что ходатайство свое о вызовѣ поименованныхъ свидѣтелей подсудимый возобновилъ въ аппелляціонной жалобѣ, но и палата въ вызовѣ ихъ отказала по несущественности обстоятельствъ, которыя они должны удостовѣрить, между тѣмъ въ силу послѣдовавшаго по сему дѣлу указа правительствующаго сената, а также опредѣлительныхъ разъясненій его въ рѣшеніяхъ 1881 г., № 27 и 1888 г., № 20, на обязанности палаты лежало провѣрить правильность отказа суда въ вызовѣ свидѣтелей и, при признаніи такого отказа неправильнымъ, исправить допущенное судомъ нарушеніе вызовомъ тѣхъ свидѣтелей, что однако палата вновь отказала въ вызовѣ сихъ свидѣтелей, не войдя въ обсужденіе основательности обжалованнаго подсудимымъ дѣйствія суда и въ оправданіе своего отказа привела ту же несущественность ихъ показаній, объяснивъ только эту несущественность болѣе подробными соображеніями и при томъ совершенно неправильными, ибо указываемое палатою непоименованіе подсудимымъ въ прошеніи тѣхъ свидѣтелей опровергается содержаніемъ самаго прошенія, изъ котораго видно, что одного свидѣтеля-врача подсудимый назвалъ, а другихъ точно означилъ ихъ званіемъ и занятіями, дававшими средства къ ихъ розысканію, а указанныя подсудимымъ обстоятельства, въ удостовѣреніе коихъ онъ ссылался на свидѣтелей, не могли въ случаѣ ихъ доказанности

не имѣть значенія для суда при разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимаго, и что подобныя дѣйствія палаты, составляя явное нарушеніе 930 ст. уст. угол. судопр., не могутъ быть оставлены безъ исправленія. Во исполненіе указа правительствующаго сената судебная палата опредѣленіемъ, отъ 13 января 1890 г., постановила: дать дѣлу ходъ, вызвавъ въ засѣданіе подсудимаго В. и свидѣтелей: 1) врача Пр., 2) письмоводителя замковаго участка, въ присутствіи коего было написано свидѣтельство, выданное В. 18 іюля 1888 г. и 3) извощика, который 18 іюля 1888 г. везъ на своихъ дрожкахъ В., и околодочнаго надзирателя Ч., изъ коихъ послѣдній былъ столкнутъ съ дрожекъ. При содѣйствіи полиціи указанныя лица были розысканы и допрошены въ палатѣ, которая приговорила В. къ денежному взысканію въ 20 р. По 31 ст. уст. о нак., этотъ приговоръ не былъ обжалованъ и вступилъ въ законную силу. Относительно прочихъ статей устава уголовнаго судопроизводства состоялось очень мало резолюцій, имѣющихъ какое либо значеніе, такъ что не стоитъ и приводить таковыя; можно упомянуть только объ одной по дѣлу Р. (рез. 6 февраля 1887 г.), который въ кассаціонной жалобѣ указывалъ на то, что палата въ своемъ приговорѣ изложила такія обстоятельства, входящія въ составъ приписуемаго ему преступленія, которыя не были помѣщены въ вопросѣ о виновности его, подсудимаго. Правительствующій сенатъ нашелъ, что хотя въ вопросномъ листѣ упоминается вкратцѣ о сдѣланныхъ подсудимымъ Р. лживыхъ увѣреніяхъ, въ приговорѣ же палаты пояснено, что эти лживыя увѣренія были подкрѣплены ссылкою на мнимое, присланное отъ имени управителя письмо, но такое поясненіе не можетъ быть признано существеннымъ дополненіемъ означенныхъ въ вопросномъ листѣ обстоятельствъ дѣла, и потому жалобу Р. оставилъ безъ послѣдствій.

По вопросамъ о примѣненіи и толкованіи статей карательнаго закона также состоялось очень мало заслуживающихъ вниманія резолюцій. Можно указать на нижеслѣдующія. Нѣкто Д—ій былъ признанъ виновнымъ въ составленіи совмѣстно съ другими лицами, явившимися подъ именемъ потерпѣвшихъ, нотаріальнымъ порядкомъ акта мировой сдѣлки отъ имени потерпѣвшихъ, и подвергнутъ наказанію по 1690 ст. Улож.; на приговоръ палаты Д—ій подалъ кассаціонную жалобу, въ которой указывалъ на нарушенія 1690 ст. улож., 1362 и 1359 ст. уст. гражд. суд. Правительствующій сенатъ призналъ правильнымъ примѣненіе 1690 ст. улож., такъ какъ ст. 1362 уст. гражд. суд. по буквальному ея смыслу устанавливаетъ допросъ въ судѣ сторонъ для утвержденія представленныхъ ими мировыхъ прошеній, но не мировыхъ сдѣлокъ, совершаемыхъ согласно 1359 ст. уст. гр. суд. посредствомъ засвидѣтельствованныхъ у нотаріуса записей; актъ, въ составленіи коего признанъ виновнымъ Д—ій, представлялъ собою именно подобную запись и потому принадлежитъ къ числу актовъ, указанныхъ въ 1690 ст. улож.; подсудимый, признанный виновнымъ въ составленіи совмѣстно съ другими лицами

подложнаго акта отъ имени отсутствующихъ лицъ, является физическимъ виновникомъ преступленія, совершеннаго имъ совокупно съ другими лицами и неправильныя дѣйствія нотаріуса при совершеніи акта не освобождаютъ отъ отвѣтственности виновныхъ въ подлогѣ онаго (рез. 12 сентября 1886 г.). По дѣлу Ш — скаго правительствующій сенатъ высказалъ, что для признанія виновности подстрекателя необходимо признаніе судомъ совершенія преступленія, бывшаго предметомъ подстрекательства, но не виновности физическаго совершителя онаго, необнаруженіе котораго, завися отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ, не можетъ исключать отвѣтственности подстрекателя въ случаѣ доказанности вины послѣдняго (рез. 24 октября 1886 г.). По дѣлу С. правительствующій сенатъ разъяснилъ, что для наличности состава преступленія, предусмотрѣннаго 1554 ст. улож., нѣтъ надобности, чтобы бракъ являлся въ силу гражданскихъ законовъ правильнымъ, а вполнѣ достаточно, чтобы бракъ представлялся съ внѣшней стороны правильнымъ, т. е. былъ бы заключенъ по обряду одного изъ признанныхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій, потому судебная палата въ виду имѣющихся въ дѣлѣ выписи изъ актовъ гражданскаго состоянія и свидѣтельства о бракосочетаніи, удостовѣрявшихъ о вступленіи въ бракъ С. по обрядамъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія и отсутствія указанія на то, что бракъ этотъ былъ расторгнутъ законнымъ порядкомъ, имѣла полное основаніе признать послѣдовавшій затѣмъ бракъ подсудимой съ В. вторымъ бракомъ при существованіи перваго и всѣ указанія подсудимыхъ на несоблюденіе при совершеніи перваго брака требованій закона и на недѣйствительность его въ виду свыше пятилѣтней отлучки М., не имѣютъ значенія при примѣненіи 1554 ст. улож. (рез. 27 февраля 1888 г.).

III.

Переходимъ къ кассаціоннымъ рѣшеніямъ, послѣдовавшимъ по варшавской судебной палатѣ.

I. *Рѣшеніе по дѣлу объ Арнольдѣ Р.* и Генрихѣ Д. обвиняемыхъ въ нарушеніи таможеннаго устава 13 сентября 1886 г. Агенты россійскаго общества морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей Р. и Д. были преданы суду по обвиненію въ томъ, что, хотя и не завѣдомо, отправили изъ Варшавы въ Ригу ящикъ съ тайно, помимо таможень, водвореннымъ изъ за-границы товаромъ и, позадержаніи сего контрабаднаго товара въ Ригѣ, хозяина таковаго не доказали. Варшавскій окружный судъ оправдалъ подсудимыхъ, каковой приговоръ былъ утвержденъ судебною палатою. Правительствующій сенатъ, (куда поступило дѣло по кассаціонной жалобѣ повѣреннаго таможеннаго вѣдомства) нашелъ, что основаніемъ постановленія оправдательнаго приговора для судебной палаты послужили собственно два соображенія: 1) агенты общества транспортированія кладей не отвѣтствуютъ за при-

нятый и отправленный ими товаръ, оказавшійся контрабаднымъ, если они при пріемѣ дѣйствовали вполнѣ согласно съ требованіями устава общества, и 2) отвѣтственность этихъ агентовъ за пріемъ контрабаднаго товара для отправки обусловливается исключительно ихъ личною преступною цѣлью. Первое изъ этихъ соображеній, вполнѣ правильное, конечно, въ принципѣ, могло бы имѣть примѣненіе къ данному случаю единственно при наличности въ уставѣ россійскаго общества транспортированія кладей правила, освобождающаго агентовъ сего общества при пріемѣ кладей отъ обязанности знать отправителей таковыхъ. Понятно, что правило это, какъ законъ спеціальный, исключало бы возможность примѣненія закона общаго, именно 1543 и 1640 ст. уст. тамож., освобождающихъ провозителя контрабаднаго товара отъ законной отвѣтственности только въ томъ случаѣ, когда онъ докажетъ хозяина сего товара внутри имперіи или Царства Польскаго. Но изъ сопоставленія §§ 18, 20, 22 и 39 Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ отъ 1 февраля 1852 года объ учрежденіи при россійскомъ морскомъ и рѣчномъ страховомъ обществѣ особаго отдѣленія транспортовъ для сухопутной перевозки и страхованія кладей (полн. собр. закон. т. XXVII, № 25959) несомнѣнно слѣдуетъ, что принимающій отъ имени сего общества агентъ онаго клади для перевозки, обязанъ знать отправителя ихъ, и уставъ вовсе не разрѣшаетъ принимать таковыя клади отъ лицъ, необъявляющихъ своего имени (анонимовъ). Именно, означенные параграфы устава возлагаютъ на общество обязанность сообщить въ извѣстныхъ случаяхъ имена и фамиліи отправителей въ почтамтъ или ближайшую почтовую контору, также въ извѣстныхъ случаяхъ обществу предоставляется право взысканія расходовъ за храненіе и перевозку клади съ самого отправителя, и проч.

Исполненіе всѣхъ этихъ требованій устава представлялось бы невозможнымъ, если бы отправитель клади могъ оставаться неизвѣстнымъ; а отсюда слѣдуетъ, что агентъ общества, принимающій кладь, обязанъ удостовѣряться въ самоличности посылателя клади тѣми способами, какіе онъ признаетъ болѣе цѣлесообразными. Второе соображеніе, которымъ руководствовалась судебная палата при постановленіи оправдательнаго приговора по настоящему дѣлу, представляется прямо несогласнымъ съ буквальнымъ смысломъ 1543 и 1640 ст. уст. тамож. Провозитель контрабаднаго товара, недоказавшій хозяина сего товара внутри имперіи или Царства Польскаго, отвѣтствуетъ какъ за тайный провозъ товара, независимо отъ того, зналъ ли онъ или не зналъ о происхожденіи провозимаго товара. Законъ въ этомъ случаѣ выходитъ изъ того юридическаго предположенія, что лицо, принимающее для перевозки товаръ и вступающее такимъ образомъ въ договоръ съ отправителемъ онаго, не можетъ не знать или во всякомъ случаѣ должно знать этого товароотправителя. Такимъ образомъ судебная палата по настоящему дѣлу вовсе сдѣлала неправильный выводъ изъ устава россійскаго общества транспор-

тированія кладей объ обязанностяхъ агентовъ сего общества и, во 2-хъ, освобожденіемъ подсудимыхъ Р. и Д. отъ взысканія за принятый ими для отправки въ Ригу и оказавшійся контрабаднымъ товаръ, тогда какъ они не доказали отправителя сего товара, нарушила 1640 ст. уст. тамож. Вслѣдствіе сего правительствующій сенатъ отмѣнилъ приговоръ варшавской судебной палаты за нарушеніемъ 1640 ст. VI т. уст. тамож. При вторичномъ разсмотрѣніи сего дѣла палата признала Р. и Д. виновными въ прест., предусм. 1543 и 1640 ст. уст. тамож. и приговорила ихъ къ извѣстному наказанію. Кассаціонная жалоба Р. и Д. на этотъ приговоръ палаты была оставлена безъ послѣдствій.

П. *Рѣшеніе по дѣлу Пейсаха Г.* 29 сентября 1887 г. повѣренный Казиміра К. предъявилъ у мироваго судьи искъ о взысканіи съ Пейсаха Г. 60 руб. по росписке. У мироваго судьи Г. заявилъ, что онъ К. никогда не былъ долженъ 60 руб., и что на росписке, когда онъ ее подписывалъ, была только цифра 6, а 0 не было. Мировой судья, находя, что сумма долга, 60 руб., выражена въ росписке не только цифрами, но и словами, опредѣлилъ взыскать съ Г. искомую сумму.

Въ мировомъ съѣздѣ разсматривавшемъ это дѣло вслѣдствіе жалобы Г., послѣдній, какъ это значится въ протоколѣ судебнаго засѣданія съѣзда, заявилъ споръ о подлогѣ росписки, предъявилъ прямое обвиненіе К. въ составленіи подложномъ сей росписки и просилъ о передачѣ дѣла прокурору. Съѣздъ въ виду такого заявленія Г. и на основ. 563 ст. уст. гр. суд. пріостановилъ производство дѣла въ гражданскомъ порядкѣ и передалъ оное прокурору. Произведенное слѣдствіе о подлогѣ росписки было прекращено по 277 ст. уст. уг. суд. Изъ этого слѣдствія видно, что допрошенный слѣдователемъ съ соблюденіемъ 443 и 307 ст. уст. угол. суд. Г. хотя и отрицалъ росписку имъ выданною К. и имъ подписанною, но только на 6 руб., а затѣмъ дважды обращался къ прокурору съ прошеніями о дослѣдованіи дѣла, объясняя въ первомъ прошеніи, что указанные имъ свидѣтели нужны для уличенія К. въ подлогѣ росписки. Затѣмъ, по предложенію прокурора, было произведено предварительное слѣдствіе по обвиненію Г. въ прест., предусм. 940 ст. улож. и Г. былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что сдѣлалъ ложный доносъ въ мировомъ съѣздѣ, обвинивъ прямо въ подложномъ составленіи росписки К. и подтвердивъ затѣмъ свой ложный доносъ на предварительномъ слѣдствіи и К. цѣлымъ рядомъ заявленій. Ломжинскій окружный судъ присудилъ Г. къ одному изъ наказаній, опредѣленныхъ 940 ст. улож. Варшавская судебная палата оправдала подсудимаго Г. На этотъ приговоръ товарищъ прокурора принесъ кассаціонный протестъ, прося объ отмѣнѣ таковаго. Правительствующій сенатъ принялъ на видъ, что, согласно уже преподаннымъ имъ разъясненіямъ, въ составъ ложнаго доноса, предусмотрѣннаго 940 ст. улож., должны входить: завѣдомо ложное обвиненіе въ преступномъ дѣяніи, намѣреніе навлечь на невиннаго уголовное преслѣдованіе и сообразное съ этимъ намѣреніемъ предъявле-

ніе ложнаго обвиненія той власти, отъ которой зависитъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія (1871 г. № 846; 1875 г. № 572; 1876 г. № 33; 1877 г. № 93), а подъ завѣдомо ложнымъ обвиненіемъ должно разумѣть заявленіе о такихъ преступныхъ дѣйствіяхъ или о такихъ фактическихъ обстоятельствахъ, придающихъ дѣйствіямъ преступный характеръ, которыя вымышлены, о несуществованіи которыхъ въ дѣйствительности заявителю было извѣстно (рѣш. 24 февраля 1887 г. по дѣлу Вильде). Между тѣмъ палата, какъ видно изъ ея приговора, оправдала подсудимаго, преданнаго суду по обвиненію въ ложномъ доносѣ, состоявшемъ въ предъявленіи мировому съѣзду ложнаго обвиненія К. въ подлогѣ росписки, не по отсутствію въ такомъ дѣяніи подсудимаго одного изъ указанныхъ признаковъ ложнаго доноса, а совершенно по инымъ основаніямъ: по незаявленію подсудимымъ прямаго обвиненія К. предъ судьею и на предварительномъ слѣдствіи, по отсутствію въ дѣлѣ требуемой будто бы 556 ст. уст. гражд. суд. подписи подсудимаго на протоколѣ, составленномъ о предъявленномъ имъ обвиненіи, а главнымъ образомъ потому, что подсудимый заявилъ въ съѣздѣ о подложности росписки въ качествѣ потерпѣвшаго лица, права котораго этою роспискою нарушались, и не съ исключительною цѣлью повредить К., но лишь съ цѣлью отсрочить уплату по роспискѣ. Не останавливаясь на первыхъ соображеніяхъ палаты въ виду ихъ очевидной несостоятельности, такъ какъ для наличности ложнаго доноса достаточно предъявленія ложнаго обвиненія передъ властью, могущею возбудить уголовное преслѣдованіе, а таковою не можетъ не быть признанъ мировой съѣздъ, обязанный въ силу 563 ст. уст. гражд. суд. вслѣдствіе сего обвиненія, обратить дѣло къ уголовному порядку, а ст. 556 того же устава, относящаяся впрочемъ, къ предъявленію не прямаго обвиненія въ подлогѣ, а только спора о подлогѣ акта, не обязываетъ судъ требовать подписи заявителя на составленномъ по его заявленію протоколѣ, правительствующій сенатъ находитъ нужнымъ подвергнуть подробному обсужденію остальныя изъ приведенныхъ соображеній палаты. Уст. гражд. суд. устанавливаетъ существенное различіе между предъявленіемъ спора о подлогѣ акта и предъявленіемъ прямаго обвиненія въ совершеніи сего подлога; по первому (ст. 556—561) судъ приступаетъ къ производству изслѣдованія заподозрѣннаго акта, по второму (ст. 563 — 565) обращаетъ дѣло къ уголовному порядку чрезъ прокурора. Въ объяснительной запискѣ къ проекту гражд. суд. выражено: «производство въ гражданскомъ судѣ о подлогѣ акта получаетъ характеръ уголовный»; существенное различіе его отъ чисто уголовнаго производства состоитъ въ томъ, что здѣсь споръ о подлогѣ предъявляется не противъ лица, подвергающагося наказанію, а противъ акта, подлежащаго уничтоженію, и потому-то какъ только при этомъ производствѣ сдѣлано указаніе на лицо, обвиняемое въ подлогѣ, дѣло должно быть обращено тотчасъ къ производству уголовному».

«На тяжущагося, предъявившаго неправильный извѣтъ о подлогѣ

акта, необходимо налагать штрафъ въ томъ вниманіи, что споры сего рода не составляютъ чисто гражданскаго иска, но состоятъ въ связи съ обвиненіемъ въ преступленіи и могутъ имѣть послѣдствіемъ передачу дѣла въ уголовный судъ». Согласно съ этими разсужденіями ст. 562 уст. гражд. суд. опредѣляетъ, что тяжущійся, предъявившій споръ о подлогѣ, въ случаѣ признанія судомъ сего спора не заслуживающимъ уваженія, подвергается взысканію штрафа. Не можетъ быть допущено мысли, чтобы законъ, подвергая взысканію тяжущагося за предъявленіе всякаго спора о подлогѣ акта, не только неосновательнаго, но и признаннаго неуважительнымъ, и постановляя эту мѣру «въ томъ вниманіи, что подобный споръ можетъ имѣть послѣдствіемъ передачу дѣла въ уголовный судъ», оставилъ бы безнаказаннымъ предъявленіе прямаго обвиненія въ подлогѣ, въ случаѣ признанія сего обвиненія ложнымъ, когда передача дѣла въ уголовный судъ составляетъ не возможное только, но необходимое послѣдствіе такого обвиненія; подобная безнаказанность, будучи сама по себѣ несправедлива, такъ какъ устанавливала бы взысканіе за менѣе вредное и безотвѣтственность за болѣе тяжкое дѣйствіе тяжущагося, подрывала бы весь строй гражданскаго процесса, вызывая и поощряя предъявленіе неосновательныхъ обвиненій въ подлогахъ и чрезъ то пріостановку и обращеніе къ уголовному порядку большинства гражданскихъ дѣлъ. Въ уст. гражд. суд. не заключается особаго указанія на отвѣтственность тяжущагося за прямое обвиненіе противной стороны въ подлогѣ, признанное ложнымъ, потому что въ такомъ указаніи не было надобности, ибо съ передачею дѣла къ уголовному порядку оно получало дальнѣйшій ходъ на основаніи уголовныхъ законовъ, въ которыхъ подобныя дѣянія предусмотрѣны, именно въ 940 ст. улож. о нак. Поэтому ошибочно мнѣніе палаты, что преступленіе ложнаго доноса не имѣетъ мѣста, когда ложное обвиненіе въ преступленіи предъявлено лицемъ потерпѣвшимъ, или по дѣлу, касающемуся его правъ, когда не установлено въ обвинителѣ существованія исключительной цѣли привлечь невиннаго къ уголовной отвѣтственности и когда, напротивъ, признано, что такое обвиненіе было вызвано лишь желаніемъ его уклониться отъ платежа или отсрочить оный. Ст. 307 и 301 уст. уг. суд. положительно указываютъ, что отвѣтственности, опредѣленной за лживые доносы, подвергаются лица, принесшія жалобы, т. е. являющіяся потерпѣвшими отъ заявляемыхъ ими преступленій, слѣдовательно по дѣламъ, касающимся ихъ правъ, и, конечно, лживый обвинитель не можетъ быть оставленъ безнаказаннымъ только потому, что онъ былъ заинтересованъ въ ложномъ обвиненіи. Всякое обвиненіе кого либо въ преступленіи передъ надлежащею властью само по себѣ заключаетъ умыселъ, намѣреніе привлечь обвиняемаго къ уголовной отвѣтственности; если же это обвиненіе завѣдомо ложно, то имѣетъ мѣсто и сознаніе о привлеченіи къ отвѣтственности невиннаго и намѣреніе навлечь на него уголовное преслѣдованіе. Ограничивать, какъ полагаетъ палата, предѣлы

примѣненія 940 ст. улож. необходимостью признанія въ обвинителѣ наличности исключительной цѣли привлеченія невиннаго къ уголовной отвѣтственности не представляется основаній ни въ точномъ смыслѣ ст. 940 и приведенныхъ выше рѣшеній правительствующаго сената, ни въ существѣ разсматриваемаго преступленія, ибо въ дѣйствительной жизни лживыя обвиненія, вызванныя одною упомянутою цѣлью, составляютъ исключенія, въ большинствѣ же случаевъ они предъявляются съ цѣлями иными, личными или корыстными, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что признаваемое палатою, какъ цѣль предъявленнаго подсудимымъ ложнаго обвиненія, желаніе его отсрочить платежъ по документу, не только не можетъ лишать его дѣяніе значенія прест., предусм. 940 ст. улож., а наоборотъ, служа доказательствомъ сознанія имъ лживости взведеннаго имъ обвиненія и способности его причинить вредъ несправедливо имъ обвиненному изъ корыстныхъ цѣлей, можетъ составлять только увеличивающее его вину обстоятельство. По изложеннымъ соображеніямъ сенатъ отмѣнилъ приговоръ палаты. При вторичномъ разсмотрѣніи дѣла обвинительный приговоръ окружнаго суда былъ утвержденъ палатою и приговоръ ея вступилъ въ законную силу.

III. *Рѣшеніе по дѣлу Арона Т.* 19 января 1888 г. Подсудимый Т. былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что принявъ на храненіе арестованное въ квартирѣ брата его Маркуса Т., принадлежавшее послѣднему имущество, и растративъ оное, къ сроку, назначенному для продажи, не представилъ. Варшавскій окружный судъ нашелъ, что подсудимый, принявъ на сохраненіе арестованное судебнымъ приставомъ принадлежавшее Маркусу Т. имущество, въ день продажи не представилъ онаго и примѣнилъ 1681 ст. улож.; варшавская судебная палата утвердила означенный приговоръ, но правительствующій сенатъ по кассаціонной жалобѣ защитника подсудимаго отмѣнилъ приговоръ палаты по тому основанію, что ни въ приговорѣ суда, ни въ приговорѣ палаты не выяснено, въ какихъ именно дѣяніяхъ подсудимаго усмотрѣны признаки растраты, тогда какъ одно установленное судомъ и палатою непредставленіе подсудимымъ ко дню продажи принятыхъ имъ на храненіе вещей, могущее быть послѣдствіемъ не только злонамѣренной растраты, еще не соотвѣтствуетъ, въ виду 1016 ст. уст. граж. суд. и неоднократныхъ кассаціонныхъ рѣшеній (1872 г., № 1666, 1872 г., № 973, 1875 г., № 161), понятію преступленія, предусмотрѣннаго 1681 ст. улож., примѣненною судомъ и палатою къ подсудимому, и что въ засѣданіи суда братъ подсудимаго, за долги котораго имущество было описано, показалъ, что то имущество было продано имъ, а не подсудимымъ, и это показаніе судомъ вовсе не было подвергнуто обсужденію, а палатою не принято во вниманіе, хотя надлежащей повѣрки этого показанія ею сдѣлано не было. Разсмотрѣвъ вновь означенное дѣло, палата утвердила приговоръ суда; на приговоръ палаты была принесена кассаціонная жалоба защитникомъ подсудимаго. Правительствующій сенатъ прежде всего нашелъ необходимымъ замѣтить,

что въ указѣ его по сему дѣлу вовсе не было высказано, какъ совершенно ошибочно полагаетъ защитникъ подсудимаго, чтобы признаковъ растраты не заключалось въ дѣяніи подсудимаго, установленномъ судебнымъ слѣдствіемъ, и ссылка на показаніе Маркуса Т. вовсе не имѣла цѣлью устранить отвѣтственность подсудимаго за поступки его брата. Напротивъ, правительствующій сенатъ, не выходя изъ предѣловъ власти, предоставленной ему 5 ст. учр. суд. устан., указалъ только, что то дѣяніе подсудимаго, которое было установлено въ приговорахъ суда и палаты, не соотвѣтствовало понятію преступленія растраты, и что судъ и палата оставили безъ надлежащаго обсужденія показаніе брата подсудимаго, на которое послѣдній ссылался, какъ на доказательство своей невиновности. Поэтому палата имѣла полное право, нисколько не нарушая приводимой защитникомъ подсудимаго 930 ст. уст. угол. суд., постановить обвинительный приговоръ о подсудимомъ, коль скоро по обсужденіи данныхъ судебнаго слѣдствія, пришла къ убѣжденію въ совершеніи имъ такого дѣянія, которое совмѣщало въ себѣ признаки предусмотрѣннаго закономъ преступленія. Равнымъ образомъ правительствующій сенатъ не усматриваетъ, чтобы палатою были нарушены указываемыя въ жалобѣ ст. 612, 734, 751 и 753 уст. угол. суд., такъ какъ палата за признаніемъ неподлежащимъ въ силу 5 ст. учр. суд. уст. повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, что вопросъ 2-й о виновности подсудимаго соотвѣтствовалъ даннымъ судебнаго слѣдствія и былъ предметомъ обсужденія защиты, а предложенный защитою вопросъ не вытекалъ изъ существа дѣла и не былъ предметомъ судебнаго слѣдствія, имѣла полное право на основаніи 751 ст. уст. угол. суд. оставить безъ уваженія возраженія защиты противъ 2-го вопроса и отказать ей въ ходатайствѣ о постановкѣ вопроса дополнительнаго; помянутый же 2-й вопросъ, излагая тѣ же фактическія обстоятельства, которыя изложены въ 1-мъ вопросѣ, постановленномъ согласно съ выводами обвинительнаго акта, и отличаясь отъ этого 1-го вопроса только тѣмъ, что вмѣсто виновности подсудимаго въ растратѣ, совершенной непосредственно имъ, указана виновность его въ оставленіи имущества съ цѣлью растраты онаго, въ распоряженіи его брата, не заключалъ въ себѣ никакого новаго обвиненія противъ подсудимаго. Обращаясь къ указанію защитника на неправильное примѣненіе къ подсудимому 1681 ст. улож., правительствующій сенатъ усматриваетъ, что на основ. ст. 1681 ул. и 177 ст. уст. о нак., 1009, 1011, 1013, 1016, 1017, и 1018 ст. уст. гр. суд. для признанія растраты заарестованнаго имущества дѣйствительно необходимо, чтобы означенное имущество было ввѣрено растратившему оное для сохраненія (1867 г. № 577, 1870 г. № 866, 1872 г. № 1266 и др.), но законъ вовсе не требуетъ, чтобы такое имущество было передано въ фактическое владѣніе хранителю; напротивъ, законъ даже прямо допускаетъ возможность оставленія арестованнаго имущества не на рукахъ хранителя, обязывая судебнаго пристава назначать въ храни-

тели такихъ лицъ, которыя признаютъ возможнымъ принять на себя храненіе имущества безъ перемѣщенія онаго (ст. 1011 уст. гр. суд.); фактъ принятія имущества на храненіе удостовѣряется росписью хранителя на описи имущества (1013 ст. того же устава); законъ не указываетъ подробно правилъ, коими долженъ руководствоваться хранитель при исполненіи принятой на себя обязанности, и средствъ, съ помощью которыхъ ввѣренное имущество должно быть сохранено, предоставляя въ этомъ отношеніи полный просторъ хранителю, но требуетъ только, чтобы хранитель представлялъ отчетность въ приносимыхъ арестованнымъ имуществомъ прибыляхъ и не пользовался ввѣреннымъ ему на храненіе имуществомъ, не отдавалъ его другимъ и не растрачивалъ оное, угрожая хранителю въ случаѣ несохраненія имущества въ цѣлости лишеніемъ платы за храненіе и взысканіемъ убытковъ, а въ случаѣ растраты имущества отвѣтственностью по ст. 1681 улож. и 177 ст. уст. нак. (1016 и 1017 ст. уст. граж. суд.), при чемъ, какъ разъяснялъ правительствующій сенатъ, растрата заключается въ издержаніи имущества (1872 г. № 1243) и можетъ имѣть мѣсто только при признаніи въ виновномъ умысла доставить себѣ или другому противозаконную выгоду (1869 г. № 321, 1872 г. № 1666, 1873 г. № 973, 1875 г. № 161), и къ растратѣ же должны быть отнесены случаи выдачи или передачи хранителемъ ввѣреннаго ему имущества другимъ лицамъ съ преступнымъ намѣреніемъ (1868 г. № 990). Изложенныя указанія закона и разъясненія правительствующаго сената вполнѣ опровергаютъ объясненія защитника подсудимаго о неправильномъ примѣненіи къ послѣднему ст. 1681 улож. въ виду отсутствія фактической передачи арестованнаго имущества на храненіе подсудимому, ибо палатою признано, что это имущество было передано подсудимому въ порядкѣ, опредѣленномъ ст. 1013 уст. граж. суд., а такая передача устанавливала отвѣтственность подсудимаго, какъ по 1016, такъ и по 1017 ст. того же устава. Равнымъ образомъ не могутъ заслуживать уваженія и объясненія защитника о невиновности подсудимаго въ растратѣ за отсутствіемъ фактической передачи непосредственно имъ находившагося на его храненіи имущества его брату. Палата признала, что ввѣренное подсудимому имущество было утрачено, что исчезновеніе этого имущества было результатомъ заранѣе состоявшагося между подсудимымъ и братомъ его, Маркусомъ, соглашенія и что хотя подсудимый не лично растратилъ это имущество, но оставилъ ввѣренное его храненію имущество въ распоряженіи брата его, съ явно-преступнымъ намѣреніемъ допустить, слѣдовательно осуществить расхищеніе того имущества. Въ установленномъ, въ такомъ видѣ, дѣяніи подсудимаго заключаются всѣ требуемые закономъ признаки растраты: принятіе на храненіе имущества, преступное намѣреніе издержать его и осуществленіе этого намѣренія чрезъ другое лицо. Защитникъ подсудимаго ошибочно полагаетъ, что растрата, издержаніе ввѣреннаго имущества, должна быть совершена физическимъ дѣйствіемъ хранителемъ онаго, не-

посредственною передачею послѣднимъ имущества изъ рукъ въ руки другому лицу. Растрата какъ и другое преступленіе, можетъ быть приведена въ исполненіе и не непосредственнымъ дѣйствіемъ виновнаго, но по его распоряженію, при посредствѣ другаго лица. Допускать противное было бы равносильно покровительству преступленій, задуманныхъ и совершенныхъ болѣе сложными и искусными способами, и содѣйствію къ обходу законовъ, изложенныхъ въ статьяхъ 177 уст. о нак., 1681 ул. и 1017 уст. гражд. суд. Поэтому всякое дѣйствіе хранителя, предпринятое съ преступною цѣлью и выразившееся въ совершеніи или допущеніи издержанія принятаго на храненіе имущества, составляетъ растрату того имущества, а слѣдовательно палата имѣла полное основаніе примѣнить къ подсудимому 1681 ст. улож. о нак.;... по поводу же указаній кассаціонной жалобы на необсужденіе палатою ни существа и основаній, ни размѣра присужденнаго судомъ гражданскаго иска, правительствующій сенатъ нашелъ, что палата и не имѣла права по силѣ 889 ст. уст. угол. суд. входить въ разсмотрѣніе означенныхъ предметовъ за неуказаніемъ на нихъ въ аппелляціонномъ отзывѣ. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ кассаціонная жалоба Т. была оставлена безъ послѣдствій.

IV. *Рѣшеніе по дѣлу Шмуля и Хавы М.* и др. 17 мая 1888 г. Подсудимые М., А., П. и М. были преданы суду по обвиненію въ томъ, что, согласившись между собою отвлечь изъ православія въ еврейскую вѣру Марію Л., до крещенія Матлю М., вопреки воли родителей принявшую православную вѣру и вступившую въ бракъ съ фельдшеромъ казачьяго дивизіона Л., схватили ее чрезъ П. и другаго неразысканнаго лица на улицѣ, насильственно и путемъ угрозъ привели ее въ квартиру ея родителей евреевъ М., совокупными силами лишили ее свободы въ теченіе около 10 дней, помѣстивъ сперва въ сарайчикѣ, куда не имѣли доступа посторонніе люди и гдѣ она питалась лишь хлѣбомъ и водою, а потомъ въ частной квартирѣ, а оттуда противъ воли ея Л. отправили ее въ сопровожденіи Шмуля М. за границу съ намѣреніемъ, разлучивъ ее съ мужемъ, путемъ насилія и угрозъ, заставить ее вернуться въ еврейскую вѣру, чего, однако, не успѣли достигнуть, такъ какъ Марія Л. была найдена въ Берлинѣ полицейскою властью и возвращена въ Варшаву, а подсудимый Шмуль М. и въ томъ, что, сопровождая Марію Л. за границу, отказывалъ ей въ средствахъ согрѣться отъ холода, говорилъ, что ее слѣдовало бы задушить, наносилъ ей побои, при совершеніи ею крестнаго знаменія, ломалъ ей руки и намѣревался сорвать съ нея крестъ, послѣдствіемъ каковыхъ лишенія свободы, угрозъ и истязаній у Л. проявилось разстройство въ здоровьѣ, выразившееся въ истеріи. Варшавскій окружный судъ, признавъ виновными только подсудимыхъ П. и М. въ томъ, что они по предварительному между собою соглашенію склонили посредствомъ подговоровъ Марію Л. къ возвращенію изъ православія въ іудейство, для приведенія этого на-

мѣренія въ исполненіе содѣйствовали удаленію Л. отъ мужа и скрывали ее въ Варшавѣ и Берлинѣ, но преднамѣреннаго ими отпаденія Л. отъ православной вѣры не достигли потому, что Л. была розыскана и возвращена мужу, и найдя, что означенное преступленіе предусмотрѣно 9, 1 ч. 184 ст. улож. о наказ., присудилъ подсудимыхъ къ наказанію по 2 и 31 ст. улож., по остальнымъ же обвиненіямъ подсудимыхъ оправдалъ. На этотъ приговоръ были принесены аппелляціонные: протестъ товарища прокурора и жалобы подсудимыхъ. Варшавская судебная палата присудила всѣхъ подсудимыхъ по 2 ч. 184 ст. и 2 и 20 ст. ул.; по ихъ жалобамъ дѣло поступило въ сенатъ, который пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:... объясненія подсудимыхъ, что 5 п. 707 ст. уст. угол. суд. относится къ тѣмъ только случаямъ, когда евреи, принявшіе христіанство, являются подсудимыми и что этимъ постановленіемъ законъ имѣлъ въ виду охранить лишь права обвиняемыхъ, а не другихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, совершенно неосновательны. Прежде всего такое толкованіе не соотвѣтствуетъ точнымъ выраженіямъ 5 п. 707 ст., указывающимъ не на лицо, а на дѣла, и притомъ не однихъ подсудимыхъ, а вообще всѣхъ евреевъ, принявшихъ христіанство, и едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что если бы законъ имѣлъ въ виду только подсудимыхъ крещеныхъ евреевъ, то онъ выразилъ бы свою мысль опредѣленно, а не придалъ бы ей смыслъ общаго значенія. Но главнымъ образомъ неосновательность приведенныхъ объясненій явствуетъ изъ того, что законъ, допуская по заявленіямъ сторонъ отводъ отъ присяги свидѣтелей, имѣетъ въ виду не только интересы сторонъ, но интересы болѣе высшаго порядка, именно правосудія, которое можетъ быть введено въ заблужденіе присяжными показаніями свидѣтелей, по положенію своему могущихъ склониться къ сокрытію истины и общественной нравственности, требующей устраненія возможности клятвопреступленія, и если отводъ отъ присяги свидѣтелей законъ поставилъ въ зависимость отъ требованія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, то единственно въ силу состязательнаго начала, составляющаго одну изъ основъ уголовнаго судопроизводства по судебнымъ уставамъ Императора Александра II и возлагающаго на стороны заботы о разъясненіи дѣла на судѣ, согласно задачамъ правосудія. Съ этою цѣлью законъ и указалъ въ 707 ст. улож. угол. суд. лицъ, которыя могутъ возбуждать основательныя сомнѣнія въ безпристрастномъ исполненіи обязанностей свидѣтеля, или по личнымъ условіямъ (п. 1 ст. 707), или по отношеніямъ къ участвующимъ въ дѣлѣ (пп. 2, 3 и 4 ея же), или, какъ опредѣлительно выражено въ 5 п. 707 ст., по свойству самаго дѣла, предоставивъ сторонамъ отводить такихъ лицъ отъ присяги и обязавъ суды уважать ходатайства о томъ сторонъ. Такимъ образомъ по 5 п. 707 ст. свидѣтели евреи подлежатъ отводу отъ присяги по требованію сторонъ независимо отъ того, будетъ ли перешедшій въ христіанскую вѣру еврей подсудимымъ по дѣлу или потерпѣвшимъ, или таковаго вовсе не будетъ,

лишь бы самое дѣло, по которому помянутые евреи были вызваны, имѣло отношеніе къ личности или имущественнымъ правамъ обратившагося въ христіанство еврея, а слѣдовательно и по настоящему дѣлу, имѣющему своимъ предметомъ обвиненіе подсудимыхъ по ст. 184 ул. относительно перешедшей въ православіе еврейки, судъ и палата правильно признали согласнымъ съ 5 п. 707 ст. отводъ, заявленный товарищемъ прокурора противъ свидѣтелей евреевъ. Равнымъ образомъ, уст. угол. суд. нигдѣ не воспрещаетъ сторонамъ предъявлять отводъ отъ присяги противъ свидѣтелей, вызванныхъ по ихъ же требованію, какъ скоро такой отводъ основанъ на законной причинѣ, и такое воспрещеніе было бы несогласно, какъ выше объяснено, съ интересами правосудія и стремленіемъ закона предупредить возможные случаи клятвопреступленія на судѣ. Засимъ правительствующій сенатъ нашелъ, что палата, отказавъ подсудимымъ въ ходатайствѣ о вызовѣ свидѣтелей по вновь открывшимся обстоятельствамъ и о разрѣшеніи представить имъ этихъ свидѣтелей на свой счетъ, въ основаніе означеннаго отказа привела несущественность обстоятельствъ, которыя упомянутые свидѣтели могутъ удостовѣрить и 879 ст. угол. суд. Помимо того, что въ опредѣленіи палаты по означенному предмету, вопреки указаніямъ правительствующаго сената во многихъ его рѣшеніяхъ, вовсе не приведено основаній, по которымъ палата признала несущественными обстоятельства, въ подтвержденіе коихъ были выставлены свидѣтели, примѣненіе палатою 879 ст. представляется неправильнымъ. Изложенное въ томъ законѣ правило, по которому въ судебную палату, въ качествѣ аппелляціонной инстанціи, свидѣтели требуются лишь тогда, когда палата признаетъ это необходимымъ или когда стороны о томъ просятъ и къ удовлетворенію ихъ просьбъ не встрѣчается препятствій, относится до свидѣтелей, *допрошенныхъ* при судебномъ слѣдствіи въ окружномъ судѣ и при томъ, согласно разъясненію правительствующаго сената, такихъ свидѣтелей, показанія коихъ внесены въ протоколъ судебнаго засѣданія (839 ст. уст. угол. суд.); въ противномъ же случаѣ вызовъ ихъ въ палату, по ходатайству сторонъ, обязателенъ (рѣш. по дѣлу Ивановой 1874 года № 611). Что означенный законъ имѣетъ въ виду только вышеупомянутыхъ свидѣтелей, подтверждается какъ содержаніемъ онаго, предоставляющимъ палатѣ право вызывать ихъ по собственному усмотрѣнію безъ всякаго заявленія о томъ сторонъ, такъ и послужившими для постановленія этого закона основаніями, въ которыхъ указано, что *возобновленіе* судебнаго слѣдствія *передопросомъ* свидѣтелей въ аппелляціонной инстанціи (въ палатѣ) можетъ представиться иногда необходимымъ для разъясненія судьямъ, не бывшимъ при первоначальномъ судебномъ слѣдствіи, сомнительныхъ обстоятельствъ дѣла и для способствованія имъ къ разрѣшенію трудныхъ въ дѣлѣ вопросовъ (объяснительная записка къ проекту уст. уг. суд.). Что же касается ходатайства сторонъ о вызовѣ въ палату для допроса неспрошенныхъ въ окружномъ судѣ

свидѣтелей, то палата въ этомъ случаѣ, согласно 878 ст. уст. уг. суд., обязана примѣнять правила, постановленныя на сей предметъ для окружныхъ судовъ (573—577 ст. уст. угол. суд.). Такъ, если такое ходатайство сторонъ основано на отказѣ окружнаго суда въ ихъ просьбѣ о вызовѣ свидѣтелей въ нарушеніи означенныхъ правилъ, то палата должна провѣрить правильность сдѣланнаго въ апелляціонномъ отзывѣ или протестѣ указанія, и если судомъ было допущено нарушеніе, своевременнымъ исправленіемъ таковаго возстановить право аппеллятора, вызвавъ указываемыхъ имъ свидѣтелей для допроса; въ случаѣ же просьбы сторонъ о вызовѣ для допроса не указанныхъ ими прежде свидѣтелей, согласно 577 ст. уст. угол. суд., по вновь открывшимся обстоятельствамъ, на обязанности палаты лежитъ обсудить, на сколько эта просьба уважительна, и постановивъ по оной опредѣленіе съ точнымъ изложеніемъ основаній, принятыхъ для разрѣшенія ея, немедленно сдѣлать соотвѣтствующее по этому опредѣленію распоряженіе, т. е. поступить во всемъ согласно съ правилами, указанными въ 575 и 576 ст. уст. угол. суд. Въ виду чего отказъ палаты по настоящему дѣлу въ ходатайствѣ подсудимыхъ о разрѣшеніи имъ представить въ судебное засѣданіе новыхъ свидѣтелей, при непризнаніи палатою обстоятельствъ, въ удостовѣреніе коихъ они выставлялись, не открывшимися вновь и не имѣющими вовсе отношенія къ дѣлу, является существеннымъ нарушеніемъ означенныхъ правилъ въ стѣсненіи подсудимыхъ въ представленіи законныхъ средствъ къ оправданію. Затѣмъ сенатъ нашелъ, что палата допустила существенное нарушеніе ст. 766 и 797 уст. угол. суд. тѣмъ, что свой приговоръ о виновности подсудимыхъ основала между прочимъ на показаніи Маріи Л., не смотря на то, что это показаніе дано ею на предварительномъ слѣдствіи безъ предупрежденія ея, согласно ст. 444 уст. угол. суд., о принадлежащемъ ей, по 704 ст. того же устава, правѣ устранить себя отъ свидѣтельства по сему дѣлу и что на судебномъ слѣдствіи, по разъясненіи ей предоставленнаго означеннымъ закономъ права, она отъ дачи показанія отказалась. Хотя палата и полагаетъ, что ранѣе выраженная свидѣтельницею въ судебномъ засѣданіи готовность повторить данное ею у слѣдователя показаніе давало палатѣ право воспользоваться означеннымъ показаніемъ, насколько оно занесено въ обвинительный актъ, но такое заключеніе палаты нельзя признать имѣющимъ правильное основаніе. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ виду обнаруженной свидѣтельницею, послѣ предложенія ей вопроса въ силу 705 ст. уст. угол. суд., нерѣшительности, а также того, что, по признанію самой палаты, положеніе свидѣтельницы на судѣ было затруднительно и она находилась въ болѣзненномъ состояніи, палата, при окончательномъ отказѣ свидѣтельницы отъ дачи показанія, обязана была принять въ соображеніе только этотъ отказъ Маріи Л. Но если уже палата признавала возможнымъ принять въ соображеніе означенное показаніе, то во всякомъ случаѣ она должна была брать это

показаніе въ томъ видѣ, какъ оно было дано на предварительномъ слѣдствіи, а не какъ занесено въ обвинительный актъ, въ которомъ согласно 520 ст. уст. уг. суд. означается только сущность доказательствъ и уликъ, собранныхъ противъ обвиняемаго, и не должна была упускать изъ виду, что показаніе Маріи Л. было изложено въ обвинительномъ актѣ неполно и въ актѣ вовсе не включена часть этого показанія, могущая имѣть значеніе при обсужденіи виновности подсудимыхъ. Правительствующій сенатъ неоднократно разъяснялъ (1872 г. № 651 и др.), что право лицъ, указанныхъ въ 705 ст. уст. угол. суд., отказаться отъ свидѣтельства противъ подсудимаго, принадлежитъ имъ какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судебномъ, что отказъ означенныхъ лицъ отъ показанія, будучи равносиленъ отказу отъ всякаго свидѣтельства ихъ въ дѣлѣ, не допускаетъ провѣрки на судебномъ слѣдствіи показаній ихъ, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, и что засимъ показанія подобныхъ лицъ, какъ немогущія быть провѣренными на судѣ, не могутъ быть прочитаны на судебномъ слѣдствіи и за силою 735 ст. уст. угол. суд. служитъ предметомъ судебныхъ преній сторонъ. Если такимъ образомъ показаніе Маріи Л., данное ею на предварительномъ слѣдствіи и притомъ безъ предупрежденія ея о 705 ст. уст. уг. суд., не могло быть ни прочитано, ни провѣряемо на судѣ, то тѣмъ менѣе оно могло быть принято палатою въ соображеніе при разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимыхъ; основавъ же свой приговоръ, между прочимъ, и на такомъ показаніи, притомъ настолько, насколько оно было внесено въ обвинительный актъ, палата приняла въ соображеніе доказательство негодное, какъ недопускаемое закономъ, и потому приговоръ ея, какъ постановленный въ прямое нарушеніе 766 и 797 ст. уст. угол. судопр., не можетъ имѣть значенія судебнаго рѣшенія.

Статья 184 улож. преслѣдуетъ отвлеченіе кого либо посредствомъ подговоровъ, обольщеній или иныхъ средствъ и принужденіе кого либо къ отступленію посредствомъ насилія отъ христіанства въ нехристіанскую вѣру. Умыселъ обвиняемаго въ этомъ преступленіи, преднамѣренное имъ зло заключается въ отторженіи кого либо отъ христіанства и совращеніе его въ нехристіанскую вѣру; слѣдовательно преступленіе, предусмотрѣнное 184 ст. улож., должно считаться оконченнымъ только тогда, когда кто либо вслѣдствіе подговора, обольщенія или насилія, отвлекся, отпалъ, отступилъ отъ христіанства и перешелъ, совратился въ вѣру нехристіанскую; но коль скоро такого отпаденія и совращенія не послѣдовало, то всѣ дѣйствія обвиняемаго, направленныя къ достиженію этой противозаконной цѣли не могутъ быть признаны совершившимся преступленіемъ, караемымъ 184 ст. улож. Правильность высказаннаго взгляда подтверждается не только буквальными выраженіями означенной статьи: «за отвлеченіе», насиліе для принужденія «къ отступленію»,—особенно въ связи съ слѣдующею статьею 185, которая упоминаетъ объ отступившихъ уже

отъ христіанской вѣры, но и историческимъ ея происхожденіемъ. Статья 184 улож. основана на ст. 202 и 203 св. зак. угол., изд. 1842 г. и ст. 110 и 112 уст. о пред. и пресѣч. прест. изд. того же года, которыми опредѣлялось наказаніе нехристіанину, «если онъ принудитъ исповѣдующаго православную вѣру къ отступленію отъ оной и къ принятію своего закона» и предписывалось иновѣрца, совратившаго русскаго подданнаго въ свою вѣру, «отсылать къ суду и вмѣстѣ съ совращеннымъ», а эти статьи въ свою очередь имѣли своимъ источникомъ, между прочимъ, статью 24 гл. XXII уложенія царя Алексѣя Михайловича, въ которой сказано: «а будетъ кого бусурманъ какими нибудь мѣрами, насильствомъ или обманомъ, русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ...», «а кого онъ русскаго человѣка обусурманитъ»... Во всѣхъ приведенныхъ узаконеніяхъ упоминается о совершившемся отпаденіи христіанъ отъ христіанства и переходѣ ихъ въ нехристіанскую вѣру, но не о склоненіи ихъ къ этому. Вслѣдствіе сего правительствующій сенатъ находитъ неправильнымъ признаніе палатою подсудимыхъ виновными въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго 2 ч. 184 ст. улож., тогда какъ сама палата установила, что Марія Л., въ совращеніи которой отъ православія насильственными дѣйствіями подсудимые обвинялись, отъ православія не отпала и въ еврейскую вѣру не совратилась. Что же касается до вопроса о наказуемости покушенія на преступленіе, караемое 184 ст. улож., то хотя палата признала подсудимыхъ виновными не въ покушеніи на преступленіе, предусмотрѣнное 2 ч. 184 ст. улож., а въ самомъ совершеніи этого преступленія, и назначила подсудимымъ наказаніе по 9 ст. улож. какъ за покушеніе, только въ силу 889 ст. уст. угол. суд., согласно требованію апелляціоннаго протеста, тѣмъ не менѣе въ виду того, что означенный вопросъ возбуждается принесенными на приговоръ палаты жалобами и можетъ опять возникнуть при новомъ разсмотрѣніи сего дѣла, правительствующій сенатъ находитъ необходимымъ подвергнуть и этотъ вопросъ своему обсужденію и въ этомъ отношеніи не можетъ не принять во вниманіе, что на основаніи 9 ст. улож., разъяснявшейся многими рѣшеніями правительствующаго сената (1867 г., № 191; 1868 г., № 568; 1870 г., № 264; 1871 г., № 1438; 1872 г., № 1144 и др.), покушеніемъ на преступленіе признается всякое дѣйствіе, коимъ начинается или продолжается приведеніе злаго намѣренія въ исполненіе; изъ этого общаго опредѣленія преступнаго покушенія вытекаетъ, что оно должно выражаться въ дѣяніи, а не въ желаніи только или намѣреніи, и притомъ въ дѣяніи, посредствомъ котораго злое намѣреніе уже вступило на путь къ исполненію, такъ какъ одно изъявленіе намѣренія учинить преступленіе, хотя бы выраженное и въ дѣйствіи, согласно 7 ст. улож. составляетъ умыселъ. Далѣе, дѣяніе, чтобы стать покушеніемъ, должно находиться въ непосредственной связи съ самымъ совершеніемъ преступленія и быть прямо на совершеніе онаго направлено, входить въ составъ законныхъ

признаковъ преступленія. Поэтому въ преступленіи, предусм. 184 ст. улож., которое считается совершеннымъ только тогда, когда лицо, на которое преступникъ воздѣйствуетъ какими либо средствами, выполнило, и притомъ подъ давленіемъ этихъ средствъ, злое намѣреніе преступника, такъ что совершеніе сего преступленія, слѣдовательно, находится въ зависимости отъ дѣйствія совращаемаго, для наличности покушенія должно быть установлено, что преступникъ *требовалъ* отъ означеннаго лица исполненія дѣйствія, воспрещеннаго закономъ (отступленіе отъ христіанской вѣры), что тому лицу была извѣстна цѣль, которой преступникъ чрезъ него домогался достигнуть, и что дѣйствія, предпринятыя преступникомъ для достиженія этой цѣли, дѣйствительно могли оказать на помянутое лицо ожидаемое преступникомъ вліяніе, иначе не будетъ выяснена необходимая для покушенія связь между дѣяніемъ преступника и совершеніемъ преступленія. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ правительствующій сенатъ приговоръ варшавской судебной палаты за нарушеніемъ 575, 576, 878, 766 и 797 ст. уст. угол. суд. и за неправильнымъ толкованіемъ 184 ст. улож. отмѣнилъ. При вторичномъ разсмотрѣніи дѣла всѣ подсудимые были оправданы палатою и этотъ приговоръ вступилъ въ законную силу.

V. *Рѣшеніе по дѣлу Владислава П. 31 мая 1888 г.* Судебная палата признавъ подсудимаго, отбывшаго уже наказаніе въ 1881 г. за кражу по приговору гминнаго суда и въ 1887 г. за кражу по приговору мюнхенскаго, въ Баваріи, окружнаго суда, виновнымъ въ кражѣ, совершенной въ 1887 г. и предусмотрѣнной 169 ст. уст. о нак., присудила его по означенной статьѣ и 8 п. 170 ст. уст. о нак., какъ за вторую простую кражу; палата не приняла въ разсчетъ при опредѣленіи наказанія осужденія и отбытія подсудимымъ наказанія по приговору мюнхенскаго суда въ виду того, что законъ постановляетъ наказаніе за повтореніе преступленія только тогда, когда виновный отбылъ наказаніе, опредѣленное уложеніемъ или уставомъ о наказаніяхъ, и не допускаетъ этого усиленія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда прежнія наказанія отбыты по приговорамъ такихъ русскихъ судебныхъ мѣстъ, для которыхъ руководство уложеніемъ и уставомъ не обязательно; вообще полнѣйшее отсутствіе въ нашемъ законодательствѣ указаній на то, чтобы отбытіе наказанія за-границею по приговору иностраннаго судебнаго мѣста могло бы повліять на усиленіе наказанія за преступленія, учиненныя въ предѣлахъ Россіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что наше законодательство придерживается того же начала, которое выражено въ 244 ст. германскаго уложенія, усиливающей наказаніе за кражу и грабежъ только въ томъ случаѣ, если виновный былъ ранѣе того наказанъ за таковыя преступленія въ предѣлахъ Германіи. На приговоръ палаты товарищъ прокурора принесъ кассаціонный протестъ, указывая на примѣненіе къ данному случаю 1655 ст. улож. Правительствующій сенатъ нашелъ, что вопросъ о томъ, составляетъ ли преступленіе, совершенное въ предѣлахъ Россіи, но послѣ

суда и наказанія по приговору иностраннаго суда за подобное же преступленіе, совершенное въ иностранномъ государствѣ, повтореніе сего преступленія, долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Ни въ уложеніи о нак. въ главѣ V разд. I, ни въ другихъ какихъ либо законодательныхъ постановленіяхъ, ни въ трактатахъ, заключенныхъ съ иностранными державами, не заключается никакого указанія на обязательность приговоровъ иностранныхъ судовъ для русскихъ судебныхъ мѣстъ, при опредѣленіи повторенія преступленій. Не признаютъ такой для себя обязательности и иностранные уголовные кодексы, а въ проектѣ уголовнаго кодекса въ Италіи, въ § 2 ст. 84, даже прямо выражено, что не имѣютъ вліянія на установленіе рецидива осужденія судовъ иностранныхъ. Иначе оно и быть не можетъ. Для русскихъ судебныхъ мѣстъ могутъ быть обязательны только законы, установленные русскою верховною властью. Правительствующій сенатъ въ рѣшеніи 1873 г. за № 658 высказалъ, что по самому существу международныхъ отношеній нельзя требовать отъ властей какого либо государства, чтобы они руководились чуждымъ для нихъ закономъ. Между тѣмъ понятіе повторенія преступленія въ уголовныхъ законахъ разныхъ государствъ можетъ опредѣляться и опредѣляется различно, въ зависимости отъ условій жизни и развитія уголовнаго законодательства каждой страны, и потому ни одинъ русскій судъ не въ правѣ руководствоваться при опредѣленіи наказуемости повторенія преступленія приговоромъ иностраннаго суда, постановленнымъ на основаніи законовъ, дѣйствующихъ въ иностранномъ государствѣ, хотя, конечно, первый можетъ принять въ соображеніе при опредѣленіи мѣры наказанія и обвинительный приговоръ послѣдняго, какъ обстоятельство, свидѣтельствующее о нравственной испорченности виновнаго и увеличивающее его вину. По изложеннымъ соображеніямъ правительствующій сенатъ опредѣлилъ: протестъ товарища прокурора оставить безъ послѣдствій.

VI. *Рѣшеніе по дѣлу Валеріана К. 28 февраля 1889 г.* Приговоромъ варшавской судебной палаты Валеріанъ К. признанъ виновнымъ въ томъ, что съ цѣлью освободить Яр. отъ опредѣленнаго ему гминнымъ судомъ наказанія въ октябрѣ 1884 г., при посредствѣ третьяго лица, слѣдствіемъ необнаруженнаго, составилъ отъ имени Л. подложное прошеніе о послѣдовавшемъ будто бы между Л. и Яр. примиреніи, каковое прошеніе и представилъ 22 октября 1884 г. чрезъ жену Яр. въ гминный судъ, вслѣдствіе чего дѣло Яр. съ Л. было прекращено. Признавъ это преступленіе подходящимъ подъ дѣйствіе 1537 ст. улож. о нак., судебная палата приговорила К. къ заключенію въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ. Вслѣдъ за объявленіемъ приговора 9 ноября въ варшавскую судебную палату поступило 12 ноября прошеніе Антонины Л., въ которомъ, излагая, что она примирилась съ К., проситъ на основаніи примѣчанія къ 1539 и 157 ст. улож. приговоръ о его наказаніи отмѣнить. Судебная палата постановленіемъ отъ 19 ноября 1888 г. опредѣлила: на точномъ основаніи примѣчанія къ 1539 ст. улож. прошеніе Л. оставить безъ по-

слѣдствій; на это опредѣленіе подсудимый К. принесъ кассаціонную жалобу, прося объ отмѣнѣ таковаго. Правительствующій сенатъ нашелъ: 1) что указаніе подсудимаго на признаніе его судебною палатою изобличеннымъ во взводимомъ на него преступленіи, не смотря на отсутствіе уликъ, какъ относящееся до провѣрки выводовъ суда изъ обстоятельствъ дѣла по существу, не подлежитъ обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ (рѣш. 1869 г., № 322; 1871 г., № 664 и др.); 2) что къ установленному судебною палатою дѣянію подсудимаго 1537 ст. улож. примѣнена правильно и 3) что указаніе подсудимаго на неправильность постановленія судебной палаты объ оставленіи прошенія Л. о примиреніи ея съ подсудимымъ безъ послѣдствій, не заслуживаетъ уваженія по слѣдующимъ основаніямъ: по буквальному содержанію примѣчанія подъ 1539 ст. улож. о нак. оно относится только къ преступнымъ дѣяніямъ, указаннымъ въ 1535 и 1539 ст. улож., а именно: къ клеветѣ и распространенію оскорбительныхъ для чести сочиненій. Помѣщеніе въ томъ же отдѣленіи (3 отд. VI гл. X разд.), на ряду съ означенными преступленіями, преступныхъ дѣяній, указанныхъ въ статьяхъ 1537 и 1538, не можетъ служить правильнымъ основаніемъ къ заключенію, что и на дѣла объ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ должно быть распространяемо правило, изложенное въ примѣчаніи подъ 1539 ст., такъ какъ сіи послѣднія дѣянія заключаютъ въ себѣ преступленіе другаго рода, а именно поддѣлку письма или иной бумаги для оскорбленія чести какого либо лица или же съ другими, означенными въ 1537 и 1538 ст. цѣлями, т. е. подлоги частныхъ бумагъ безъ корыстныхъ видовъ. Это положеніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ же III отд. VI гл. X разд. улож. о нак., по изд. 1857 г., предусматривался въ 2101 ст. (впослѣдствіи отмѣненный), еще одинъ случай поддѣлки частной бумаги единственно по шалости или для шутки; въ этой статьѣ, въ отличіе отъ остальныхъ, упомянутыхъ двухъ статей о поддѣлкахъ этого рода (по изд. 1857 г. ст. 2099 и 2100, нынѣ вошедшія въ составъ статей 1537 и 1538), было именно сказано, что преслѣдованіе виновныхъ въ этомъ преступленіи возбуждается не иначе, какъ по жалобѣ лица, отъ имени коего письмо или иная бумага писана или подписана. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, признавая что дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1537 и 1538 ст. улож., могутъ быть начинаемы и безъ жалобы лица потерпѣвшаго, а потому и не подлежатъ прекращенію за примиреніемъ сторонъ (157 ст. улож. и 3 п. 16 ст. уст. угол. суд.), правительствующій сенатъ жалобу К. оставилъ безъ послѣдствій.

Александръ Кочубей.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Letourneau, *L'évolution juridique dans les diverses races humaines.* Paris, 1891.

Русскимъ читателямъ извѣстны труды Летурно, посвященные эволюціи морали, брака и семьи, собственности и политическихъ учрежденій. Новая работа французскаго ученаго ближе заинтересовываетъ юриста.

Среди словъ, говоритъ Летурно, которыя ни одинъ цивилизованный человѣкъ не можетъ слышать равнодушно, среди словъ, возбуждающихъ въ насъ унаслѣдованныя волненія и окруженныхъ ореоломъ, первое мѣсто занимаетъ слово *справедливость*. Метафизики считали справедливость врожденною изначала идеею. Летурно, какъ сторонникъ эволюціонной теоріи и историко-сравнительнаго метода, изслѣдуетъ зародыши чувства и идеи справедливости и слѣдитъ за ихъ постепеннымъ развитіемъ. Эволюціонисты, замѣчаетъ Летурно, гораздо болѣе картезіанцы, чѣмъ авторъ *Разсужденія о методѣ*: у нихъ, дѣйствительно, исходнымъ пунктомъ является *tabula rasa*.

Эволюція права разсматривается въ книгѣ Летурно болѣе съ антропологической, нежели съ чисто-юридической точки зрѣнія. Авторъ начинаетъ съ нѣкоторыхъ психо-физіологическихъ указаній. Зародышъ права онъ видитъ въ рефлекторныхъ актахъ, повтореніе и развитіе которыхъ образуетъ чувство и понятія мести и возмездія. Нужно замѣтить, что происхожденіе справедливости изъ инстинкта самосохраненія и мести при помощи тѣхъ логическихъ операцій, какія лежатъ въ основѣ математическаго равенства, давно уже и мастерски развито Литтре.

Летурно отыскиваетъ зародыши справедливости и преступности у животныхъ. Въ своемъ увлеченіи авторъ доходитъ до того, что въ мірѣ животномъ существуютъ не только чувства, но также *идеи*, аналогичныя тѣмъ, которыя наблюдаются въ человѣчествѣ. Онъ соглашается, однако, что это не относится къ праву: метафизики, говоритъ Летурно, съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ могутъ утверждать, что человѣкъ есть единственное юридическое животное. Но, прибавляетъ Летурно, если животныя, даже самыя общежительныя, кажутся не имѣющими ни нравовъ, ни учрежденій юридическихъ, все-таки у нихъ сходная съ человѣкомъ біоло-

гическая и умственная организація, на которой покоится и изъ которой исходитъ справедливость. Рефлективное дѣйствіе и у нихъ служитъ основаніемъ всѣхъ психо-моторныхъ функцій.

Собаки различаютъ, говоритъ Летурно, между *моимъ* и *твоимъ*. Случалось, что эти собаки (домашнія) скорѣе умирали съ голода, чѣмъ дотрогивались до пищи хозяина [1]). Если имъ приходилось поддаться искушенію, то онѣ дѣлали это *въ полномъ сознаніи своей ошибки* (avec une pleine conscience de leur faute).

Намъ представляется послѣднее утвержденіе довольно смѣлымъ. Стороннику эволюціонной теоріи нѣтъ необходимости доказывать такимъ путемъ непрерывность біологическаго и культурнаго развитія. Самъ Летурно отмѣчаетъ, что справедливость отсутствуетъ даже въ нѣкоторыхъ дикихъ ордахъ, что на низшихъ ступеняхъ развитія всѣхъ расъ мы видимъ отсутствіе организованной справедливости.

Во второй главѣ Летурно приводитъ многочисленныя данныя о томъ, что считалось преступнымъ и какъ оно наказывалось въ почти исчезнувшемъ теперь древнемъ племени Цейлона, у краснокожихъ индѣйцевъ, у индѣйцевъ центральной и южной Америки, среди аборигеновъ Индіи. Эти племена уже вышли изъ первобытной анархіи, въ которой изслѣдованіе застало феджійцевъ, но справедливость и у нихъ носитъ еще отпечатокъ животности. Господствующимъ стремленіемъ является желаніе отплатить вредъ за вредъ, смерть за смерть. Маленькая первобытная община, однако, всегда интересуется этимъ дикимъ возмездіемъ. Она вмѣняетъ индивидууму въ обязанность мстить, она объявляетъ себя солидарною съ тѣмъ изъ своихъ членовъ, который совершилъ злодѣяніе, она мститъ за него, когда онъ на это самъ неспособенъ. Такимъ образомъ, всякое уголовное (преступное) дѣло, индивидуальное въ принципѣ, облекается въ коллективный характеръ. Эта солидарность повела къ смягченію права мстить. Коллективное цѣлое не можетъ чувствовать обиды такъ живо, какъ то лицо, которому обида была нанесена. Отсюда естественный переходъ къ композиціямъ, къ вознагражденіямъ, которыя приносятъ пользу всей общинѣ или клану, тогда какъ пролитіе крови такихъ выгодъ не представляетъ. Существованіе вождей, стоящихъ выше остальныхъ членовъ общежитія, ведетъ къ тому же результату, ослабляя солидарность вождя съ каждымъ изъ остальныхъ членовъ клана. На первыхъ порахъ вожди дѣйствуютъ только совѣтами, предостереженіями; но нѣкоторые изъ нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ выступаютъ съ приказаніями и кладутъ, такимъ образомъ, основаніе *монархической справедливости*. Мы замѣчаемъ здѣсь поединокъ, который игралъ такую важную роль въ дальнѣйшей исторіи человѣчества (его Летурно разсматриваетъ какъ взаимное возмездіе, talion réciproque), и клятву. Рядомъ съ вождемъ, военнымъ, свѣтскимъ, появляется колдунъ, зародышъ жреца.

---

1) Летурно ссылается на Роменеса: *Умственная эволюція у животныхъ*.

Слѣдующая глава книги Летурно отведена справедливости у монархическихъ племенъ. Авторъ останавливается на Полинезіи и негритянскихъ племенахъ Африки. Летурно отмѣчаетъ появленіе при переходѣ въ монархическую организацію новаго преступленія: *оскорбленіе величества*. Степень тяжести преступленія становится въ зависимость отъ общественнаго положенія преступника. У папуасовъ убійство, совершенное вождемъ, — легкій проступокъ, тогда какъ воровство человѣка изъ народа считается большимъ преступленіемъ. Съ другой стороны, малѣйшее оскорбленіе вождя, превратившагося въ царька, подлежитъ самому жестокому наказанію. Летурно отмѣчаетъ, что монархическая справедливость, составляя важный шагъ впередъ по сравненію съ полу-анархическимъ предшествовавшимъ состояніемъ, заключала въ себѣ и зло: произволъ и капризы властителя вносятъ развращающіе результаты. Забота о справедливости отступаетъ на задній планъ, на первый же планъ выдвигаются своекорыстные интересы царька. Съ нравственной и политической точекъ зрѣнія такой переходъ, заключаетъ Летурно, составляетъ отступленіе назадъ. Онъ подтверждаетъ это многочисленными примѣрами, взятыми изъ жизни небольшихъ варварскихъ монархій (глава IV). Въ это время появляются и преступленія религіозныя.

Большія варварскія монархіи (Перу, Мексика и сосѣднія съ нею государства) особенно карають эти послѣднія преступленія и оскорбленія величества. Монархъ является теперь происходящимъ отъ боговъ, онъ и самъ почитается, какъ божество. Первоначальный инстинктъ справедливости подвергается при такихъ условіяхъ долгому и сильному искаженію. Эти выводы подтверждаются анализомъ фактовъ изъ исторіи древняго Египта и современной Абиссиніи. Въ этихъ странахъ мы замѣчаемъ проблески соображеній общественной пользы: фараоны начинаютъ замѣнять смертную казнь каторжными работами надъ различными сооруженіями. Положеніе такихъ каторжниковъ было ужасно, но все же къ общественной пользѣ или личному тщеславію владыкъ прибавился зародышъ нѣкоторыхъ гуманныхъ идей.

VII и VIII главы своего труда Летурно отвелъ Китаю. Правосудіе въ этой странѣ еще не спеціализировалось. Мандаринъ держитъ, какъ императоръ, всѣ власти въ своихъ рукахъ. Но появляются уже зачатки апелляціонныхъ инстанцій. Слѣдуетъ отмѣтить кромѣ того, что въ Китаѣ жизнь человѣческая начинаетъ цѣниться дороже, чѣмъ въ варварскихъ монархіяхъ, и для смертной казни требуются нѣкоторыя формальности. Господствуютъ тѣлесныя наказанія, но обычай и возможность замѣны ихъ денежною пенею смягчаютъ это наслѣдіе грубыхъ временъ. Китайскій кодексъ представляетъ отцу семейства чрезвычайно обширную власть (до молчаливаго признанія за нимъ права на жизнь и смерть его дѣтей). Во многихъ отношеніяхъ китайское законодательство уподобляетъ женщину дѣтямъ, но оно признаетъ разводъ по простому согласію супруговъ. Въ области волшебства и религіозныхъ преступленій Китай погруженъ еще

въ варварское состояніе. Наказанія за многія преступленія сильно увеличиваются, если преступленія эти совершены противъ представителей административной власти. Любопытно, что въ Китайской Имперіи военный судъ не можетъ постановить ни одного смертнаго приговора безъ участія въ судопроизводствѣ и приговорѣ представителя гражданской власти. Смертную казнь утверждаетъ императоръ, который долженъ при этомъ молиться и поститься, чтобъ не произнести несправедливаго рѣшенія. Характерную особенность китайскаго кодекса составляетъ то, что за одно и тоже преступленіе знатные наказываются суровѣе нежели простолюдины.

Вторая часть книги Летурно начинается анализомъ правосудія у берберскихъ племенъ, послѣ чего авторъ переходитъ къ арабамъ. У послѣднихъ сохранились лишь слабые слѣды первобытнаго состоянія. Коранъ не уничтожалъ возмездія, онъ только регулировалъ его, ограничивая просторъ личной расправы. Арабскіе юрисконсульты сдѣлали въ этомъ отношеніи нѣсколько шаговъ далѣе. Они смягчили постановленія стараго законодательства своими толкованіями, но не внесли въ него новыхъ началъ.

Сравнивая арабское право съ правомъ еврейскимъ, Летурно находитъ между ними большое сходство. Законъ возмездія, сурово и точно высказанный, примѣнялся у евреевъ нѣсколько мягче, чѣмъ у арабовъ. Воровство наказывалось менѣе жестоко, но за то еврейское законодательство было безпощадно къ прелюбодѣянію; особенно же безчеловѣчно наказывались по этому законодательству религіозныя преступленія и проступки.

Пропускаемъ главу (двѣнадцатую), въ которой идетъ рѣчь о правосудіи въ Индіи и Персіи, и остановимся на древне-греческомъ правѣ. Греки, подобно другимъ народамъ, перешли отъ анархіи къ монархической власти, отъ грубой индивидуальной мести, мести семьи и клана къ правосудію короля. Но они не остановились на этомъ, а вернулись, политически и юридически, къ республиканской формѣ, значительно исправленной и улучшенной. Аристотель утверждаетъ, что первоначальные греческіе законы пѣлись, какъ гимны. Постепенно они пріобрѣли ясный характеръ постановленій народной воли. Спеціальные судьи отступили передъ присяжными судьями изъ народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ идея справедливости получаетъ у грековъ широкое и гуманное истолкованіе. Истинно справедливый, — говорится въ трагедіяхъ Еврипида, — живетъ для ближняго, а не для себя; справедливый не связанъ ничѣмъ, даже отечествомъ, и т. д.

Двѣ слѣдующія главы Летурно посвятилъ древнему римскому праву (вездѣ у него рѣчъ идетъ, главнымъ образомъ, о правѣ уголовномъ). Въ бѣгломъ очеркѣ французскаго ученаго нѣтъ ничего особенно поучительнаго для юриста. По происхожденію, говоритъ Летурно, римское право тожественно съ правомъ другихъ народовъ. Существенныя нововведенія

онъ видитъ въ законодательствѣ Адріана и Александра-Севера, медленно подготовленномъ, какъ и законодательство Ѳеодосія и Юстиніана, ростомъ римскаго общества. Авторъ настаиваетъ на глубокой противоположности новаго *juris naturae* съ старымъ квиритскимъ правомъ.

Въ XVI главѣ Летурно разсматриваетъ варварскія арійскія племена. Онъ повторяетъ ту мысль, которую неоднократно уже высказывалъ, что превосходство арійцевъ надъ другими племенами относительное, что оно составляетъ только высшую ступень эволюціи, общей всѣмъ расамъ. Летурно приводитъ многочисленные факты для подтвержденія своего мнѣнія. Эволюція германскаго права (глава семнадцатая) также подтверждаетъ ту точку зрѣнія, на которой стоитъ французскій антропологъ. Особенность германскихъ кодексовъ онъ видитъ во всеобщемъ распространеніи системы композицій. Очень немногія преступленія еще предоставляются въ старомъ нѣмецкомъ правѣ мести. Видна *высшая раса*, говоритъ Летурно, въ противорѣчіи съ прежними своими утвержденіями. Это замѣтно въ законодательномъ покровительствѣ женщины и т. п.

Послѣ небольшой главы, отведенной феодальному правосудію, Летурно представляетъ фазы юридической эволюціи, идеализаціи, какъ онъ выражается, потребности въ мщеніи. Эти фазы переходятъ отъ грубаго индивидуальнаго возмездія анархически-республиканскаго перехода къ монархической юстиціи. Въ деспотическихъ государствахъ идея возмездія, соотвѣтствія между преступленіемъ и наказаніемъ, затемняется произволомъ владыки и вмѣсто нея выдвигается идея о милости, нисходящей съ трона. Въ юридическомъ отношеніи это составляетъ, конечно, большой регрессъ, подготовляющій однако высшую ступень развитія. Летурно говоритъ, что только человѣкъ надѣленъ *инстинктомъ идеальной справедливости*. Этотъ инстинктъ заставляетъ насъ возставать противъ преступленій и насилій, которыя не затрогиваютъ нашихъ собственныхъ интересовъ; онъ является результатомъ долгой работы мысли, смѣны разныхъ общественныхъ условій, а не врожденъ человѣку.

Отмѣчая историческія измѣненія и усложненія преступленій, Летурно указываетъ, что главныя теченія преступности опредѣляются соціальными причинами, учрежденіями, нравами, экономическими условіями. Коснувшись теоріи Ломброзо, Летурно признаетъ ея односторонность. *Прирожденные преступники*, по его мнѣнію, дѣйствительно существуютъ, но каково ихъ число въ общей суммѣ преступниковъ? Разумная карательная система сводитъ рецидивъ на 10% (Цвикау—Ирландія), даже на 2,68%, тогда какъ во Франціи процентъ этотъ поднимается до 40, въ Бельгіи до 70%. Но и *прирожденные преступники* въ томъ маломъ количествѣ, какое допускаетъ Летурно, являются печальнымъ результатомъ предшествовавшихъ соціальныхъ причинъ, недостатковъ и пороковъ родителей. Ихъ исчезновеніе должно быть дѣломъ развитія просвѣщенія, гуманности и хорошихъ учрежденій. Летурно указываетъ остатки варварскихъ воззрѣній въ дѣйствующемъ французскомъ кодексѣ и полагаетъ, что будущее

правосудіе станетъ не наказывать, а охранять общественную безопасность и, насколько возможно, перевоспитывать людей, совершившихъ преступленіе. Французскій ученый предвидитъ установленіе децентрализированныхъ государствъ, въ которыхъ обращеніе съ преступникомъ и взысканія съ него будутъ индивидуализироваться, при чемъ должна выдвинуться роль экспертовъ. Этими пожеланіями, которыя составляютъ логическій результатъ работы Летурно объ юридической эволюціи, и заканчивается новый трудъ неутомимаго французскаго антрополога.

В. Гольцевъ.

Emmanuel le Barbier. *Le Crédit Agricole en Allemagne.* Paris. 1890.

Настоящая работа посвящена описанію учрежденій для мелкаго земледѣльческаго кредита, существующихъ въ Германіи. Для изученія этого вопроса французское министерство земледѣлія командировало въ Германію агронома и поручило ему на мѣстѣ присмотрѣться къ характернымъ особенностямъ мелкихъ банковъ и къ условіямъ, при которыхъ они могутъ съ успѣхомъ функціонировать. Въ Германіи, какъ извѣстно, существуетъ два типа банковъ,—банки системы Райфайзена и системы Шульце-Делича. Первые изъ нихъ развили свою дѣятельность исключительно среди сельскаго населенія, вторые—какъ среди сельскаго, такъ и среди городскаго населенія. Послѣ нѣсколькихъ главъ, въ которыхъ доказывается необходимость организаціи земледѣльческаго кредита, необходимость разграниченія различныхъ формъ кредита, соотвѣтственно различнымъ нуждамъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, и указаны основные принципы, которымъ слѣдовали въ Германіи при учрежденіи банковъ, авторъ переходитъ во второй части своего труда къ характеристикѣ товариществъ, основанныхъ Райфайзеномъ. Въ этой части книги описаны самымъ подробнымъ образомъ дѣятельность банковъ, ихъ управленіе и отчетность, приведены статистическія свѣдѣнія о числѣ банковъ и охарактеризованы центральныя кассы и синдикаты, связывающіе отдѣльныя ассоціаціи. Основныя черты организаціи этого рода учрежденій разсмотрѣны такъ тщательно, что для характеристики ихъ едва ли можно что нибудь прибавить. Авторъ рисуетъ полную картину, разбираетъ всѣ выдающіяся стороны уставовъ и даетъ возможность ознакомиться съ мелкимъ земледѣльческимъ кредитомъ, какъ онъ организованъ преимущественно въ прирейнскихъ провинціяхъ. Съ такою же добросовѣстностью разсмотрѣны въ третьей части шульце-деличевскіе банки; въ этой части сдѣлано тоже сопоставленіе банковъ обоихъ типовъ. Наконецъ, послѣдняя часть работы посвящена разсужденіямъ, о роли сбереженія для земледѣльческаго кредита.

Такъ какъ авторъ изучалъ вопросъ на мѣстѣ, а не по книгамъ, то работа даетъ всякому возможность ознакомиться съ тѣмъ, что въ на-

стоящее время происходитъ въ Германіи. Какъ самостоятельныя разсужденія автора о значеніи кредита и сбереженія, такъ и выводы его объ удобопримѣнимости нѣмецкихъ мелкихъ банковъ къ французскому сельскому хозяйству отступаютъ на задній планъ предъ описаніемъ того, что ему удалось изучить, благодаря двухлѣтнему пребыванію въ Германіи. Для насъ это прекрасное описаніе дѣятельности мелкихъ банковъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ, что оно составлено лицомъ, имѣющимъ возможность высказать безпристрастный взглядъ на дѣло. Чтобы помочь тѣмъ, которые желали бы изучить вопросъ или перенести на другую почву нѣмецкіе банки для мелкаго кредита, авторъ сдѣлалъ нѣсколько цѣнныхъ объемистыхъ приложеній: онъ перевелъ уставъ нѣсколькихъ банковъ, сдѣлалъ выборки изъ книгъ, привелъ всѣ формы бумагъ и счетовъ, самымъ подробнымъ образомъ выбралъ все, что можетъ ознакомить со всѣми деталями дѣлопроизводства.

Не будучи ученымъ трудомъ, разсматриваемая книга имѣетъ несомнѣнно большое практическое значеніе, такъ какъ даетъ возможность хорошо ознакомиться съ техникой банковъ и ихъ уставами.

Архивъ юго-западной Россіи. Часть пятая, т. II, вып. 1 и 2. Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 гг. Кіевъ. 1890.

Передъ нами лежатъ двѣ объемистыя книги, составляющія вмѣстѣ почти 1300 страницъ и представляющія собою послѣднее изданіе Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Содержаніе ихъ составляютъ переписи евреевъ, производившіяся польскимъ правительствомъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ, подольскомъ и брацлавскомъ за время 1765—1791 гг. Не всѣ эти переписи сохранились однако вполнѣ и лишь относящіяся къ 1765, 1784 и 1787 гг. представляются наиболѣе полными; восемь же остальныхъ, дошедшихъ до насъ, или значительно неполны, или же представляютъ лишь маленькіе отрывки. По обыкновенію изданіе снабжено предисловіемъ редактора даннаго тома, какимъ на этотъ разъ является г. Каманинъ, предисловіемъ, имѣющимъ своей цѣлью обработку и освѣщеніе выпускаемыхъ въ свѣтъ матеріаловъ.

Важность изданія цифровыхъ данныхъ, относящихся къ прошедшему, не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, исключая тѣхъ случаевъ, когда данныя эти не заслуживаютъ довѣрія. Въ данномъ случаѣ мы вполнѣ согласны съ доводами г. Каманина, доказывающаго достовѣрность своихъ матеріаловъ способомъ составленія переписей, допускавшимъ участіе въ немъ всего христіанскаго населенія мѣстности, и считаемъ нужнымъ сдѣлать лишь ту оговорку, что достовѣрность эта не можетъ считаться безотносительной, какъ и вообще достовѣрность статистики прошлаго вѣка. Намъ предстоитъ поэтому высказаться лишь о способѣ изданія и характерѣ освѣщенія матеріаловъ. Что касается перваго, то способъ,

выработанный г. Каманинымъ и заключающійся въ буквальной перепечаткѣ всѣхъ переписей подрядъ, представляется намъ рѣшительно неудачнымъ. Статистическіе матеріалы не читаются, а подсчитываются, и потому менѣе всякихъ другихъ могутъ быть издаваемы въ сыромъ, необработанномъ видѣ. Сведеніе данныхъ переписей въ таблицы потребовало бы, правда, отъ редактора болѣе труда, но за то, не говоря уже о громадномъ сокращеніи размѣровъ книги, оно доставило бы и гораздо большія удобства въ пользованіи ею, наглядно и ясно представляя всѣ измѣненія въ размѣрахъ и положеніи населенія. Теперь же читатель получаетъ въ руки громадную массу сыраго матеріала и, если онъ захочетъ прослѣдить данныя переписей по какой либо мѣстности, ему приходится рыскать по всей книгѣ съ помощью указателя и выбирать эти данныя. Между тѣмъ изданіе посредствомъ таблицъ устранило бы необходимость и въ географическомъ указателѣ, занимающемъ теперь 285 страницъ и конечно потребовавшемъ также не мало труда отъ редактора. По поводу этого указателя намъ приходится сдѣлать еще одно замѣчаніе. Составитель его не указываетъ различныхъ именъ одного и того же поселенія въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ указателя, но сводитъ ихъ всѣ въ одно мѣсто, и это вызываетъ значительныя неудобства при пользованіи имъ. На страницѣ 360, напримѣръ, встрѣчается деревня Иванье (Iwanie); въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ указателя такого названія нѣтъ, но при названіи Ивани стоитъ въ скобкахъ «Иванье» и указана страница 360. На страницѣ 93 встрѣчается деревня Забильно, на 425 страницѣ— Жубильно, но напрасно было бы искать эти имена въ указателѣ: они оба показаны лишь въ скобкахъ при деревнѣ Зубильно. И это не исключенія, а общее правило, котораго держался авторъ, составляя свой указатель. Спрашивается, однако, что будетъ дѣлать читатель, не знающій тождественности этихъ именъ? Цѣль указателя заключается именно въ томъ, чтобы избавить читателя отъ необходимости пересматривать всю книгу ради нужной справки; но если, отыскивая одно имя, надо перелистовать 285 страницъ указателя, то очевидно, что эта цѣль не достигнута.

Переходя къ обработкѣ этихъ статистическихъ данныхъ ихъ издателемъ, мы должны прежде всего отмѣтить его взглядъ на ихъ значеніе. Указывая въ началѣ своего предисловія на необходимость примѣненія статистическихъ данныхъ къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ, г. Каманинъ продолжаетъ: «это примѣненіе, кажется намъ, будетъ особенно полезнымъ и даже необходимымъ, когда рѣчь заходитъ о евреяхъ, надъ которыми тяготѣетъ многовѣковое обвиненіе въ эксплоатаціи народной массы... Единственнымъ, повторяемъ, источникомъ для провѣрки справедливости этихъ жалобъ можетъ служить, по нашему мнѣнію, изученіе статистическихъ данныхъ и сопоставленіе ихъ съ данными о состояніи культуры въ государствѣ въ избранный періодъ времени». Путь, намѣченный себѣ г. Каманинымъ, конечно, вѣренъ; но посмотримъ, ка-

кія же статистическія данныя онъ изучалъ и съ какими «данными о состояніи культуры» дѣлалъ сопоставленія.

Легшія въ основаніе работы г. Каманина переписи даютъ, собственно говоря, свѣдѣнія только о двухъ вопросахъ: количествѣ евреевъ въ данной мѣстности и занятіяхъ ихъ; лишь изрѣдка встрѣчаются данныя, и то косвенныя, позволяющія дѣлать предположенія объ ихъ экономическомъ положеніи. Въ виду такого характера источника вниманіе изслѣдователя естественно устремилось на разсмотрѣніе распредѣленія евреевъ по мѣстностямъ и по разрядамъ поселеній (городовъ и селъ) и отысканіе причинъ такого распредѣленія и его колебаній. Отыскивать эти причины, впрочемъ, г. Каманину не пришлось, такъ какъ оказалось, что онѣ извѣстны ему заранѣе: евреи, по его словамъ, «всегда считали себя племенемъ пришлымъ, чуждымъ мѣстному населенію и его интересамъ, и избѣгали поэтому всѣми силами прикрѣпленія къ мѣсту и сліянія съ туземцами, а вслѣдствіе того должны были въ своемъ разселеніи подчиняться не физическимъ условіямъ страны, отъ которыхъ по большей части зависитъ всегда густота или рѣдкость кореннаго населенія, но, занимаясь исключительно арендой имѣній, пропинаціей и торговлей, должны были становиться въ зависимость отъ степени населенности той или другой мѣстности и ея экономическаго состоянія; такимъ образомъ, густота или рѣдкость еврейскаго населенія, иначе сказать, должна была состоять въ прямомъ отношеніи къ количеству мѣстныхъ обитателей, къ тяжести крестьянскихъ повинностей и къ состоянію промышленности и торговли въ селахъ и городахъ юго-западной Россіи» (стр. 42). Фактическія данныя говорятъ, однако, нѣсколько другое и на страницѣ 109 мы читаемъ: «разсмотрѣніе данныхъ о положеніи крестьянъ должно, какъ будто (?), привести къ заключенію, что между тяжестью крестьянскихъ повинностей и количествомъ евреевъ нѣтъ прямаго отношенія». Съ такимъ затрудненіемъ авторъ, конечно, справляется легко, относя его на счетъ другой причины—торговли, и на 231 страницѣ въ числѣ выводовъ мы опять читаемъ, что «разселеніе евреевъ было прямо пропорціонально тяжести крестьянскихъ повинностей». Авторъ, очевидно, забылъ правило: post hoc—non propter hoc и смѣло поставилъ одновременныя (и то далеко не всегда) явленія въ прямую зависимость другъ отъ друга. Между тѣмъ, если бы онъ далъ себѣ трудъ точнѣе и полнѣе ознакомиться съ экономическою жизнью польскаго государства въ XVIII в. и въ частности съ положеніемъ въ немъ крестьянъ, онъ бы, можетъ быть, замѣтилъ другую силу, имѣвшую вліяніе на крестьянскія повинности и создававшую ту арендную систему, орудіями, но не господами, которой являлись евреи. Что касается связи еврейскаго населенія съ развитіемъ торговли, то въ виду факта, особенно подчеркиваемаго самимъ авторомъ, что торговля въ Польшѣ находилась преимущественно въ рукахъ евреевъ, причинное отношеніе этихъ факторовъ легко можетъ принять характеръ, какъ разъ обратный тому, какой придаетъ ему

авторъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ матеріалъ далеко еще не собранъ, но и тотъ, какой уже имѣется, не находился, повидимому, весь въ распоряженіи автора. Мы не встрѣтили у него ни одной ссылки на цѣнное сочиненіе Koron'a «Wewnetrze dzieje Polski za Stanislawa Augusta», и должны предполагать, что онъ незнакомъ съ этимъ трудомъ, безъ котораго нельзя однако обойтись, желая говорить о Польшѣ конца XVIII вѣка. Только нѣкоторымъ невниманіемъ къ имѣющимся въ исторической литературѣ свѣдѣніямъ можно объяснить и утвержденіе г. Каманина, что «евреи, дѣйствительно, были одною изъ главныхъ причинъ, хотя и не единственною, внутренняго разложенія польскаго государства» (стр. 45). Честь такого открытія всецѣло принадлежитъ г. Каманину, такъ какъ никто изъ писавшихъ о паденіи Польши не замѣчалъ до сихъ поръ этой «одной изъ главныхъ причинъ». Если профессоръ Карѣевъ будетъ переиздавать современемъ свою книгу «Паденіе Польши въ исторической литературѣ», то, вѣроятно, мнѣніе г. Каманина попадетъ въ нее... хотя бы въ видѣ историческаго курьеза.

Мы видѣли уже, какія данныя, главнымъ образомъ, сопоставляетъ г. Каманинъ съ статистикой разселенія евреевъ. Но этихъ данныхъ ему кажется мало (оно и справедливо, конечно), и онъ ищетъ другихъ, но, спрашивается, какихъ именно. «Для сравненія роста и распредѣленія евреевъ съ усиленіемъ религіознаго гнета у насъ недостаточно данныхъ», говоритъ авторъ на стр. 47, и очень жалѣетъ объ этомъ. На 182 стр. онъ неизвѣстно зачѣмъ сообщаетъ о свиданіи въ Каневѣ Екатерины II, Іосифа II и Станислава Августа и замѣчаетъ: «Само собою разумѣется, что этотъ фактъ могъ не имѣть на разселеніе евреевъ никакого вліянія». А могъ и имѣть? Таковы тѣ «данныя о состояніи культуры», съ помощью которыхъ разрѣшаются общественные вопросы.

Но не только для исторіи и «культуры», и для статистики имѣются у г. Каманина оригинальные пріемы. Тамъ, гдѣ цифръ не достаетъ, онѣ выростаютъ сами собою, по мановенію волшебнаго жезла. Вотъ примѣръ: для кременецкаго повѣта за 1784 г. не имѣется переписи; авторъ замѣтилъ, однако, что въ 1765 г. цифры его «занимаютъ средину между цифрами луцкаго и владимірскаго повѣтовъ; поэтому, разсуждаетъ онъ, если убыль въ луцкомъ повѣтѣ составляетъ $44{,}_{78}\%$, а во владимірскомъ—$47{,}_{72}\%$, то въ кременецкомъ она *должна была* составлять приблизительно 45%, т. е. изъ общаго числа евреевъ въ этомъ повѣтѣ въ 1765 г. (20,993) *должно было* убыть 9,447 душъ; *слѣдовательно*, въ 1784 г. евреевъ въ кременецкомъ повѣтѣ было приблизительно 11,546 душъ; такимъ образомъ, во всемъ волынскомъ воеводствѣ въ періодъ разсматриваемой переписи евреевъ *должно было быть* около 28,305 душъ, т. е. 3,200 больше, чѣмъ въ кіевскомъ воеводствѣ» (стр. 120—121). Какая точность!

Мы упомянули выше, что въ изданныхъ г. Каманинымъ матеріалахъ встрѣчаются кой-какія данныя для сужденія объ экономическомъ поло-

женіи. Сводя въ своемъ предисловіи такія данныя по г. Житомиру за 1789 г., авторъ приходитъ къ нелишеннымъ интереса выводамъ. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ. У христіанъ бѣдныхъ домовъ (дымовъ) почти вдвое больше, чѣмъ богатыхъ (каминовъ), у евреевъ же первыхъ вчетверо болѣе, чѣмъ вторыхъ; далѣе, скученность евреевъ въ домахъ въ 1,3 раза превосходила скученность христіанъ. Данныя эти довольно краснорѣчивы; но, находя затѣмъ, что главными профессіями евреевъ были торговля и шинкарство, авторъ круто поворачиваетъ и дѣлаетъ такой выводъ: «Такимъ образомъ, тяжелый бездоходный трудъ и соединенная съ нимъ неразрывно нужда, бѣдность и пьянство составляли удѣлъ христіанъ, всѣ же прибыльныя занятія, какъ торговля и, главнымъ образомъ, питейная, да отчасти ремесла находились въ рукахъ евреевъ» (стр. 224). Мы не думаемъ, чтобы шинкарство, напр., могло быть особенно прибыльно тамъ, гдѣ на каждый кабакъ приходилось 24 человѣка, если не меньше, потребителей (стр. 223); но для автора, очевидно, дѣло не въ понятіяхъ, а въ словахъ, не въ дѣйствительности, а въ доказательствѣ извѣстной идеи.

Нужно ли говорить, что, по словамъ автора, *всѣ* польскіе публицисты XVIII в. предлагали ограниченіе правъ евреевъ; что, говоря о проектахъ измѣненія положенія евреевъ, онъ не упоминаетъ даже о такомъ писателѣ, какъ Коллонтай; что, собирая жалобы на евреевъ, онъ не считаетъ нужнымъ указать на голоса, обращавшіе вниманіе на другую сторону медали? Все это уже вполнѣ понятно послѣ приведенныхъ нами примѣровъ отношенія автора къ своей темѣ, и мы можемъ только завѣрить его, что *такъ* общественные вопросы не разрѣшаются. Для ихъ рѣшенія нужно побольше безпристрастія, поменьше смѣлости и побольше дѣйствительной науки на мѣсто произвольно накиданныхъ фактовъ и цифръ и никому неизвѣстныхъ истинъ. Если же этого не хватаетъ, то уже лучше ограничиться толковымъ изданіемъ матеріаловъ, предоставивъ другимъ «сопоставленіе статистическихъ данныхъ съ данными о состояніи культуры».

М. В.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга седьмая. М. 1890, стр. XII, 214 и 426, in. 8. Ц. 3 руб.

За послѣдніе три года московскій архивъ министерства юстиціи очень правильно выпускаетъ въ свѣтъ каждый годъ по объемистому тому «Описанія», издаваемаго подъ ред. управляющаго архивомъ, засл. *проф. Н. А. Попова*. Эти описанія представляютъ особенный интересъ для историковъ русскаго права. Архивъ юстиціи, по истинѣ, можетъ считаться мѣстомъ, гдѣ по преимуществу покоятся матеріалы для исторіи

нашего права, понимая послѣднее въ самомъ широкомъ смыслѣ. Исторія нашихъ архивовъ—очень печальная исторія; нигдѣ, кажется, не было такого вандализма въ обращеніи съ древними документами, какъ у насъ. Только за послѣднее время стали обращаться съ рукописною оффиціальною стариною приблизительно такъ, какъ она того заслуживаетъ. Архиву юстиціи принадлежитъ та заслуга, что онъ впервые положилъ начало заботамъ объ ознакомленіи публики со всѣми сокровенными уголками своего бытія. Начиная съ пятаго тома, названное изданіе печатаетъ исторію архива, на которую пришлось затратить много времени и труда; въ настоящемъ седьмомъ томѣ эта исторія является доведенною *Вл. Вл. Шереметевскимъ* до 1888 года. Только личное знакомство съ архивами можетъ дать понятіе о всей важности подобной работы. Такая исторія—самый надежный ключъ къ разысканію сохранившихся документовъ и констатированію ихъ пропажи, что очень важно для ученаго изслѣдователя, который при такихъ условіяхъ можетъ совершенно игнорировать очевидное нерасположеніе къ нему, встрѣчаемое въ иныхъ архивахъ со стороны охраняющихъ оные лицъ. Архивъ же министерства юстиціи изданіемъ «Исторіи» и «Памятной книжки» сдѣлалъ все для него возможное, чтобы ввести изслѣдователя въ самые сокровенные тайники свои и поставить его въ независимость отъ ближайшей архивной администраціи. Къ сожалѣнію не всѣ архивы слѣдуютъ указанной благотворной для успѣховъ науки политики, отъ которой всецѣло зависитъ движеніе впередъ русской исторіографіи вообще и въ частности исторіи русскаго права.

Обращая вниманіе изслѣдователей права на изданія архива юстиціи, мы не можемъ не замѣтить, что содержаніе его настолько обширно, что на разработку его далеко недостаточно усилій одинокихъ лицъ и вмѣстѣ съ ними небольшаго редакціоннаго штата, состоящаго на постоянной службѣ при архивѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что работы въ архивѣ юстиціи хватитъ на цѣлыя многолюдныя коммиссіи, которыя проработаютъ въ немъ нѣсколько десятилѣтій. Одни дѣла упраздненныхъ губернскихъ учрежденій императрицы Екатерины II составляютъ такую груду, предъ которою одинокій изслѣдователь можетъ развѣ только въ страхѣ остановиться. Слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство, которое невольно припоминается при просмотрѣ изданій архива министерства юстиціи. Въ нашей историко-юридической литературѣ едва ли не самымъ больнымъ мѣстомъ является исторія центральныхъ учрежденій XVII в. и областныхъ учрежденій XVIII вѣка; такимъ же больнымъ мѣстомъ можно считать, если не ошибаемся, и изученіе древне-русской дипломатики. Намъ кажется, что за исторію учрежденій XVII вѣка долженъ взяться самъ архивъ, и вотъ почему: у насъ дѣло такъ обстоитъ, что мы почти безусловно не имѣемъ ученыхъ по призванію, или, если позволительно такъ выразиться, ученыхъ не каѳедральныхъ и не чиновныхъ; лица подобныя послѣднимъ положительно лишены возможности всецѣло отдаться архивной работѣ. Они работаютъ урывками, большею частью тогда, когда

пишутъ диссертацію на магистра или доктора; покончили съ обѣими [1]), и архивы остаются въ сторонѣ, не всегда по лѣности или небрежности, а просто потому, что къ тому нѣтъ физической возможности. Между тѣмъ для исторіи учрежденій XVII вѣка требуется самое тщательное, самое всестороннее знакомство и съ исторіей архива, и съ огромною массою его документовъ: писать исторію какого либо учрежденія (центральнаго) XVII вѣка—значитъ изучить весь наличный составъ документовъ, отъ него оставшихся. Понятно, что подобная работа наиболѣе доступна тѣмъ *постояннымъ* работникамъ архива, труды которыхъ мы читаемъ въ названномъ изданіи. Говорятъ, что архивъ долженъ печатать только описи. Странная мысль! Печатать описи нѣкоторыхъ документовъ не только можно, но и должно, но сдѣлать изъ этого цѣль изданія—значитъ погубить все дѣло разумной разработки архива, превратить дѣло научно поставленное въ жалкую, полную мертвечины канцелярщину. Сухая, голая опись документовъ превратится въ скучную формальность. Мы думаемъ напротивъ, что послѣдніе томы «Описанія архива» (5, 6 и 7-й) пошли какъ разъ по тому пути, который наиболѣе желателенъ; думаемъ, что вслѣдъ за исторіей архива его изданіе дастъ намъ исторіи тѣхъ учрежденій, документы которыхъ вошли въ теперешній составъ архива. Для примѣра укажемъ на слѣдующее. Какъ видно изъ предисловія къ пятой книгѣ «Описанія», одинъ изъ архиваріусовъ (Н. Н. Оглоблинъ) готовитъ обозрѣніе всѣхъ документовъ сибирскаго приказа. Обозрѣніе, изготовляемое для одного изъ слѣдующихъ томовъ «Описанія архива», составляется на основаніи тщательнаго изученія всего наличнаго состава документовъ. Спрашивается, кому же, какъ не лицу, изучившему всѣ документы учрежденія, и писать исторію этого учрежденія? Можетъ быть и самъ архивъ имѣетъ въ виду указанное здѣсь соображеніе. Догадываться такъ можно по тѣмъ статьямъ 5—7 томовъ, которыя посвящены отдѣльнымъ коммиссіямъ и учрежденіямъ, хотя послѣднія составлены по гораздо менѣе широкой программѣ, чѣмъ какая потребовалась бы въ случаѣ, еслибъ исторія учрежденія выдвинута была значительно впередъ.

Подобную работу по исторіи учрежденій имѣемъ въ только что вышедшемъ седьмомъ томѣ «Описанія». Разумѣемъ крайне интересную статью *В. В. Нечаева* «Раскольническая контора» (1725—1764), которая не только разсматриваетъ судьбу учрежденія и его документы, но и даетъ обзоръ законодательства по расколу эпохи преобразованій. Кромѣ работы В. В. Нечаева, въ томъ же томѣ по соціальной исторіи находимъ статью *В. Н. Сторожева* «Опись десятенъ XVI и XVII вѣковъ» (матеріаловъ для исторіи русскаго дворянства) съ тремя приложеніями описей разнаго рода книгъ Разряда, по дипломатикѣ (хотя и съ нѣсколько невыдержанной основной темой), важную въ архивномъ отношеніи статью *Н. Н.*

1) Почти всѣ вновь выходящія изслѣдованія за послѣдніе годы суть диссертаціи на степень магистра или доктора.

Ардашева «Книги записныя приговорамъ бывшаго Вотчиннаго архива, и, наконецъ, статью *Н. Я. Токарева* обще-историческаго интереса «Молдавскія и Мунтянскія дѣла» (1763—1774), дающую очеркъ управленія русскими властями обоихъ румынскихъ княжествъ во время первой турецкой войны, веденной Екатериною II.

Изслѣдователямъ исторіи русскаго права, вниманіе которыхъ мы сочли необходимымъ обратить на настоящее изданіе, какъ безусловно для нихъ необходимое, остается лишь съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидать его продолженія, въ цѣнности котораго сомнѣваться не приходится.

В. С.

Въ теченіе декабря мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Выпускъ 28. С.-Петербургъ. 1890. 289—336.

Князь Л. Л. Гомицкій и *С. С. Краснодубровскій*. Укепъ. Доклады и изслѣдованія по археологіи и исторіи Укена. Саратовъ. 1891. 101+XIV.

Годичный отчетъ о дѣятельности общества распространенія техническихъ знаній, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича за двадцатый ($188^8/_9$) г. Москва. 1890. 47.

Изданіе терскаго областнаго статистическаго комитета, подъ редакціей секретаря комитета П. Стефановскаго. Терскій сборникъ. Приложеніе къ терскому календарю на 1891 годъ. Выпускъ первый. Владикавказъ. 1890. VIII+274+176,—Терскій календарь на 1891 годъ. Годъ первый. Владикавказъ. 1890. XV+260+104. Цѣна за обѣ книги 3 р.

В. А. Косинскій, студентъ юридическаго факультета, кандидатъ математическихъ наукъ. О пріемахъ научной разработки статистическихъ данныхъ. Москва. 1891. 71.

Ernest Lehr, docteur en droit, professeur de législation comparée á l'université de Lausanne, conseil de l'ambassade de France en Suisse, membre de l'institut de droit international. Code civil du canton de Zurich de 1887, traduit et annoté. Paris. LXXII+293.

И. Лучицкій. Крестьяне и крестьянская реформа въ Даніи XVI—XVIII вв., оттиски изъ „Сѣвернаго Вѣстника“.

Jules Lacainta. Code pénal d'Italie (30 juin 1889), traduit, annoté et précédé d'une introduction. Paris. CXII+265.

Ernest Lehr. Code de commérce Portugais de 1888 traduit et annoté. Paris. XLVIII+265.

Евг. Максимовъ. Терское казачье войско. Историко-статистическій очеркъ. Владикавказъ. 1890, 167. Цѣна 1 руб.

И. Н. Милтовъ, редакторъ и издатель. Сждебна библіотека, ежемѣсячно описание за законодателство. Правождие и администрация. Година третя. 1890 г. Ямболъ. 1890.

П. Н. Обнинскій. Отъ предсѣдателя распорядительнаго комитета въ отвѣтъ иногороднимъ запросамъ по отдѣлу защиты.(Общество попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ въ Москвѣ). Москва. 1890. 23.

Переводъ членовъ психологическаго Общества, подъ редакціей В. П. Преображенскаго: *В. Г. Лейбницъ.* Избранныя философскія сочиненія съ портретомъ. Труды московскаго психологическаго Общества. Выпускъ IV. Москва. 1890. XVI+363. Цѣна 2 руб.

Изданіе *К. В. Рукавишникова.* Труды Высочайше разрѣшеннаго третьяго Съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. Москва. 1891. 458.

В. Случевскій, преподаватель уголовнаго судопроизводства въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, товарищъ оберъ-прокурора уголов. кассац. деп. сената. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Судоустройство. С.-Петербургъ. 1891. IX+320. Цѣна 2 руб.

В. Сторожевъ. Опись десятень XVI и XVII вѣковъ. 113.

М. Я. Третьяковскій, предсѣдатель департамента кіевской судебной палаты. Сводъ изданныхъ министерствомъ юстиціи циркулярныхъ распоряженій и правилъ о разборѣ хранящихся въ архивахъ окружныхъ судовъ дѣла и документовъ, переданныхъ изъ упраздненныхъ судебныхъ установленій. Изданіе неоффиціальное. 1891. 11. Цѣна 30 к.

Его же. Указатель срочныхъ вѣдомостей о денежной и дѣлопроизводительной отчетности, а также и разныхъ свѣдѣній, подлежащихъ представленію окружными судами, предсѣдателями ихъ, старшими нотаріусами, судебными слѣдователями и судебными приставами. Изданіе неоффиціальное. 1891. 31. Цѣна 40 коп.

Труды варшавскаго статистическаго комитета. Выпускъ III. Состояніе населенія въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго къ 1-му января 1890 года. Постоянное населеніе приписное, отсутствующее и наличное. Непостоянное населеніе русское и иностранное. Все наличное населеніе. Распредѣленіе населенія по вѣроисповѣданіямъ. Плотность населенія. Варшава. 1890. XVI+193.

Уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, примѣненный къ дѣламъ о проступкахъ, подвѣдомственныхъ волостному суду въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Составилъ *І. А. Поджіо.* Земскій Начальникъ. С.-Петербургъ. 75. Цѣна 60 коп., съ пересылкой 75 коп.

Н. Чижовъ, профессоръ императорскаго новороссійскаго университета. Приложеніе къ сочиненію „Право и его содержаніе по ученію Лоренца фонъ Штейна". Одесса. 1890. 10.

Александръ Штилмичъ. Изслѣдованіе о началахъ: политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. Въ трехъ частяхъ, ч. III: начало національности. Отдѣлъ 1. Историческое развитіе начала національности. С.-Петербургъ. 1890. XXII+536. Цѣна 3 руб.

Г. Ф. Шершеневичъ. Экономическое обоснованіе авторскаго права. Казань. 1890. 26.

И. И. Янжулъ. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. С.-Петербургъ. 1890. 532. Цѣна 4 руб.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Страховыя учрежденія въ Россіи. Въ ноябрской книжкѣ «Страховаго Обозрѣнія» помѣщена статья г. Бѣлоцвѣтова, подъ заглавіемъ: «Обзоръ дѣятельности русскихъ страховыхъ отъ огня учрежденій въ 1889 году». Въ статьѣ этой приведены весьма интересныя свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи страховыхъ учрежденіяхъ. Огневое дѣло сосредоточено въ рукахъ трехъ родовъ страховыхъ учрежденій: *акціонерныхъ обществъ, городскихъ обществъ взаимнаго страхованія* и *земскихъ* и *губернскихъ страховыхъ учрежденій*.

Въ Россіи *15 акціонерныхъ обществъ страхованія отъ огня* съ основнымъ капиталомъ въ 24,100,000 рублей и запаснымъ въ 7,314,031 рублей. Общая сумма полученныхъ въ 1889 году премій составляла 31,902,707 руб.; но такъ какъ значительная часть премій передается за перестрахованіе рисковъ, что на собственную долю осталось премій только 12,640,216 руб., то составляетъ $39,_6\%$ брутто-преміи. На эту долю приходилось пожарныхъ убытковъ на 8,304,871 руб., что составляетъ $65,_7\%$ нетто-преміи. Расходы по операціямъ выразились въ суммѣ 3,694,041 руб., а чистая прибыль по огневой операціи составила 756,423 руб. Дивидендъ, полученный акціонерами, значительно выше, но это объясняется большею прибыльностью другихъ страховыхъ операцій. Около $^3/_5$ всѣхъ премій ($60,_4\%$), получаемыхъ русскими обществами, передается обществамъ перестрахованія, преимущественно иностраннымъ, имѣющимъ въ Петербургѣ своихъ агентовъ. Всего больше перестрахованій въ Московскомъ Обществѣ—$84,_4\%$, въ Волгѣ $74,_5\%$, въ Коммерческомъ $72,_2\%$, всего меньше въ Москвѣ $32,_7\%$.

Сборъ премій достигъ высшаго развитія въ 1884 г.—34,646,190 р., послѣ этого онъ сталъ понижаться. За десять лѣтъ отъ 1880 до 1889 г. общій сборъ премій составлялъ 317,396,559 руб.; изъ этой суммы перестраховщикамъ уплачено 204,438,500 рублей или $64,_4\%$. Изъ 112,958,059 рублей, оставшихся въ распоряженіи обществъ, уплачено 72,684,141 пожарныхъ убытковъ, падающихъ на собственную долю обществъ. Уменьшеніе въ общей суммѣ премій объясняется, во первыхъ,

увеличеніемъ городскихъ взаимныхъ обществъ; во вторыхъ, нѣкоторымъ уменьшеніемъ въ размѣрѣ страховыхъ премій. Если сравнить средній размѣръ страховыхъ премій за 1886, 1887 и 1888 гг. въ отдѣльныхъ обществахъ, то окажется, что въ 1-мъ Россійскомъ премія отъ 66,$_4$ к. со ста руб. понизилась до 63,$_3$, во 2-мъ Россійскомъ отъ 67,$_8$ до 64, въ Московскомъ отъ 82 до 76 коп., въ Русскомъ отъ 92 до 80,$_5$, въ Якорѣ отъ 87 до 73,$_5$ коп. и т. д.

Весьма интересно выяснить, выгодна ли операція перестрахованія. Въ 1888 г. всѣми обществами передано премій за перестрахованіе на 20,241,041 р., а получено отъ перестраховщиковъ за пожарные убытки 15,138,425 р. и коммиссіонныхъ 3,741,284 р.; слѣдовательно чистая прибыль заграничныхъ обществъ составляла 1,361,332 руб. или 6,$_7$% общей суммы полученныхъ ими премій. Если принять во вниманіе, что веденіе этого дѣла связано съ значительными расходами, составляющими не менѣе 5% всѣхъ полученныхъ премій, то чистая прыбыль составитъ не болѣе 1,$_7$% общаго сбора премій. Въ отдѣльныхъ русскихъ обществахъ сумма, уплаченная перестраховщиками, значительно выше суммы, полученной въ видѣ премій. По четыремъ обществамъ перестраховщики понесли убытокъ въ 1,159,870 руб., по остальнымъ имѣли излишекъ въ 2,521,202 р. 6 к., такъ что въ результатѣ общаясумма прибыли составила 1,361,332 руб.

Въ 1889 г. за перестрахованіе получено премій 18,193,497, а уплачено перестраховщиками за пожарные убытки 15,346,572 руб. и коммиссіонныхъ 3,357,974 руб., всего 18,704,546 руб., такъ что въ результатѣ получился убытокъ около 511,000 руб., а съ расходами по принятію перестрахованій убытокъ достигъ 1,420,726 руб. Вообще 1889 годъ былъ неблагопріятенъ и для русскихъ акціонерныхъ обществъ, такъ что дивиденды получились преимущественно изъ процентовъ на собственные капиталы и изъ прибылей по другимъ отраслямъ страхованія.

Кромѣ 15 акціонерныхъ обществъ, въ городахъ имѣется *67 обществъ взаимнаго страхованія*. Число этихъ обществъ растетъ съ каждымъ годомъ, хотя въ сравненіи съ акціонерными они занимаютъ далеко не такое видное мѣсто, какое должны были бы занимать. Общая сумма страхованій составляла къ 1 января 1890 г. 520,270,428 руб., но сумма эта распредѣляется крайне неравномѣрно между отдѣльными обществами. Въ петербургскомъ взаимномъ обществѣ застраховано имуществъ на 211,066,065 руб., въ одесскомъ на 44,590,017, въ московскомъ на 43,640,380 руб., въ харьковскомъ на 25,658,270 руб.; но на ряду съ этими обществами существуютъ такія, въ которыхъ сумма страхованій не превышаетъ ста тысячъ рублей. Впрочемъ, такихъ незначительныхъ обществъ можно насчитать весьма немного.

Къ началу 1889 года собственные капиталы обществъ составляли 7,753,606 руб. и долги 157,000 рублей; страховой преміи получено

1,307,315 рублей, а вмѣстѣ съ процентами отъ капиталовъ общій итогъ поступленій достигъ 1,743,293 руб. Расходы за 1889 годъ составляли 766,201 р., въ томъ числѣ пожарныхъ убытковъ выплачено 409,800 р. Такимъ образомъ, 1889 годъ закончился съ излишкомъ въ 977,091 р., а запасный капиталъ къ концу года возросъ до 8,585,873 руб., долги уменьшились до 146,514 рублей. Долги числятся за Костромскимъ обществомъ въ количествѣ 31,000 рублей и Симбирскимъ въ количествѣ 115,514 рублей.

Третій родъ учрежденій для страхованія отъ огня имуществъ — это *земскія и губернскія страховыя учрежденія*. Земское взаимное страхованіе производилось въ 1888 г. въ 34 губерніяхъ Европейской Россіи, въ которыхъ введено земское положеніе. По *обязательному* страхованію общая сумма достигла въ 1888 году 676,552,364 руб.; получено премій 9,199,533, изъ коихъ выплачено убытковъ 6,697,174 р. ($72_{,8}\%$), израсходовано на управленіе 2,791,851. Сумма запасныхъ капиталовъ на 1 января 1889 года составляла: наличный капиталъ 15,947,183 р., въ ссудахъ 2,604,684 руб. и въ недоимкахъ 7,182,673 руб. По *добровольному* страхованію общая сумма составляла 130,345,058; преміи собрано 1,484,313 рублей, изъ коихъ за пожарные убытки уплачено 763,480 р. ($51_{,4}\%$). Запасный капиталъ на 1 января 1889 г. составлялъ 2,417,503 руб., въ томъ числѣ наличнаго капитала 2,058,376 р. По *губернскому* взаимному страхованію въ 16 губерніяхъ европейской Россіи и по Тобольской и Томской губерніямъ по *обязательному* страхованію суммъ достигла 553,347,174 р.; премій получено 5,369,239 р., изъ коихъ за пожарные убытки уплачено 4,183,974 руб. ($77_{,9}\%$), а расходы составляли 545,263 рубля. Запасные капиталы по 1 января 1889 года составляли 11,521,254 руб., въ томъ числѣ въ наличности 10,576,179 руб., въ ссудахъ 457,213 р. и въ недоимкахъ 487,862 р. По *добровольному* страхованію общая сумма составляла 26,507,902 р., премій собрано 152,898 р., а за убытки уплачено 147,374 р.. ($96_{,6}\%$).

Сопоставляя данныя о количествѣ премій, собранныхъ всѣми страховыми отъ огня учрежденіями въ 1888 г., мы получимъ, что 14 акціонерныхъ обществъ получили преміи на 32,927,125 р., изъ которыхъ уплатили за пожарные убытки 22,965,241 руб.; 62 городскихъ взаимныхъ общества (въ 1889 г. было основано пять новыхъ обществъ, такъ что число ихъ къ началу 1890 г. достигло 67) получили страховыхъ премій на 1,149,327 и уплатили погорѣльцамъ 423,739 р.; губернскія и земскія страховыя учрежденія получили премій на 16,205,873 руб. и уплатили за пожарные убытки 11,792,002 руб. Общее поступленіе премій достигло такимъ образомъ 50,282,325 руб., сумма пожарныхъ убытковъ — 35,180,982 руб., т. е. 70% собранныхъ премій. Самые благопріятные результаты въ пожарномъ отношеніи дали городскія взаимныя общества; они уплатили за пожарные убытки въ 1887 г. 40%, въ 1888 году 37% общей суммы полученныхъ страховыхъ сборовъ.

Какъ ни велика сумма, уплачиваемая ежегодно погорѣльцамъ, огромная масса пожарныхъ убытковъ остается непокрытою. Такъ, въ 1887 г. въ 59 губерніяхъ Европейской Россіи сгорѣло всего имуществъ на 69 милліоновъ, а уплачено пожарнаго вознагражденія только 32,180,000 р., т. е. меньше половины убытковъ; въ теченіе шестилѣтняго періода отъ 1882 по 1887 годъ уничтожено пожарами на 459,312,499 рублей, а выплачено пожарнаго вознагражденія всѣми страховыми учрежденіями 202,133,838 рублей или 44% убытковъ. Въ среднемъ въ годъ уничтожено огнемъ на $76^1/_2$ милліоновъ руб., а покрыто изъ пожарнаго вознагражденія въ среднемъ $33^2/_3$ милліоновъ въ годъ; слѣдовательно, безвозвратно потеряно владѣльцами сгорѣвшаго имущества больше половины.

Наибольшее количество страховаго вознагражденія выплачено акціонерными обществами, всего за шесть лѣтъ 129,044,747 рублей; земскими учрежденіями уплачено 51,460,730 руб., губернскими страховыми учрежденіями 19,209,806 руб.; наконецъ, городскими взаимными обществами 2,418,555 рублей.

По отзывамъ компетентныхъ лицъ однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій къ успѣшному развитію страхованія служитъ высокій размѣръ страховыхъ премій.

Противозаконное сожитіе (какъ дополненіе замѣтки, помѣщенной въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1890 годъ, №№ 7 и 8, т. V). Какъ бы отвѣтомъ на вопросъ, возбужденный нами въ указанной выше замѣткѣ нашей о томъ, въ гражданскомъ, или уголовномъ порядкѣ должны разсматриваться иски объ обезпеченіи незаконно прижитыхъ дѣтей въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, явилось недавно руководящее опредѣленіе С.-Петербургской судебной палаты, которая, разрѣшая, возникшее между однимъ изъ окружныхъ судовъ Прибалтійскаго края и прокурорскимъ надзоромъ разномысліе о порядкѣ направленія дѣла, имѣвшаго своимъ предметомъ обвиненіе по II ч. 994 ст. улож. о нак., вошла въ обсужденіе и, занимающаго насъ, общаго вопроса о томъ, подлежатъ ли дѣла этого рода въ означенныхъ губерніяхъ производству уголовнаго суда.

Палата пришла къ тому же выводу, который и нами приведенъ въ замѣткѣ нашей (Юридическій Вѣстникъ, 1890 г., т. V, № 7 и 8), т. е., что дѣла этого рода должны разрѣшаться въ гражданскомъ судѣ въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, при чемъ мы считаемъ не лишнимъ подробнѣе познакомить читателей съ соображеніями, на которыхъ палата основала свое разрѣшеніе поставленнаго вопроса.

С.-Петербургская судебная палата нашла, что предъявленіе въ уголовномъ порядкѣ иска, вытекающаго изъ незаконнаго сожитія, предусмотрѣннаго 2 ч. 994 ст. улож. о нак., основано, какъ разъяснено рѣшеніемъ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената по дѣлу Ферстеръ (1868 г., № 657) лишь на отсутствіи въ законахъ гражданскихъ, дѣйствующихъ во внутреннихъ губерніяхъ, уза-

коненій о правѣ незаконнорожденныхъ дѣтей и ихъ матерей на обезпеченіе со стороны естественнаго отца; но III ч. свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, въ статьяхъ 167 — 170, содержитъ рядъ постановленій, въ силу которыхъ обязанность доставлять незаконнорожденному, необходимыя на его содержаніе и воспитаніе, средства, пока онъ не будетъ въ состояніи содержать себя самъ, лежитъ преимущественно на отцѣ и на имуществѣ, оставшемся послѣ него, а въ отношеніи къ матери незаконнорожденнаго тѣ же узаконенія равнымъ образомъ содержатъ подобныя же постановленія, налагающія извѣстныя имущественныя обязанности на сожителя, или обольстителя. Такимъ образомъ, необходимо признать, что въ Прибалтійскихъ губерніяхъ незаконнорожденныя дѣти и матери пользуются правомъ иска объ обезпеченіи въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, такъ какъ подобные иски проистекаютъ изъ отношеній, основанныхъ на правѣ гражданскомъ. Исходя изъ этихъ соображеній, судебная палата признала, что иски объ обезпеченіи незаконнорожденнаго ребенка въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, на основаніи 1 ст. уст. гражд. суд., должны разрѣшаться въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, а не уголовнаго, какъ въ губерніяхъ внутреннихъ; что же касается личной отвѣтственности за дѣяніе, предусмотрѣнное 2 ч. 994 ст. улож. о нак. и состоящей въ церковномъ покаяніи, то судъ гражданскій при разрѣшеніи иска объ обезпеченіи незаконнорожденнаго ребенка, обязанъ, руководствуясь 8 ст. уст. гражд. суд. и 1002 ст. уст. угол. суд., сообщить духовному начальству по принадлежности о событіи незаконнаго сожитія для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности по 994 ст. улож. о нак., которая, не будучи отмѣнена для Прибалтійскихъ губерній, получитъ примѣненіе въ указанномъ выше порядкѣ суда духовнаго.

Такое рѣшеніе вопроса, вполнѣ согласное съ нашимъ взглядомъ и притомъ исходящее отъ установленія, поставленнаго во главѣ всѣхъ судебныхъ установленій Прибалтійскаго края, и имѣющее поэтому оффиціальный характеръ, должно было бы окончательно разрѣшить этотъ вопросъ и положить навсегда конецъ какимъ бы то ни было разномысліямъ и недоумѣніямъ; но жизнь такъ разнообразна въ своихъ проявленіяхъ, такъ, можно сказать, капризна въ отношеніи условій и обстановки, въ которыхъ выливается какое либо житейское событіе, что предусмотрѣть всѣ эти условія почти невозможно и законъ, регулирующій извѣстныя правоотношенія, при всей своей обобщенности остается всетаки по большей части позади жизни. Сряду же, вслѣдъ за указаннымъ выше опредѣленіемъ с.-петербургской судебной палаты по вопросу о томъ, какому порядку судопроизводства, гражданскому или уголовному, должны слѣдовать дѣла по искамъ объ обезпеченіи незаконно прижитыхъ дѣтей, жизнь снова съиграла одну изъ своихъ многочисленныхъ шутокъ надъ закономъ и въ особенности зло посмѣялась надъ приведеннымъ выше разъясненіемъ занимающаго насъ вопроса.

Къ одному изъ мировыхъ судей Курляндской губерніи поступило отъ А. исковое прошеніе, въ которомъ она проситъ о присужденіи въ ея пользу съ Б. извѣстной суммы на содержаніе и воспитаніе прижитаго ею въ незаконной связи съ Б. ребенка. Мировой судья вызываетъ стороны, при чемъ въ день разбора этого дѣла отвѣтчикъ Б. на судъ не является, а возвращенныя съ соотвѣтствующей надписью повѣстки свидѣтельствуютъ о выбытіи отвѣтчика Б. на жительство изъ Курляндской губерніи въ смежную Ковенскую. Дѣло назначается вновь къ слушанію, но отвѣтчикъ Б. снова не является, а присылаетъ вмѣсто себя письменное заявленіе объ отводѣ на основаніи 1 п. 69 ст. уст. гражд. судопр., такъ какъ живетъ онъ въ Ковенской губ., а иски гражданскіе по общему правилу предъявляются по мѣсту жительства отвѣтчика. Мировой судья Курляндской губерніи, прекращая у себя дѣло А., заявляетъ ей, чтобы она обратилась со своею жалобою къ мировому судьѣ Ковенской губерніи, въ участкѣ котораго имѣетъ жительство отвѣтчикъ Б. А. слѣдуетъ этому совѣту, но мировой судья Ковенской губерніи отказываетъ ей въ принятіи жалобы, основывая свой отказъ на томъ, что по законамъ общимъ, дѣйствующимъ во внутреннихъ губерніяхъ, къ которымъ принадлежитъ и Ковенская, подобнаго рода иски могутъ быть разрѣшаемы лишь въ уголовномъ порядкѣ по 2 ч. 994 ст. улож. о нак., и направляетъ А. къ судебному слѣдователю. Этотъ послѣдній, руководствуясь 208 ст. уст. угол. судопр., также отказывается принять къ своему производству дѣло по жалобѣ А., такъ какъ подсудность уголовныхъ дѣлъ опредѣляется по общему правилу, выраженному въ 208 ст. уст. угол. судопр., по мѣсту совершенія преступленія или проступка, а въ виду того, что въ данномъ случаѣ проступокъ совершенъ былъ въ предѣлахъ Курляндской губерніи, отсылаетъ жалобщицу къ судебному слѣдователю мѣста совершенія проступка; но и этотъ послѣдній къ вящему изумленію А, отказывается также приступить къ слѣдствію въ силу приведеннаго выше опредѣленія с.-петербургской судебной палаты, разъяснившаго, что дѣла этого рода въ Прибалтійскихъ губерніяхъ должны разбираться въ гражданскомъ порядкѣ, почему, находясь въ невѣдѣніи обо всѣхъ, претерпѣнныхъ жалобщицею А. мытарствахъ, преподаетъ ей мудрый совѣтъ—обратиться къ подлежащему мировому судьѣ, т. е. начать съизнова свои похожденія въ погоню за ускользающимъ отъ нея правосудіемъ.

Это ли не отказъ въ правосудіи, и притомъ на законномъ основаніи? и возможно ли при данныхъ условіяхъ не нарушить общаго закона, выраженнаго въ 10 ст. уст. гражд. судопр. и 13 уст. угол. судопр., по силѣ которыхъ воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ, за что виновные подвергаются отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи и какъ за противузаконное бездѣйствіе власти, на основаніи 341 343 ст. улож. о нак.?

Итакъ, приведенный только что случай, имѣвшій мѣсто въ дѣйствительности, воочію, нужно сознаться, доказалъ неполноту предложеннаго нами и утвержденнаго с.-петербургскою судебною палатою разъясненія вопроса о коллизіи мѣстнаго закона съ общимъ; приведенный примѣръ ясно доказалъ частный характеръ разъясненія палаты и отсутствіе въ ней необходимой обобщенности.

Тѣмъ не менѣе необходимо, однако же рѣшить этотъ вопросъ; ст. 10 уст. гражд. судопр. и 13 ст. уст. угол. судопр. безусловно обязываютъ насъ къ тому, угрожая въ противномъ случаѣ отвѣтственностью.

Утихнувшіе было, послѣ полученнаго разъясненія палаты толки и разсужденія по занимающему у насъ вопросу, снова возникли въ средѣ юристовъ-практиковъ Прибалтійскаго края по поводу приведеннаго выше частнаго случая, и рѣшеніе общаго вопроса оказалось куда легче рѣшенія его въ связи съ возникшимъ частнымъ случаемъ. Высказывалось много разныхъ мнѣній, которыя, однако, не разрѣшали въ полномъ объемѣ вопроса. На одномъ изъ выслушанныхъ нами мнѣній, наиболѣе показавшимся намъ интереснымъ и основательнымъ, считаемъ не лишнимъ остановиться. Высказано было, что единственнымъ способомъ примиренія мѣстнаго и общаго порядковъ разрѣшенія дѣлъ объ обезпеченіи незаконнорожденныхъ дѣтей было бы аналогическое примѣненіе къ данному вопросу альтернативнаго права жалобщицъ, возбуждать дѣла этого рода въ порядкѣ гражданскаго или уголовнаго судопроизводства. Столь остроумный выходъ изъ невозможнаго положенія, представляемаго приведеннымъ частнымъ примѣромъ, конечно, разрѣшилъ бы встрѣченное недоумѣніе; жалобщица А., пройдя чрезъ всѣ судебныя установленія двухъ смежныхъ губерній и, дойдя наконецъ, до судебнаго слѣдователя Курляндской губерніи, потребовала бы у этого послѣдняго возбужденія дѣла въ уголовномъ порядкѣ, и, такимъ образомъ, достигла бы своей цѣли—обрѣла бы правосудіе, въ которомъ ей всюду отказали.

Но, съ такимъ мнѣніемъ мы никакъ согласиться не можемъ. Выходъ изъ затрудненія, указанный въ приведенномъ мнѣніи—болѣе остроуменъ, чѣмъ правиленъ. Аналогія, столь спасительная въ случаяхъ неполноты, неясности недостатка или противорѣчія законовъ, должна имѣть однако границы, и нарушеніе границъ аналогіи можетъ влечь за собою какъ неизбѣжное послѣдствіе—незаконное присвоеніе, чуждой судамъ, законодательной власти. Приведенное мнѣніе проводитъ аналогію съ порядкомъ возбужденія дѣлъ объ обидахъ или личныхъ оскорбленіяхъ; статья 138 уст. о нак., нал. мир. суд., предоставляетъ обиженному или оскорбленному на выборъ или просить наказанія обидчика въ порядкѣ уголовнаго суда, или требовать присужденія въ его пользу обезчестія въ порядкѣ гражданскаго суда. Но это альтернативное право допускается закономъ лишь въ отношеніи одного рода проступковъ, заключающихся въ оскорбленіи чести, почему и примѣнимо лишь къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ 130—137 статьями устава о наказаніяхъ, назначаемыхъ мировыми судьями, и 1533 ст. уложенія о наказаніяхъ, такъ какъ эта по-

слѣдняя статья помѣщена въ отдѣленіи «о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ». Такимъ образомъ, право выбора порядка возбужденія дѣлъ ограничивается лишь извѣстнымъ родомъ проступковъ и является исключеніемъ изъ общаго правила о несмѣшеніи уголовныхъ и гражданскихъ исковъ и, какъ исключеніе, не терпитъ распространительнаго толкованія. Съ другой стороны, процедура уголовнаго порядка разсмотрѣнія этого рода дѣлъ, разумѣется, стѣснительнѣе для пострадавшихъ, чѣмъ гражданскій порядокъ, и потому послѣдній порядокъ разсмотрѣніи этихъ дѣлъ предпочтительнѣе для женщины, которая такимъ образомъ освобождается отъ необходимости испытывать на себѣ всѣ невыгодныя послѣдствія, съ которыми связано положеніе обвиняемыхъ и за тѣмъ подсудимыхъ; это несомнѣнно — преимущество, дарованное женщинѣ гражданскими законами Прибалтійскаго края, между тѣмъ при допущеніи права выбора порядка разрѣшенія этихъ дѣлъ усмотрѣнію отвѣтчика предоставлялось бы самопроизвольно лишать истицъ этого преимущества, стоитъ отвѣтчику при возбужденіи противъ него дѣла выѣхать временно всего лишь на одну версту за-границы Прибальтійскихъ губерній, чтобы заставить жалобщицу поневолѣ отказаться отъ преимущества вести дѣла гражданскимъ порядкомъ и тѣмъ самымъ заставить даже вовсе отказаться отъ преслѣдованія обольстителя. Конечно, такой порядокъ вещей, нарушающій равноправность сторонъ, не можетъ быть признанъ цѣлесообразнымъ и необходимо искать какого либо другаго выхода. Мы думаемъ, что найти этотъ выходъ путемъ примѣненія правилъ, указанныхъ 9 ст. уст. граж. судопр. и 12 ст. уст. угол. суд., т. е. основывая рѣшеніе вопроса на общемъ смыслѣ законовъ, едва ли возможно, и единственнымъ, по нашему мнѣнію, исходомъ изъ столь невозможнаго положенія является возможно быстрое обращеніе къ законодательной власти, которая только и можетъ быть признана вполнѣ компетентною въ разрѣшеніи неразрѣшимаго однимъ толкованіемъ затрудненія.

В. Харламовъ.

Замѣченныя опечатки въ статьѣ И. Я. Фойницкаго: „Уголовно-правовая доктрина о соучастіи“, 1891 г., № 1.

			Напечатано:	*Сльдуетъ:*
1	стр.	10 строка снизу	„quot delinquenti	„quot delinquentum
21	„	3 и 4 „ сверху	tot delicti“	tot delicta“
19	„	19 „ „	„одна вина, одно и дѣяніе“	„одна вина“
21	„	11 „ „	„утрачивается“	„устраняетъ“.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“

въ 1891 году (годъ второй).

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ издается, подъ редакціей ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **П. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева и Н. М. Коркунова**. Задачею журнала поставляется, во-первыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни, во-вторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ заключаетъ въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ права и государствовѣдѣнія; II. Хроники: законодательную, судебную и научную; III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе. Подписная цѣна **5** рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Гг. **иногородные** благоволятъ обращаться *въ Главную контору* „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ“, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, по 5 линіи, домъ № 28, *книжный складъ М. М. Стасюлевича.*

АРХИВЪ
ПСИХІАТРІИ, НЕЙРОЛОГІИ
и
СУДЕБНОЙ ПСИХОПАТОЛОГІИ,

издаваемый подъ редакціей П. И. Ковалевскаго,

проф. психіатріи и нервныхъ болѣзней при Харьк. университетѣ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

В. М. Автократовъ (Петербургъ), **Э. И. Андрузскій** (Одесса), **Д. Д. Ахшарумовъ** (Рига), **Н. Н. Баженовъ** (Рязань), проф. **В. М. Бехтеревъ** (Казань), **В. А. Брянцевъ** (Иркутскъ), **С. А. Бѣляковъ** (Петербургъ), **Я. А. Боткинъ** (Казань), **М. С. Буба** (Смоленскъ), **Н. А. Бухаловъ** (Казань), **П. А. Викторовскій** (Варшава), **Я. В. Гиршсонъ** (Курскъ) **З. В. Гутниковъ** (Москва), **А. А. Говсѣевъ** (Екатеринославль), **В. Ѳ. Галенко** (Умань), **А. М. Головина** (Болгарія), **А. Р. Грунау** (Екатеринославль), **А. П. Драгомановъ** (Петербургъ), **Д. А. Дриль** (Москва), **М. В. Игнатьевъ** (Могилевъ), **К. Н. Ковалевская** (Харьковъ) **С. С. Корсаковъ** (Москва), **Е. И. Компанѣйская-Ковалевская** (Петербургъ), **Д. В. Куклярскій** (Могилевъ), **П. Н. Лащенко** (Харьковъ), **А. Мальшинъ** (Москва), **Н. А. Мисловскій** (Казань), **Н. И. Мухинъ** (Харьковъ), **П. П. Платовъ** (Харьковъ), **N. Я. Платоновъ** (Харьковъ), проф. **Н. М. Поповъ** (Варшава), **М. Н. Поповъ** (Харьковъ), **Д. И. Поляковъ** (Харьковъ), **Г. И. Раевскій** (Симферополь), **М. И. Рудовъ** (Новочеркаскъ), **В. Сербскій** (Москва), **С. Н. Совѣтовъ** (Владимріъ), **В. В. Соколовъ** (Казань), **К. П. Сулима** (Ямполь), **А. Тельнихинъ** (Саратовъ), **В. А. Тихомировъ** (Харьковъ), **А. А. Токарскій** (Москва), **А. Толоконниковъ** (Ярославль), **П. А. Троицкій** (Варшава), **В. Д. Троновъ** (Нижній-Новгородъ), **М. И. Федоровъ** (Одесса), **В. Ф. Чижъ** (Петербургъ), **І. Б Шергандъ** (Орелъ), **С. И. Штейнбергъ** (Саратовъ), **М. А. Шульгинъ** (Heipelberg), **А. А. Яковлевъ** (Тверь) и друг.

Подписная цѣна 6 р.; экземпляры 1885, 86, 87, 88 и 89 гг. по 4 р.,—1884—10 р. подписка принимается въ Харьковѣ, Ново-Чернышевская ул., № 1.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

ПЕРВЫЙ ТОМЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ“

сборника Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Цѣна **2** р. **50** к. (складъ при типографіи М. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 5 линія, д. № 28).

Содержаніе: Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки, *Н. И. Карѣева.*—Новѣйшія работы по исторіи французской революціи, *его же.*—Къ вопросу о внѣшней политикѣ Швеціи въ 30-лѣтнюю войну, *Г. В. Форстена.*—Маколей, какъ историкъ, *П. Д. Погодина.*—Философія, исторія и теорія прогресса, *Н. И. Карѣева.*—Новыя явленія въ области разработки древнегреческой исторіи, *А. И. Покровскаго.*—Обзоръ современнаго состоянія польской исторіографіи, *А. И. Павинскаго.*—Новые труды по вопросу о земельной собственности во франкскомъ государствѣ, *С. Л. Степанова.*—Иностранные историческіе журналы, *Н. К. и Г. Ф.* — *Историческая хроника:* Историческое преподаваніе въ русскихъ университетахъ. Конкурсныя темы по исторіи и „оставленные при университетахъ“.—Ученыя Общества.—Историческое преподаваніе на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Петербургѣ. — Публичныя лекціи по исторіи въ Москвѣ и въ Петербургѣ.—Историческіе диспуты въ 1890 году.—Исторія въ гимназіяхъ по новому учебному плану Новые историческіе труды.—Изъ историко-фолософской литературы за послѣднее время.—Историческое Общество при Петербургскомъ Университетѣ въ 1890 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ.

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р. —	6 р.	3 р. —	1 р. —
За границу	14 »	10 » 50 к.	7 »	3 » 50 к.	1 » 25 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3 рубля.**

Книгопродавцамъ дѣлается уступка **50** коп. съ годоваго экземпляра; кредита и разсрочекъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала:—Леонтьевскій, 21.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій.

Редакторъ-издатель **В. М. ЛАВРОВЪ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ **1891** ГОДУ

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки **8** р.	съ пересылкой въ другіе города **9** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ **8** р. **50** к.	за-границей. . . . . **12** р.

отдѣльно книга журнала **2** рубля.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія:
съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ кас. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. **Гг. дѣйствительные члены Спб. Юридическаго Общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к., а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“ С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: *Анисимова*, рядомъ съ Публичною Библіотекою, *Мартынова*, Б. Морская, 30 и *Чичинадзе*, Невскій, 57; въ Москвѣ: *Анисимова*, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. *Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.*

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 г.г. по 9 р. за каждый годъ, съ пересылкою, и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторы: **В. М. Володимировъ.**
(По отдѣлу гражд. права) **А. Х. Гольмстенъ.**

Содержаніе первой книги:

I. Узаконенія и распоряженія правительства.—II. Личный составъ.—III. О важности изученія иностранныхъ законовъ и о мѣрахъ, принятыхъ въ этомъ отношеніи во Франціи. *А. Лыкошина.*—IV. Деморализуется ли наша адвокатура? *Н. Вильскаго.*—V. Реорганизація судебныхъ установленій, по законамъ 12 іюля и 29 декабря 1889 года. *М. Хмыльницкаго.*—VI. Еще нѣсколько словъ о толкованіи ст. 576 уст. суд. торг. (изд. 1887 г). *В. Садовскаго.*—VII. Отвѣтъ г. Садовскому. *Г. Шершеневича.*—VIII. Критика и библіографія: понятіе о незамѣнимой саморасправѣ, какъ учрежденіи уголовнаго права. *В. Даневскаго.*—IX. За мѣсяцъ (юридическая хроника).—Замѣтки.—X. Юридическіе вопросы, разрѣшенные варшавскою судебною палатою за 1889 г. *І. Карпинскаго.*—XI. Порядокъ производства дѣлъ частнаго обвиненія по рѣшеніямъ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. *В. Рубана.*—XII. Проэктъ казенной адвокатуры у земскихъ начальниковъ. *А. Тютрюмова.*—XIII. Объявленія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ

ПРИ УЧАСТІИ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціей профессора Московскаго университета **Н. Я. Грота**.

ИЗДАНІЕ А. А. АБРИКОСОВА.

ГОДЪ ВТОРОЙ

(съ ноября 1890 года).

Важнѣйшее содержаніе первыхъ четырехъ книгъ журнала:

I. **Грота.** О задачахъ журнала.—**Вл. Соловьева.** Красота въ природѣ.—**А. Козлова.** Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія. — **Кн. С. Трубецкого.** О природѣ человѣческаго сознанія. — **Н. Шишкина.** Психофизическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи.— **Н. Ланге.** О дѣйствіи гашиша.—**В. Лесевича.** Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго.—**Хроника: Н. Грота.** Психологическій съѣздъ въ Парижѣ.—**С. Корсакова.** Психіатрическій съѣздъ въ Парижѣ.

II. **Э. Радлова.** Вольтеръ и Руссо.—**И. Иванцова.** Отношеніе между философіей и наукой.—**Н. Лопатина.** Положеніе этической задачи въ современной философіи.—**Н. Звѣрева.** Къ вопросу о свободѣ воли.—**Н. Грота.** Что такое метафизика.—**Н. Шишкина.** Психофизическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи.—**Д. Овсяннико-Куликовскаго.** Очерки изъ исторіи мысли.— **Хроника: А. Токарскаго.** Гипнотическій съѣздъ въ Парижѣ.—**Н. Баженова.** Второй съѣздъ по криминальной антропологіи.

III. **О. Герасимова.** Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ. — **В. Лютославскаго.** О значеніи и задачахъ исторіи философіи.—**Л. Лопатина.** Критика эмпирическихъ началъ нравственности. — **И. Иванцова.** Воспоминанія о воззрѣніяхъ С. А. Усова на искусство.—**Н. Шишкина.** Психофизическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи.—**Кн. С. Трубецкого.** О природѣ человѣческаго сознанія.— **Общія характеристики: В. Розанова.** Важнѣйшія теченія русской философской мысли. — **А. Козлова.** Очеркъ жизни и философіи Лейбница.

IV. **Кн. Е. Трубецкого.** Политическія идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи.—**Э. Радлова.** Вольтеръ и Руссо.—**Л. Лопатина.** Нравственное ученіе Канта.—**А. Токарскаго.** Гипнотизмъ въ педагогіи.— **Н. Карѣева.** Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса.— **Н. Грота.** Жизненныя задачи психологіи.—**Н. Ланге.** Элементы воли..—**Общія характеристики: В. Розанова.** О борьбѣ съ Западомъ въ связи съ дѣятельностью одного изъ славянофиловъ. — **П. Астафьева.** Нравственное ученіе Гр. Л. Толстаго.—и его критики. — **Приложенія: Я. Колубовскаго** Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи.—Психологическое Общество.

Общая программа журнала: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятіи философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,—опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знаній.

Журналъ будетъ выходить **ПЯТЬ** разъ въ годъ (вмѣсто 4 разъ): 1—10 ноября, января, марта, мая, сентября - книгами по 15—16 печатныхъ листовъ.

Условія подписки.

Съ 1 **ноября** 1890 г. по 1 **ноября** 1891 и съ 1 **января** 1891 г по 1 **января** 1892 г. за 5 книгъ—**6** р. **50** к. съ дост. и пер. и **6** р. безъ доставки; за границу—**7** р. **50** к.

Съ 1 **ноября** 1890 г. по 1 **января** 1892 г. за **6** книгъ — 8 р. съ дост. и пер., и **7** р. **50** к. безъ дост.

Для подписчиковъ, пользующихся льготой (см. на оберткѣ), подписная плата на тѣ-же сроки: 1) 4 р. 50 к., 4 р. и 5 р.; 2) 6 р. и 5 р. 50 к.

Продажа отдѣльныхъ книгъ журнала производится въ конторѣ редакціи. Цѣна одной книги 1 р. 50 к.; московскимъ книгопродавцамъ дѣлается уступка 20%. Иногороднимъ высылается за 2 руб. Остающіеся экземпляры 1-го года (4 книги) продаются у книгопродавцевъ и въ конторѣ редакціи по **6** р., съ перес. **7** р.

Подписка принимается: въ конторахъ редакціи (**Чистые пруды**, д. **Мейнгардтъ** и Новинскій бульваръ, д. Баженовой), въ редакціи журнала „**Русская Мысль**“ и въ конторѣ типографіи **А. Гатцука** (Никитскій бульваръ, д Гатцука); въ книжныхъ магазинахъ: „**Новаго Времени**“ (въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ); **Н. П. Карбасникова** въ Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Кіевѣ; **Е. Распопова и Бѣлаго** въ Одессѣ и другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ, а также въ конторѣ **Печковской** (Москва, Петровскія Линіи). **Иногороднихъ** просятъ адресовать подписку по возможности, на имя конторы редакціи: **Москва, Чистые пруды, д. Мейнгардтъ.**

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Вышла 1 (5-я) ноябрьская книга.

Содержаніе:

А. Козлова. Письма о книгѣ Л. Н. Толстого «О жизни».—**Л. Лопатина.** Теоретич. основы сознат. нравственной жизни.—**Вл. Соловьева.** Общій смыслъ искусства. — **Д. Куликовскаго.** Очерки изъ исторіи мысли.—**К. Вентцеля.** Ученіе о волѣ въ новой психологіи.—**А. Волынскаго.** Нравственная философія Гр. Л. Толстого. — Обзоры журналовъ и книгъ. — Замѣтка **П. Астафьева** о «Своемъ словѣ» А. Козлова.—Письмо къ редактору о Лесевичѣ, **Вл. Соловьева.**—Полемика **А. Козлова.**—Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи.—Психологическое Общество.

Адресъ редакціи: Москва, Новинскій бульваръ, д. Котлярева.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1891 ГОДЪ

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются:

I. Въ **отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за-границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками, въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

000191328
ЮФ СПБГУ

Изданія редакціи журнала „Юридическій Вѣстникъ“:

Институціи римскаго права. *Рудольфа Зома*, профессора въ Лейпцигѣ. Переводъ *В. М. Нечаева* съ третьяго нѣмецкаго изданія. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Малолѣтніе преступники. Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ ней. Вып. II-ой: Психологія преступности (первая половина). *Д. Дриля.* Ц. 1 р. 75 к.

Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями (частныя психологія преступности) *Д. Дриля*, Ц. 1 р.

Первобытное право. I. и II вып. *М. Ковалевскаго.* Ц. 2 р. 65 к. за два вып.

Обзоръ современной литературы по международному праву. Графа *Л. Камаровскаго*, проф. Московскаго университета. Ц 2 р. 50 к

Судебные уставы Императора Александра втораго съ толкованіями, извлеченными изъ всей отечественной юридической литературы. I. Учрежденіе судебныхъ установленій. II. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Составилъ А. *Тимановскій*, тов. предс. Варш. окруж. суда. Цѣна 4 р.

Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ по уставу военно-судебному. Полковника *Македонскаго.* Москва. Цѣна 1 р.

Древнѣйшая жизнь евреевъ. Соціологическій этюдъ. *Джона Фентона.* Цѣна 1 р.

Объ основаніи защиты владѣнія по римскому праву. *Рудольфа фонъ Геринга*, переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 50 к.

Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. *Рудольфа-фонъ Геринга*, переводъ съ нѣмецкаго *В. Огнева*, подъ редакціей проф. *С. А. Муромцева.* Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году. Издано подъ редакціей *С. И. Баршева*, *Н. В. Калачова*, *С. А. Муромцева* и *А. М. Фалъковскаго.* М. 1882. Ц. 2 р.

Юриспруденція обыденной жизни. Собраніе юридическихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ событій обыденной жизни. Для пользованія въ университетахъ. Составилъ *Д-ръ Рудольфъ фонъ-Герингъ.* Пер. съ 4 нѣм. изданія *Николая Дерюжинскаго.* Цѣна 75 коп.

Гражданское право древняго Рима. Лекціи *Сергѣя Муромцева*, профессора Московскаго Университета. Ц. 5 р.

Рецепція римскаго права на Западѣ. *Сергѣя Муромцева.* Москва. Цѣна 2 р.

Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи. *Сергѣя Муромцева.* Изд. 2-ое, испр. и доп. Москва. Цѣна 1 р.

Логика общественныхъ наукъ. Переводъ VII и VIII главъ пятой книги Логики Бэна съ приложен.: „Доказательство въ историческихъ наукахъ“. Цѣна 50 к.

Древніе русскіе смѣсные или вобчіе суды. Составилъ *Николай Лапе.* Ц. 2 р.

Проэкты желѣзнодорожнаго законодательства, составленные и обсужденные въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ въ 1879—80 г. Ц. 1 р.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

О преступленіяхъ въ особенности. Профессора *Будзинскаго.* Цѣна 3 руб.

Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 1864 года. *А. Кваческаго.* Часть I, цѣна 1 р. 85 к.— Часть III, вып. 1, цѣна 2 р. Часть III, вып. 2, цѣна 2 р.

Законъ 18 мая 1882 г. о кражѣ. Съ комментаріемъ. *С. Будзинскаго.* Ц. 80 к.

Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. I. Очерки исторіи славянъ. *О. О. Первольфа*, проф. Варшав. унив. Ц. 2 р.

Опыты по исторіи англійской конституціи (Фриманъ и Стебсъ). Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *М. Ковалевскаго.* Цѣна 2 р., для студентовъ 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Земскіе вопросы. *В. Ю. Скалона.* Цѣна 1 р. 50 к.

ЗА ОБЪЯЛЕНІЯ,

помѣщаемыя въ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ», взимается:

	За 1 разъ:	За каждый слѣдующій:
1. За цѣлую полосу (страницу) . . .	8 р. с.	6 р. с.
2. За $^1/_2$ полосы (страницы)	5 р. с.	4 р. с.
3 За $^1/_4$ полосы (страницы)	3 р. с.	3 р. с.

Въ полосѣ 50 строкъ петита, около 70 буквъ въ каждой. За приложеніе отдѣльныхъ объявленій въ количествѣ до 1400 экземпляровъ—десять рублей.

Юридическій Вѣстникъ

выходитъ ежемѣсячно книжками около десяти печатныхъ листовъ въ каждой.

Годовое изданіе составляетъ **три** тома.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., съ доставкою и пересылкою 8 руб., заграницу 10 руб. Отдѣльныя книжки журнала за текущій годъ по 1 руб.

Члены Московскаго Юридическаго Общества, желающіе получать журналъ съ доставкою на домъ, уплачиваютъ за доставку въ годъ одинъ рубль, который благоволятъ присылать въ редакцію почтовыми марками или вносить въ кассу Общества деньгами, сообщая при семъ свои адресы.

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ присылать сорокъ коп. деньгами или марками.

«Юридическій Вѣстникъ» за прошлые годы, начиная съ 1880 года, высылается съ платою по 8 руб. за годъ, при выпискѣ же трехъ лѣтъ и болѣе—по шести рублей за годъ. За остальные годы (ранѣе 1880 г.) экземпляровъ журнала въ редакціи не имѣется.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Москвѣ: въ главной конторѣ журнала (при конторѣ *Печковской*) и въ книжномъ магазинѣ *И. П. Анисимова* на Никольской улицѣ.

въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ *И. П. Анисимова*, рядомъ съ Публичною Библіотекою, и *Д. В. Чичинадзе*, Малая Морская, 9.

Гг. иногородніе подписчики, высылающіе подписныя деньги по почтѣ, благоволятъ адресовать ихъ: въ редакцію „Юридическаго Вѣстника“ въ Москвѣ.

РЕДАКЦІЯ
„Юридическаго Вѣстника“
въ Москвѣ,
Скатертный пер., домъ Муромцевой.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
„Юридическаго Вѣстника“
въ Москвѣ,
Петровскія Торговыя линіи, при конторѣ Н. Н. Печковской.

Редакторы: **С. А. Муромцевъ.**
В. М. Пржевальскій.